

ВЛАДИСЛАВ
ДУНАЕВ

«на рубежах»

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1983

66.3 (5Я)
Д83

Рецензент
кандидат исторических наук
Г. Комаровский

Вступительное слово
С. Беглова

Художник
Г. Пондопуло

Д 0804000000-226 КБ-016-003-83.
078(02)-83

(с) Издательство «Молодая гвардия», 1983.

Книга «Японцы «на рубежах» — вторая работа журналиста-международника Владислава Дунаева, посвященная проблемам страны, соседствующей с нами на Дальнем Востоке, Первую его книгу «Японцы в Японии» издательство «Молодая гвардия» выпустило в 1977 году. Ее заметили не только у нас в стране. Книга была переведена и издана в Японии.

В новой работе В. Дунаев основное внимание уделяет проблемам современной Японии в условиях, когда остался позади пик бурного рывка японской индустрия, или так называемого, «японского экономического чуда», и страна вступила в полосу кризиса. В то же время значительно усложнилось и международное положение. Все это не могло не сказаться на обстановке в Японии, на жизни ее народа, Личные наблюдения, анализ процессов социальной и общественной жизни Японии позволили автору живо и ярко показать атмосферу, в которой идет формирование современного японца на рубежах — на пороге вступления в XXI век.

Книга В. Дунаева даст возможность нашему молодому читателю больше узнать о нынешней Японии, о ее людях, о сложностях, в которых приходится им отстаивать свое существование в условиях высокоразвитого капиталистического общества.

СПАРТАК БЕГЛОВ

ОТ АВТОРА

Моему поколению японоведов повезло. Повезло дважды. Прежде всего, вся сознательная часть нашей жизни проходит в условиях длительного мира, какого еще не знала история нашей страны. Во-вторых, мы имеем возможность непосредственно участвовать в расширении контактов между нашими двумя странами, узнавать друг друга не только по литературе, но путем непосредственного взаимопользовного общения. И еще очень важно то, что в своей работе мы идем по дороге, проложенной до нас и для нас не одним поколением умных, честных и самоотверженных ревнителей дружбы между нашими народами, каковых немало у нас и в Японии.

Летел навстречу мокрый снег,
И по равнине Исикари
Наш поезд мчался сквозь метель,
И я в том северном просторе
Роман Тургенева читал.

Это стихи признанного классика японской и мировой литературы поэта Исикава Такубоку.

С конца прошлого века, то есть с момента, когда Япония открыла себя миру, началось широкое приобщение японцев к мировой культуре. И здесь в первую очередь можно указать на русскую литературу — Тургенева, Толстого, Чехова, Достоевского, позднее Горького. На творчестве этих писателей было воспитано не одно поколение японцев.

Начиная с таких классиков японской литературы, как Футабатэй Симэй, подаривший японцам творчество Тургенева, Токутоми Рока, совершивший «паломничество» в Ясную Поляну к Толстому, крупнейшие японские переводчики русской литературы по праву вписали свои имена в культурное наследие Японии. Советская литература также гордится многими прекрасными переводами лучших произведений японской литературы — Акутагава Рюносукэ, Куникада Doppo, Кавабата Ясунари и многих других, удивительно проникновенной и точной передачей сложного и своеобразного мира японской поэзии.

Если два народа стремятся узнать друг о друге, сделав своим достоянием самое ценное, сокровенное — литературу, искусство, и значит — мысли и чувства друг друга, разве это не свидетельствует об их стремлении к взаимопониманию. При всей несхожести русских и японцев у них одинаковая способность, одинаковое стремление докапываться до корней, до самой сути явления, лучшим свидетельством чему — русская и японская литература. Серьезный, глубоко философский подход к жизни — это то, что объединяет русских и японцев. Наряду с этим русским и японцам присуща, пусть качественно различная, но одинаково важная для того и другого народов тесная связь с природой.

Сейчас проблемы, которые предстоит нам решать, на много порядков выше — защитить жизнь на Земле, не допустить превращения нашей планеты в мертвый шар, покрытый ядерным пеплом. Так пусть присущее нам глубокое и серьезное восприятие жизни, завещанное лучшими представителями прошлого наших народов, поможет нам в защите будущего.

Весной 1982 года в Токио прошла Третья конференция «круглого стола» представителей советской и японской общественности. В ее работе приняли участие около 500 японских и советских делегатов: политические деятели, представители деловых кругов, руководители и активисты общественных организаций, ученые, журналисты, деятели культуры и искусства.

Представительность советско-японской встречи свидетельствовала о неослабевающем стремлении сторон продолжать усилия, направленные на развитие отношений стран-соседей, на достижение большего взаимопонимания между советским и японским народами. Совместное коммюнике подтвердило готовность продолжить диалог, начатый Первой конференцией «круглого стола» в декабре 1979 года в Токио и получивший свое развитие в ноябре 1980 года в Москве.

Среди многих жизненно важных вопросов, обсуждавшихся в ходе конференции, таких, как проблема современного международного положения, состояния и перспектив развития политических отношений, экономических и культурных связей между Советским Союзом и Японией, участники встречи уделили большое внимание деятельности средств массовой информации, их роли и ответственности за развитие взаимопонимания между народами двух стран. И это понятно: что-

бы дружить, необходимо доверять друг другу, а для этого надо друг друга знать.

...Вскоре после окончания Олимпийских игр в Москве Советский Союз посетила делегация Ассоциации редакторов и издателей Японии. В качестве представителя от Союза журналистов СССР я принимал участие в поездке этой делегации по стране. При первых же встречах с этой делегацией я был крайне удивлен какой-то неестественной скованностью, даже настороженностью японских журналистов. К счастью, не прошло и двух дней, как мы уже прекрасно «сработались» друг с другом. Как признались позже наши гости, они ехали в Советский Союз с большой опаской, ожидая встретить холодный прием: накануне под нажимом США Япония отказалась участвовать в Московской олимпиаде. Буржуазная пресса, радио и телевидение предупреждали о «советской угрозе», предоставив полную возможность наиболее агрессивно настроенным правым реваншистским элементам довести до широких слоев японского общества свои идеи и далеко идущие проекты.

В Хабаровске, городе-побратиме японской Ниигаты, во время свободного обмена мнениями членов этой делегации с советскими журналистами японцы задавали самые различные вопросы, среди них и такой: «Действительно ли в 1978 году советские войска были уже готовы высадиться на Хоккайдо?» Как это ни удивительно, но именно этот, прямо скажем, «неожиданный» для нас, советских людей, вопрос помог разрядить атмосферу: лед явно тронулся, когда наши японские друзья услышали, что советские представители действительно хотели бы «высаживаться на Хоккайдо». Но только в качестве туристов-рыболовов. Оставшиеся десять дней визита проходили уже совсем в другой обстановке. Перед нами вновь были добрые коллеги-друзья, каких, я верю в это, большинство среди журналистов Японии...

За долгие годы журналистской работы, которая в силу японоведческой специальности постоянно сталкивает меня с японцами, с Японией, я убедился в необходимости и реальной возможности не только сотрудничества, но и дружбы между нами, коллегами-журналистами двух соседствующих стран. Помимо обоюдного интереса, помимо многих требующих изучения и решения вопросов, нас связывает взаимная ответственность за судьбу отношений между нашими народами и, следовательно, за будущее мира на земле. Положительно-

му решению всех, как связующих, так и разделяющих нас, проблем и призвана служить наша журналистская работа.

Но, к сожалению, приходится констатировать, что проблемы первостепенной важности, волнующие все человечество, нередко уступают место надуманным, чисто амбициозным вопросам. Например, в течение ряда лет на страницах японской прессы на все лады обсуждается утверждение: XXI век станет «веком Японии». Видимо, наших читателей даже сама постановка такого вопроса удивит. Но мы коснулись этого не случайно.

Дело в том, что натиск буржуазной пропаганды преследует цель заставить японцев поверить в «японское экономическое чудо», однако в дружном многоголосии раздаются и трезвые ноты: представители прогрессивных сил Японии предупреждают, что почва этого «чуда» зыбка, что чрезмерно высокие темпы экономического роста, демонстрировавшиеся в 60-е годы, навязывались стране монополистическим капиталом в стремлении получить максимальную прибыль. Но при этом никто и не помышлял о создании базы общественного капитала. А ведь такая база и есть основа благосостояния страны. Тем более она важна, когда речь идет об обществе, в котором сегодня ты имеешь работу, а завтра — нет.

В 1974—1975 годах на Японию обрушился самый глубокий за весь послевоенный период экономический кризис. Монополии, которые в предшествовавший период «бурного экономического роста» могли себе позволить идти на некоторые уступки трудящимся, так что условия жизни работающих японцев относительно приблизились к показателям других развитых капиталистических стран, в новых условиях должны были спасти собственное положение. А оно оказалось отнюдь не легким. В силу почти полной зависимости от внешних рынков промышленного сырья экономика Японии более, чем какой-либо другой страны, ощутила на себе последствия роста цен на нефть и другое сырье, что явилось результатом справедливого требования развивающихся государств изменить неравноправное положение в мировой системе капитализма, возникшее вследствие прошлых колониальных захватов.

Основным законом любого капиталистического общества, как известно, является закон обеспечения прибылей во что бы то ни стало. Здесь японские монополии

проявили чудеса «гибкости» и, как теперь говорят, «мобильности». Нетрудно догадаться, что оба эти качества, обеспечив большую жизнестойкость крупному капиталу (средних и мелких предпринимателей, которых в Японии большинство, как и следовало ожидать, монополии оставили на «самовыживание»), ошутимо сказались на жизни трудового народа.

В последние годы Япония недаром получила на Западе название «корпорация Япония»: в условиях, когда существует теснейшая смычка между правительством, промышленными и финансовыми кругами, высшая консервативная администрация не могла не увеличить размеры государственных дотаций «терпящим бедствие» монополиям. Помощь эта, выдаваемая за счет государственного бюджета, соответственно требовала урезывания ассигнований на социальные нужды. К тому же государственный долг, образовавшийся в результате многолетних выпусков займов на покрытие бюджетного дефицита, также требует средств для своего погашения.

Так, по сообщению агентства Киодо Цуссин, в конце мая 1983 года министерство финансов Японии приступило к составлению проекта бюджета на очередной финансовый год. Обращает на себя внимание, что при этом правительственные круги стремятся руководствоваться «принципом уменьшения расходов на 5—7 процентов по всем статьям». Однако для военного ведомства делается исключение, несмотря на то, что сумма задолженности правительства Японии по непогашенным займам и невыплаченным по ним процентам уже превысила 100 триллионов иен (один доллар — более 230 иен). Как и в прошлые годы, «оздоровление» финансов предполагается провести за счет сокращения расходов на социальные нужды, не затрагивая интересы монополий.

Неудивительно, что ситуация, сложившаяся в результате всего этого в Японии, довела внутренние социально-экономические противоречия японского общества до большой остроты.

Теперь о «мобильности». В памяти мира недаром живет образ японца 60-х годов: хатимаки — головная повязка с иероглифами боевого призыва — символизирует японца — труженика и борца за справедливость, за условия жизни, достойные человека труда. Как и следовало ожидать, новое наступление монополий на интересы трудящихся вызвало мощный отпор. Рабочий народ

Японии в своих «весенних наступлениях», ставших известными всему миру, отстаивал перед капиталом права труда. Вот здесь и проявилась «мобильность» японских монополий, которые заявили трудящимся: либо вы сами «сознательно» откажетесь от борьбы за заработную плату, либо, с учетом экономических трудностей, вас ждет безработица. Параллельно монополии форсировали экспорт капитала в страны с дешевым сырьем и дешевой рабочей силой и исподволь готовили выгодную им коренную перестройку всей производственной структуры страны. И то и другое означало свертывание производства в отдельных отраслях и на отдельных предприятиях Японии и, следовательно, дальнейший рост безработицы.

При этом правящие силы страны понимали: народ, трудящихся нельзя лишать перспективы. С этой целью идеологи японского капитализма сформулировали лозунг для «новых времен»: «XXI век станет веком Японии — доброго брата». А своего рода основой для такого перехода должна стать «эпоха культуры» — когда каждый японец, прежде чем переступить рубеж XXI века, вспомнит и возродит в себе все лучшие традиции японской культуры.

Нетрудно понять, о каких «лучших традициях» напоминают «перед дальней дорогой» правящие мира сего. Несложно домыслить и роль «доброго брата», оказывающего «бескорыстную» помощь странам — производителям сырья (столь необходимого Японии!). А между тем был найден и «недобрый брат» — так называемый «предполагаемый противник», с Севера «угрожающий» Японии, которая «вынуждена» поэтому идти на увеличение военного бюджета, на расширение производства вооружений — а по существу, на удовлетворение давних требований своих занятых в военных отраслях производства монополий и заокеанского старшего партнера — союзника по «договору безопасности».

Так что же, круг замкнулся?

Без сомнения, в Японии существуют силы, которые хотели бы ответить на этот вопрос утвердительно. Это их представители в военизированной форме, в устрасяющих касках разезжают по городам страны в многочисленных автофургонах, снабженных реваншистскими лозунгами и ревущими громкоговорителями. Но, как говорят сами японцы, производимый ими шум поразительно не соответствует полному отсутствию внимания

и интереса к ним окружающих — спешащих на работу или с работы японцев. А ведь именно таких японцев, рабочих-тружеников, абсолютное большинство. К тому же немногостораживающее «отсутствие внимания» — это, хочется верить, не от слепоты и слабости, а от зрелости и силы. И разве не о силе говорит размах народных выступлений последних лет — в защиту прав трудящихся, в защиту мирной конституции, против милитаризации, против развязывания ядерной войны. Разве не об этом говорят 80 миллионов подписей, собранных в Японии против ядерного оружия?

Мы не верим в широко рекламируемую буржуазной публицистикой социальную «гармонию» японского общества — ее не существует, кроме как в расчетах правящих кругов, прикидывающихся «добрым братом» слабому. «Неидеологичность» японца — выгодный властью имущим миф, который служит для доказательства существования лишь единственной, отражающей якобы «общенациональное единодушие», правящей буржуазной идеологии. Этот миф помогает благополучным не слышать многих вопиющих диссонансов в японской «гармонии». Но эти диссонансы доходят до сознания японского труженика, они подчас разрывают честную душу молодого японца.

Юноши и девушки Японии не желают становиться послушными винтиками механизма капиталистического производства. Они отказываются превращаться в «человека предприятия», их не устраивает намеченный «работодателями» курс на двойную — физическую и духовную — роботизацию, даже если под нее, играя на патриотических чувствах, глубоких у каждого японца, пытаются подвести «национальные традиции». Молодой японец хочет жить и работать в нормальных человеческих условиях.

Сегодня молодость Японии — это ее совесть, ее будущее. И велика поэтому ответственность тех, кто лишает молодость прекрасной романтики юности. Но навязывание псевдоромантики реваншистского толка — это уже преступление. Судьба Японии решается в борьбе сил реакции и сил прогресса за молодежь. В этой борьбе всем тем, кто думает о будущем японского народа, поможет прошлое страны — высокая культура, добрые традиции, богатая опытом история и ее уроки.

«УНИКАЛЬНЫЕ ЯПОНЦЫ?»

При массовых опросах, в буржуазном обществе нередко спрашивают: в какой стране вам больше всего хотелось бы жить? Вот как прозвучало в этой связи заявление известного ориентолога Грегори Кларка: «Из всех стран мира я предпочел бы жить в Японии». Это было сказано в беседе с японским издателем С. Ямамото по поводу выхода книги Кларка «Японцы: источник их уникальности». Можно было бы и не заострять внимания на легковесном интервью буржуазного ученого, хорошо знающего падкую на всякого рода сенсации западную прессу. Однако постановка вопроса об «уникальности» японцев в противовес всем другим «неуникальным» нациям серьезно настораживает.

Кларк — австралиец.

Более десяти лет живет в Японии, но много путешествует. При этом, как он любит повторять, стоит ему на короткое время покинуть Японию и очутиться в какой-либо другой стране, будь то на Западе или на Востоке, как Кларк ощущает, что «попадает в общество привычных представлений». Излишне объяснять, что «привычное» для Кларка означает западноевропейское. Он так и говорит — общество европейского образца, европейского мышления. И напротив, возвращаясь в Японию, Кларк, по его словам, вновь проникается ощущением чего-то необычного — атмосферой «абсолютно иного, уникального мира».

Рассуждая о причинах «уникальности» японцев, Кларк первоначально выдвинул предположение, что в истории Японии должно было произойти чрезвычайно важное событие, подобного которому не знала история европейских народов. Именно это событие, дескать, легло в основу формирования японцев как нации, сделав их столь отличными от всех других. Однако сравнительный анализ исторических вех в развитии народов не обнаружил такого события в истории Японии, исключая разве «закрытие» страны для внешнего мира более чем на двести лет. Тогда Кларк пошел по другому пути. Используя прием доказательства от противного, он выдвинул гипотезу: в истории Японии ничего особенного не происходило. Напротив, своего рода «отклонение» следует искать в истории Европы. «Уникальны» поэтому не японцы, а европейцы. В данном случае для Кларка «уникальны» означает «противоестественны». «Отклонением» в истории европейских народов, с точки зрения Кларка, явились «межнациональные войны». Это они якобы сделали все европейские народы нетерпимыми друг к другу, «противоестественно идеологичными», что отличает их от японцев. Япония вплоть до новейшего времени не знала межнациональных войн, поэтому японцы, в представлении автора выпущенной книги, «чужды всякой идеологии».

По Кларку, всякое человеческое общество руководствуется определенными принципами (и здесь с ним можно согласиться). Отличие японского общества от европейского состоит в том, что европейцы опираются на идеологические принципы, а японцы — якобы на принципы «чуждой идеологии морали, чувства долга и сочувствия человеку», что объясняется «неидеологичностью», «неинтеллектуальностью» и «чистой эмоцио-

нальностью» японской нации. С точки зрения Кларка, «именно эмоциональность лежит в основе высоко-го развития японского общества по сравнению с европейским, так как смена эмоций происходит гораздо легче, чем переход от одной идеи к другой».

Прямо скажем, концепция Кларка не нова. Более того — она чрезвычайно широко распространена в современном буржуазном обществе, защитники которого, отстаивая «идеалы и ценности» капитализма, все чаще возлагают надежды на «деидеологизацию». Но, возможно, Кларку действительно удалось открыть не тронутый идеологией «первозданный» оазис в мире XX века, на первый взгляд тщательно сокрытый за сугубо типичными проявлениями капиталистической системы, к тому же в наиболее развитых ее формах? Достаточно этот вопрос поставить, чтобы понять: открытие Кларка существует лишь в его воображении. При всем своем преклонении перед японцами Кларк упрощает их духовный мир, обедняет историю и культуру Японии, дает сугубо искаженное представление о японской нации в целом. Ведь именно идеология во все периоды развития цивилизации составляла и составляет основу духовной жизни того или иного общества. И японцы здесь отнюдь не исключение. Недаром редакция журнала «Сюкан Асахи» предпослала записи беседы Кларка с Ямамото едкий подзаголовок — «Уникальная концепция» японской нации».

Японские историки отмечают, что на протяжении веков Япония имела две основные системы ценностей — заимствованные и переосмысленные буддизм и конфуцианство, которые мирно соседствовали, сосуществуют и продолжают сосуществовать в наши дни с чисто японским синтоизмом — культом природы и предков. Опираясь на традиционные верования, японца с самого рождения воспитывали в духе безоговорочного повиновения и верноподданничества. «Заветы»* японцу, умещавшиеся на двух страничках ученической тетради, вплоть до 1945 года заучивались наизусть. И по сей день каждый японец старшего поколения может без запинки повторить их. При этом на лице его появится едва заметная

* «Императорский рескрипт об образовании 1890 года», который, по существу, являлся каноном синто — государственной религии того времени. Рескрипт являлся объектом религиозного поклонения. (Здесь и далее примечания автора.)

улыбка — воспоминание о давно ушедшем, трудном, порою жестоком, но неповторимом детстве...

...Среди кварталов японских городов легко узнать здания учебных заведений — будь то школа или вуз. Они отличаются своей, как правило, стандартно-унылой архитектурой, определенными контурами плацев, выделенных для общих сборов и занятий физкультурой, а также несмолкающим гулом детских и юношеских голосов. Пожалуй, ничто другое не поможет столь ярко представить картину предвоенной Японии, как сероватые, чем-то напоминающие казарму старые школьные здания. И если прийти сюда не в перемену, когда игры и смех школьников никак не позволяют забыть сегодняшний день, то, на секунду закрыв глаза, можно без труда увидеть пасмурный плац, ровные шеренги юношей и девушек, громко чеканящих слова «Заветов»: «К отцу и матери — сыновнее почтение, с братьями — дружба, с друзьями — доверие, между супругами — мир... Неизменно следовать законам государства и установкам правительства, в чрезвычайной обстановке на деле доказать беззаветную преданность императору и его роду, почитая за счастье отдать за них свою жизнь...»

Верноподданнический кодекс японца своими корнями уходил в эпоху феодализма. С наступлением нового времени — после незавершенной буржуазной революции 1867—1868 годов, вошедшей в историю Японии под названием «реставрация Мэйдзи», — сменились лишь объекты поклонения: военная верхушка сёгунат вновь уступила место императорскому роду. Вплоть до 1945 года господствующие классы всячески препятствовали распространению ценностных представлений европейского толка, в том числе идей христианских учений, поскольку они мешали сохранению идеологии японизма, наиболее отвечающей интересам правящей верхушки. Продолжалось своего рода «закрытие» страны. Какая же это «неидеологичность»?! Напротив: история Японии дает нам пример засилья феодальной идеологии, способности правящих классов добиться абсолютной власти не только над жизнью людей, но и над их умами и душами.

«Эмоциональность», «неидеологичность» — все это призвано скрыть простую и горькую истину: правящим кругам Японии, ее господствующим классам действительно удалось в течение многих веков держать народ в подчинении, в идеологическом рабстве, добиваться

слепого повиновения своим эксплуататорам. В частности, одной из причин гонения на христианство в Японии было нежелание правящих сил страны допустить свободное обращение каждого к богу, что разрешает христианская религия. Феодалная же власть в Японии в целях поддержания порядка навела в этом вопросе известные строгости: непосредственно к богу мог обращаться только сам император — «потомок бога». Феодалы поклонялись императору, вассалы — феодалам, внутри семьи все поклонялись родителям (в том числе умершим — культ предков). Триста лет назад в своих «Европейских записках» известный японский философ и политик Араи так рассуждал по этому поводу: «Если в семье может быть два объекта поклонения, то в государстве могут быть два императора, а это не способствует поддержанию порядка».

Наряду с «эмоциональностью» японцев И в тесной связи с нею Кларк указывает еще один признак, с его точки зрения, наиболее ярко характеризующий японцев, — «принцип коллективизма» (видимо, имеется в виду «групповая психология»). Кларк умалчивает, что «групповая психология» явилась естественным результатом действия не только природных условий (тайфуны, цунами, землетрясения и возникающие при этом пожары, что само по себе требует взаимопомощи, спайки людей, живущих по соседству), но также исторических особенностей — многовекового гнета феодалов.

«Групповая психология» непосредственно связана с феодалной политикой создания кланов. По мнению некоторых японских социологов, Япония до сих пор в значительной степени продолжает оставаться клановым обществом. При этом японцы определяют клан как группу, все члены которой верят в существование общих предков. Строгое следование принципу «одного предмета поклонения» в условиях дробления общества на кланы значительно облегчало правящей верхушке Японии вплоть до революции Мэйдзи (а во многих аспектах вплоть до 1945 года) «поддерживать порядок».

В последние годы, когда контакты японцев с представителями других народов приобрели широкие масштабы, сами японцы все чаще стали обращаться к оценке своего национального характера. И это вполне понятно. Совершив скачок в разряд ведущих экономических держав, японцы естественным образом привлекли к себе пристальное внимание и, сопоставляя различные

мнения, сами по-иному взглянули на себя. На этом фоне и появился Кларк со своей теорией. Да и не только он один. Дело в том, что в фокусе буржуазных исследований в первую очередь оказались общественные отношения, построенные якобы на отсутствии конфликтов, на «гармонии». Нетрудно догадаться, что из этого напрашивается вывод о принципиальной возможности «гармоничного» развития буржуазного общества с учетом «японского опыта». Успехи Японии в области экономики, способность быстро и эффективно использовать в производстве новейшие достижения науки и техники, умение с выгодой для себя улавливать конъюнктуру мировых рынков — все это дало повод буржуазным социологам Запада говорить о так называемой «уникальности» японцев, сердцевиной которой якобы является их «неидеологичность». В этом и состоит суть многочисленных концепций новомодного «японизма».

Подобная постановка вопроса вызвала резкий отпор в самой Японии. Серьезные ученые не случайно уловили в ней опасную попытку противопоставить японскую нацию другим народам. Опыт каждого народа заключает в себе ценное зерно, и японцы не исключение: об этом свидетельствуют их трудолюбие, умение кооперироваться и с полной отдачей работать сообща. Однако все это отнюдь не заслуга неких специфических общественных отношений в условиях японского государственно-монополистического капитализма: такое умение японская нация выстрадала на протяжении многих сотен лет и в основном сохранила до сего времени.

Корни культуры быта и труда японцев уходят в глубь веков и в первую очередь связаны с культурой рисоводства. Посадка, уход, сбор риса эффективны лишь при участии в работах не менее 20 человек. Одна семья была не в состоянии вырастить количество риса, достаточное для того, чтобы прокормиться и, значит, выжить. Зато совместная дружная работа многих семей обеспечивала достаток и даже излишки зерна. Таким образом, рисоводство испокон веков сплачивало людей.

Горный ландшафт Японии вынуждал селиться отдельными, небольшими, прижатыми к подножью деревнями. Тесно сгруппированные домики строились из легкого материала с таким расчетом, чтобы при частых землетрясениях их обитатели не были раздавлены, а после общими усилиями всех соседей строения можно было бы тотчас восстановить.

Вплоть до 1868 года феодалы старались не допускать ухода крестьян в другие владения, боясь, что соседи соберут у себя больше людей, произведут излишки риса и, следовательно, смогут содержать большее войско. (Примечательно, что и революция Мэйдзи, и отмена крепостного права на Руси пришлось на одно и то же десятилетие прошлого века — свидетельство того, что Россия и Япония, можно сказать, почти одновременно стали подтягиваться к западноевропейским странам, решая каждая по-своему вопросы общественных отношений и развития производительных сил). По этой же причине вплоть до XIX века в Японии старались не возводить мостов через реки и потоки, так как это облегчало бы сообщение между деревнями. Все это и определило стиль жизни нации на века: из года в год, в одной и той же деревне, дверь в дверь с одними и теми же соседями. Теснота, обусловленная небольшими по площади равнинами, полностью исключала уединение. Японец с древних времен привык быть на людях, составляя часть неизменной общности — соседства, подчинять его интересам свою собственную жизнь. И до сего времени один из основных принципов отношений в японском обществе гласит: личность во внимание не принимается.

Конечно, к нашему времени и личность и общество в Японии претерпели значительные изменения, особенно если вспомнить время, когда развивающийся и крепнувший японский капитализм активно использовал идеологическую надстройку общества, готовя народ к тому самому периоду «международных войн», о которых говорит Кларк, а по существу — к эпохе агрессии и территориальных захватов.

Могло ли все это пройти бесследно для идеологического настроения общества, могло ли не затронуть духа нации?!

В последнее время, когда прогрессивные силы Японии заявляют о нравственном кризисе в стране, такие идеологи буржуазного мира, как Кларк, особых тревог не испытывают. Наоборот, тот же Кларк полагает, что японскому обществу при его склонности к коллективизму следует обеспечить несколько большее развитие индивидуализма. Правда, Кларк торопливо оговаривается: воспитывая в японцах индивидуализм, не следует увлекаться, учитывая печальный опыт западных стран и в первую очередь США, где, как известно,

бурный расцвет «индивидуальности» в числе прочих результатов вывел американцев на одно из первых мест в мире по количеству совершаемых преступлений.

Оговорка, однако, остается оговоркой. Главное же в том, что, конструируя идеального, с его точки зрения, «неидеологичного» японца, Кларк желал бы скрестить «принцип коллективизма» японцев, несущий на себе печать феодального рабства, с некоторой долей буржуазного индивидуализма. В итоге такого скрещивания получилось бы не что иное, как идеальный объект капиталистической эксплуатации.

Не о том ли хлопочет и вся буржуазная пропаганда? Она тоже за коллективизм, если, конечно, он означает всего лишь покорность общественному мнению, порядкам и установлениям буржуазного общества. Она тоже всегда за то, чтобы «допустить большее развитие индивидуальности». При этом важно подчеркнуть, что речь идет отнюдь не о всестороннем развитии личности, которая подавлялась в японцах на протяжении всей истории и продолжает подавляться в наши дни.

За всю предшествовавшую историю правящим силам в значительной степени удавалось воспитывать в японцах покорность существующим порядкам. И все же, по определению японских историков, новейшая история страны — это процесс постепенного отказа японцев от системы ценностей, навязанной им господствующими классами. Японские буржуазные ученые делят историю своей страны на четыре периода: древний, эпоху феодализма, новую и новейшую историю. В основе такого деления они видят не что иное, как смену идеалов, ценностной ориентации общества. Самая значительная ломка в этой ориентации, сокрушившая многие вековые устои нации, связана с поражением Японии во второй мировой войне.

1945 год явился переломным в истории Японии. Преступная политика милитаристской клики, стоившая неисчислимых жертв японскому народу, который первым испытал на себе ужасы атомной бомбардировки, привела страну к катастрофе. Однако здоровые корни нации помогли японцам выстоять. Послевоенный период открыл новую страницу в жизни страны. Ныне действующая конституция Японии, не отменив статус императора, тем не менее провозгласила суверенную власть народа, отказ от ведения войны, от наличия вооруженных сил, гарантировала гражданам многие демократи-

ческие права и свободы. От бесправного полуфеодалного милитаристского общества Япония шагнула к развитию буржуазно-демократическому.

Публичный отказ императора от своего «божественного происхождения» привел, как думалось многим, обычного, так называемого среднего японца в состояние, близкое к шоку: многовековой дурман, казалось, не позволит сознанию совершить столь резкий поворот. Однако поворот свершился. Процесс, начавшийся пресловутыми хакари офицерства у стен императорского дворца, пройдя несколько стадий, привел к крушению феодальной идеологии, в основе которой лежало поклонение императорскому роду. Началось немыслимое для всей предыдущей истории Японии бурное проникновение из внешнего мира различных идеалов и ценностных представлений — от привнесенных американцами идей «либерализации» до многочисленных новых философско-религиозных концепций. Наиболее серьезным оппонентом пестрой системе буржуазных «ценностей» явилась теория марксизма-ленинизма, идеология рабочего класса, Коммунистической партии Японии, созданной еще в 1922 году, но до конца второй мировой войны вынужденной действовать в подполье.

Послевоенный период истории Японии был отмечен активной борьбой трудящихся за свои гражданские права, за независимый, мирный курс страны на международной арене. Эта борьба нашла горячие отклики во всем мире. Достаточно вспомнить события 60-х годов, когда Япония бурлила многочисленными массовыми демонстрациями против заключения японо-американского договора безопасности, не говоря уже о ежегодных «весенних наступлениях» — своеобразной форме классовых выступлений, принесших немалые успехи японским трудящимся.

В современной Японии все труднее подавлять развитие передовой мысли, препятствовать распространению прогрессивной идеологии. Многочисленные теории деидеологизации, отменяя прогрессивную идеологию как «устаревшую» в одном случае, как «чуждую» японцам в другом, по существу, торопятся объявить об утрате стремления к высоким идеалам, к тому, чем испокон веков жил и до сих пор продолжает жить мыслящий человек. Возникающий при этом вакуум спешат заполнить, смотря по обстановке, сиюминутными целями, выдаваемыми за истинные ценности. И здесь на первом

плане выступает любезная бизнесу идеология потребления.

Еще совсем недавно страны Запада (дальневосточную Японию, в силу ее развитой экономики, обычно также включают в их число) бурно переживали период «всеобщего благосостояния»: «Покупай — и ты король!» На деле же потребительство ведет к духовному обнищанию личности. Человек, воспитанный в духе потребительства, теряет лицо гражданина и в конечном счете вырождается в крайнего индивидуалиста, угрожающего человеческой общности в целом.

Японским традициям потребительство долгое время было чуждо: многие века правящим силам было выгодно сдерживать личное потребление населения, чему служила этика аскетизма, планомерно насаждавшаяся и в результате проникшая в плоть и кровь японца. Одним из способов воспитания в народе подобной «скромности» запросов являлась сохранявшаяся не одно столетие жесткая регламентация в пище и в одежде — вплоть до цвета и качества материи, допустимой для изготовления одежды простоянина. Привычка народа отказывать себе буквально во всем принесла «богатые плоды» во время подготовки и развязывания войны на Тихом океане: японскому милитаризму могло не хватать топлива для самолетов, но всегда в избытке имелись людские ресурсы — в высшей степени непритязательные, не притязавшие даже на сохранение собственной жизни.

Однако в послевоенный период японский капитализм встал перед необходимостью искать новые направления развития — уже в рамках мирной конституции, провозгласившей отказ от ведения войны, от производства и экспорта наступательных видов вооружения. Это вынудило правящие классы по-новому взглянуть на потребление, увидеть в производстве и сбыте товаров массового спроса серьезный источник получения прибылей и расширения капиталовложений, в том числе за рубежом.

Основы новой стратегии японского капитализма были заложены в конце 1960 года, когда правительство выдвинуло «план удвоения национального дохода», получивший название «плана Икэда» (по имени возглавлявшего в то время кабинет министров Х. Икэда). Наряду с чисто экономическими задачами план был призван способствовать коренной перестройке сознания японцев, в том числе и отношения к личному потреблению. При-

зыв удвоить за десятилетие не только национальный, но и индивидуальные доходы, обеспечить широкий доступ населения к плодам быстрого экономического роста, гарантировать роль государства как «надклассового» арбитра в отношениях между потребителями и предпринимателями — все это одурманивало сознание рядового японца. Используя богатый опыт заокеанского предпринимательства, уже давно превратившего жизнь среднего американца в слепок с выгодного бизнесу стандарта потребления, правящие силы Японии мобилизовали средства рекламы и пропаганды для приобщения японца к потреблению все большего ассортимента товаров, для воспитания в нем привычки к повседневной зависимости от сферы услуг. Соблазны потребительства были призваны удовлетворять не столько истинные запросы и нужды каждого отдельного японца, сколько стремление правящих классов обеспечить рост производительности труда и одновременно отвлечь широкие массы от политических задач и проблем. Этому же служила пропаганда «эры массового потребления», «государства всеобщего благосостояния», в котором, дескать, исчезнет антагонизм классов и сложатся отношения гармонии.

«Оптимизм» плана Икэда оказал серьезное психологическое влияние, впервые после войны заронив в души японцев небывалые надежды на улучшение условий существования. К тому же быстрое развитие японской экономики в этот период, обусловленное целым рядом причин, позволяло предпринимателям идти на существенные уступки трудящимся, так что некоторый рост заработной платы в 60-х — начале 70-х годов действительно позволял надеяться на сокращение разрыва в уровне жизни в Японии и других развитых капиталистических странах. О том, насколько серьезными оказались эти надежды для рядового японца, можно судить по тому, что в самых широких слоях населения распространилась практика рассрочки и кредита, в корне противоречащая устоям народа, испокон веков считавшего неэтичным, постыдным существование в долг.

Как видим, необходимо отдать должное умелому японскому бизнесу, в кратчайший срок добившемуся резкой психологической ломки, превратив «добровольного» аскета в столь же «добровольного» потребителя. Однако здесь ничуть не меньше заслуги и так называемых «масукоми» — средств массовой информации и

пропаганды, которые в тот же исторически ничтожный временной отрезок смогли убедить основную массу японцев (судя по недавним опросам, до 90 процентов) в принадлежности к некоему «среднему слою». Правда, можно спорить с теми, кто спешит выдать подобную субъективную причастность к среднезажиточным прослойкам за доказательство превращения Японии в то самое «государство всеобщего благосостояния»: лишь 30 процентов населения достигают среднего уровня личного потребления. Остальные же чисто престижно стремятся завысить свое положение в обществе. Срабатывает и традиционная психология: по замечанию известного японского психолога Нада Инада, японцу издревле присуще стремление к «середине» и, если он никогда не рискнет открыто заявить о своем превосходстве над неким «средним уровнем» (недаром японская поговорка гласит: сильнее бей по шляпкам торчащих гвоздей), то уж признать себя недостойным этой «середины» и тем самым сделать добровольный шаг вниз, он еще менее согласен.

И все же нельзя не учитывать серьезного значения такого рода стремления завышать свой социальный статус большинством японцев. Поскольку навязывание подобной привычки является превосходной почвой для идеологической обработки масс со стороны правящего меньшинства, для взращивания псевдонадежд на исчезновение классового противоборства и наступления эры «всеобщего благоденствия». Спровоцированная сверху «революция надежд», захватив сознание, масс, нанесла ощутимый ущерб антимонополистической борьбе: переключила интересы определенной части японских трудящихся лишь на текущие экономические требования, усилила соглашательские тенденции в ряде профсоюзных объединений, способствовала активным раскольническим действиям реакции.

В 1974—1975 годы развитые страны капитализма охватил самый глубокий за послевоенный период экономический кризис. В Японии он положил конец высоким темпам развития, а сопутствующая кризису «сумасшедшая» (по выражению японцев) инфляция в сочетании с резким замедлением роста заработной платы и политикой сокращения издержек производства, проще — политикой увольнений, существенно урезала возможности личного потребления. Слиняли призывные краски на вывеске социально-экономической гармонии, обнажив

куда более реальную картину — имущественного и социального неравенства.

Правящие силы встали перед противоречивой необходимостью: увеличение мировых цен на сырье, прежде всего нефть, породило лозунг: «Всесторонняя экономика». В то же время интересы экономического роста (который японские монополисты рассматривают как главное условие для получения прибылей) требовали расширять внутренний спрос в целях ослабления зависимости от внешних рынков. Казалось бы, неразрешимая дилемма. Однако недаром японский бизнес слывет добросовестным учеником: на этот раз он обратился к европейскому опыту и перенес в Японию лозунг «качество жизни», как бы суммировавший в себе недовольство кажущимся материальным благополучием, утилитаризмом и примитивизмом так называемого «общества благосостояния» и в то же время поднявший потребление на новую ступень.

В 1975 году японскими буржуазными учеными была разработана концепция «жизненного цикла» в качестве политической программы консервативного правительства. В отличие от других ранее выдвигавшихся в Японии проектов и программ по обеспечению благосостояния концепция «жизненного цикла» предполагала предоставление «достаточных системных гарантий в целях исключения экономической и социальной нестабильности на различных этапах жизни человека». Жизнь людей условно разбивалась на четыре этапа, стадии: рождение и учеба, когда ребенок находится на попечении родителей; поступление на работу — начало самостоятельной жизни, обзаведение семьей; трудовая деятельность до ухода на пенсию; период «обеспеченной, безоблачной» старости.

Согласно концепции «жизненного цикла» целью выдвинутой программы являлось обеспечение «стабильных и достойных» условий существования каждому члену общества на всех четырех стадиях его жизни. В соответствии с этим программа «жизненного цикла» предлагала «создать такую систему образования, которая позволила бы каждому учиться, создать такую экономическую базу, при которой каждый, приложив достаточно усилий, мог бы иметь свой дом, учредить такую систему социального обеспечения, которая гарантировала бы каждому национальный минимум». В качестве конечной цели программы указывалась задача по-

строения такого общества, где «каждому была бы обеспечена спокойная и достойная старость», «общества сильных, стабильных, свободных индивидуумов, которые сами должны прилагать усилия в духе самообеспечения, неся полную ответственность за условия своей жизни при максимальном развитии творческой инициативы».

Почему же в Японии появилась подобная теория и насколько реальны провозглашенные в ней лозунги?

В связи с кризисной ситуацией 1974—1975 годов призыв «повысить благосостояние трудящихся» повис в воздухе. Последствия экономической депрессии наиболее тяжело сказались на тех, кто меньше зарабатывал. Стало активно назревать недовольство. В 1974 году впервые в истории рабочего движения Японии в ходе «весеннего наступления» трудящиеся выдвинули требования в защиту интересов низкооплачиваемых рабочих, безработных, инвалидов, людей преклонного возраста, лишенных пенсии, живущих в условиях необеспеченной старости. Классовые столкновения стали проходить под лозунгом «всенародного весеннего наступления». Они убедительно свидетельствовали, что за размазанной буржуазными пропагандистами вывеской «общества благосостояния» скрывается бедность, нестабильность, постоянная тревога труженика о завтрашнем дне, о своем положении, о гарантии работы, о старости.

Накал классовой борьбы не на шутку встревожил стоящих у власти. Стремясь укрепить свое пошатнувшееся положение «вечно правящих», консерваторы и выдвинули заманчивую концепцию «жизненного цикла». Однако новый маневр правящих сил не остался незамеченным — правительственная программа подверглась резкой критике со стороны прогрессивной общественности и оппозиционных партий. Со всей очевидностью было доказано, что, ориентируя народ на создание общества «сильных, стабильных, свободных индивидуумов», призванных путем «максимального развития творческой инициативы» собственными силами обеспечить себе «достойные условия жизни», правящие круги стремятся максимально освободить себя и крупный капитал, интересы которого они представляют, от затрат на создание действенной системы социального обеспечения. Наоборот, в правящих сферах все делается для того, чтобы оправдать доверие представителей крупного капитала. Об этом свидетельствуют красноречивые факты. Так, уже совсем недавно японская пресса

сообщила, что правительство Японии готовит новый «подарок» крупному бизнесу страны. Было принято решение в первой половине 1982 финансового года (в Японии финансовый год начинается с первого апреля) израсходовать 75 процентов выделяемых по госбюджету сумм на так называемые «общественные работы»: сооружение линий передачи, подъездных путей, различных мостов, тоннелей и т. д. Шесть триллионов 655 миллиардов иен, ассигнованных в бюджете на эти цели, в результате окажутся в сейфах монополистов, которые по-своему решат, как распорядиться такой большой суммой.

Старый лозунг «помоги себе сам» доказал свою полную несостоятельность еще в кризисные 30-е годы, которые буквально потрясли весь капиталистический мир. В период мирового экономического спада в капиталистической системе трудящиеся развитых капиталистических стран, будучи не в состоянии собственными силами справиться с обрушившимися на них нищетой и голодом, добились того, что правительства этих стран ввели новую статью государственных расходов на социальное обеспечение. Это означало крупную победу трудового народа в истории классовых битв против капитала. Тем временем, как отмечал журнал «Сякайсюги», новая программа консервативного правительства, по существу, представляла серьезный шаг назад в развитии социального обеспечения. Более того, проект «жизненного цикла» противоречил основному закону — конституции Японии, 25-я статья которой подчеркивает, что «обязанность обеспечения достойных условий жизни от колыбели до могилы» лежит на самом государстве и его правительстве.

Одно из центральных мест в программе «жизненного цикла» занимала политика в отношении домовладения, которое выдвигалось в качестве единственного эталона «благополучия». Было объявлено, что каждый член общества «при затрате определенных усилий», то есть жестко экономя на всем, начиная с двадцатипятилетнего возраста, «через каких-то пятнадцать лет» может иметь свой дом. Это положение уже с первых шагов вызвало серьезное сомнение не только у простых японцев, хорошо знакомых с жесткой экономией, но и у многих буржуазных ученых. Декларация, по существу, ничем не была подкреплена: не предполагалось снижения цен на землю и жилье, также не предусмат-

ривалось повысить налоги и на капитал. Реальным выглядело лишь одно — призыв к трудящимся соблюдать строжайшую экономию.

Подобные рекомендации в первую очередь преследовали цель увеличить число вкладчиков и суммы вкладов, что особенно выгодно для банковского капитала. Политика жесткой экономии сулит к тому же значительные барыши и компаниям, особенно тем, которые заняты в индивидуальном строительстве, компаниям по недвижимости и т. п. — то есть тем, кто контролирует продажу земли и строительство индивидуальных домов. Но здесь встает вопрос: может ли подобная политика способствовать созданию «сильной, стабильной, свободной личности» среди обычных, простых людей, которые в действительности и составляют основную часть населения Японии?

Удел семьи, обремененной налогами на домовладение, выплатой ссуды на строительство дома и приобретение земельного участка (в Японии земля непомерно дорога, стоимость земельного участка во много раз превышает стоимость построек; земля — это основной недвижимый капитал в Японии), — постоянное недоедание. Глава подобной семьи беспрерывно занят поиском побочного заработка.

В результате такого рода «свободный индивидуум» полностью отстраняется от общественной жизни, круг его интересов предельно сужается, он замыкается в доме; становится политически близоруким. Да и какая уж там политика?! Таким человеком постоянно владеет страх: за любую деятельность, связанную с политическими проблемами, с борьбой за свои права, «свободному индивидууму» грозит увольнение. По меткому замечанию журнала «Сякайсюги», вряд ли такого «служивого раба» можно назвать «свободной, сильной личностью».

Однако такое положение полностью устраивает правящую либерально-демократическую партию (ЛДП): ей выгодно создавать обстановку, в которой человек оказался бы связанным по рукам и ногам. Подобный курс дает возможность предельно сокращать расходы на нужды общества, не увеличивая налоги для лиц с большими доходами. К тому же в условиях, позволяющих искусственно сдерживать развитие общественного жилого фонда, находящиеся в распоряжении правящих сил государственные средства могут идти на дальнейшее ук-

репление производственной базы монополизма. Таким образом, политика «жизненного цикла», как и все прежнее, отдавала жилищное строительство на откуп частным компаниям и тем самым ставила жилищную политику государства и местных органов самоуправления в полную от них зависимость.

Выступая с критикой очередной правительственной программы, представители прогрессивных сил Японии отметили ее прожектерский характер и справедливо предрекли ей скорое забвение. Новая программа либеральных демократов прекрасно вписывалась в целый ряд таких же правительственных проектов, которые успели нашуметь и провалиться, и, в свою очередь, не явилась исключением, вскоре уступив место лозунгу «качества жизни».

В конце октября 1982 года японское правительство с учетом новой волны инфляции пересмотрело свои экономические планы на текущий финансовый год. В результате было принято решение сократить темпы роста с 5,2 процента до 3,4 процента. Это, в свою очередь, приведет к тому, что валовой национальный продукт в Японии в 1982 году должен был составить не 997,1 миллиарда пен, как первоначально планировалось, а 960 миллиардов иен. С учетом новых поправок японское правительство снизило и оценку предполагаемого активного сальдо по текущим расчетам на этот же год с намечавшихся 12 миллиардов долларов до 7 миллиардов долларов. Все это незамедлительно сказалось на жизненном уровне населения. К примеру, что касается развития индивидуального жилищного строительства, к чему призывает японцев официальный курс либерал-демократов, то в связи с подобными изменениями те же правительственные круги вынуждены были констатировать: число строящихся домов, которое, по начальным оценкам, должно было возрасти в реальном исчислении на 10,4 процента, по новым данным, должно составить всего лишь 2,7 процента.

Примечательно, что в Японии так называемые показатели «качества жизни» были включены в официальные документы сразу же после возникновения кризисной ситуации в стране. В 1976 году министерство финансов Японии выпустило Белую книгу по проблемам социального обеспечения, включив в нее новую главу — «Показатели качества жизни». Признавая, что сам по себе экономический рост еще не означает повышения

благосостояния народа, авторы документа предлагали, по аналогии с Европой, для определения действительного уровня благосостояния использовать так называемую шкалу общественных показателей. В нее вошли такие статьи, как рост степени укрепления здоровья народа, улучшения социальных условий, способствующих укреплению и сохранению здоровья людей. Включены также разделы, характеризующие обязательное, специальное и высшее образование, систему самообразования, обеспечение наймом, улучшение качества и продолжительности трудовой жизни, увеличение количества свободного времени и повышение качества его использования. Специальные графы шкалы «качества жизни» позволяют определить степень роста доходов семей и частной собственности, снижения разницы в уровнях доходов, стабилизацию доходов и частной собственности. Здесь же статьи, которые должны дать представление о степени улучшения жилищных условий, о снижении количества несчастных случаев, и, наконец, показатели, позволяющие определить обстановку в семьях, тенденцию к росту или сокращению количества разводов. Составители шкалы «качества жизни» не забыли включить в нее разделы, призванные свидетельствовать о сокращении неравенства между представителями различных классов и слоев общества, о росте социальной мобильности — расширении возможностей перехода из одного социального слоя в другой.

Сама по себе шкала «качества жизни» при всей ее доскональности вряд ли заслуживала бы столь подробного ознакомления, если бы не полученная на ее основе впечатляющая картина. Дело в том, что по разработанной в Белой книге шкале было проведено обследование 35 крупнейших районов Японии. Анализ данных показал, что вся эта программа консерваторов — лишь пустые слова, что наибольшее развитие в ней получает сфера досуга, цель которой выкачать наибольшие средства у населения. Таким образом, наибольшие прибыли во всей этой программе и приходятся на так называемую «индустрию отдыха». Вот и начался настоящий бум «рэдзя» — так звучит по-японски слово «досуг».

Уже сам по себе этот факт чрезвычайно примечателен, если учесть традиционное «неумение» японцев отдыхать. До сих пор японцы старшего поколения едино-временному длительному отпуску, как правило, предпочитают несколько отдельных дополнительных выходных

в году. Сами они обычно объясняют это неудобством перед коллегами за долгое отсутствие. Вернее, здесь по-прежнему безотказно действует многовековой опыт: долго отсутствующий на рабочем месте может быть легко от него отстранен.

Однако бум «рэдзя» интересен и с другой стороны. Недавно председатель совета директоров компании «Сони» А. Морита заявил: «Да, конечно, мир переживает сейчас кризис! Ну и что? Тем более не надо опускать руки. Нужно работать, наступать...— создавать новые потребности!» Эти слова одного из воротил японского бизнеса приходят на память в связи с поднятым на шит лозунгом «качества жизни». По существу, весь комплекс этой сложной на первый взгляд программы японский бизнес свел к очередному К.

Дело в том, что в период высоких темпов экономического развития японцам уже были «спущены» потребности в «трех К»: «Имей свой «кар» (автомобиль), «кура» (кондиционер), «кара тэрэби» (цветной телевизор) — и ты король!»

«Качество жизни» — стало К номер четыре. Газеты, журналы, телепередачи запестрели броскими заголовками: «Ваш стиль новой жизни!», «Не опоздайте на поезд!», «Сегодняшний день отличается от вчерашнего!», «Отныне вы должны думать о «качестве жизни!» (не отстает ли оно от качества жизни вашего соседа?).

Используя широкую сеть средств массовой информации, население стали убеждать в необходимости перехода к так называемой индивидуализации потребления, призывать отказываться от дешевых, но требующих большого количества сырья для своего производства стандартных изделий и переходить к дорогим, но обладающим «качеством» и «собственным лицом» штучным товарам. Таким образом, бизнес пытается сразу убить двух зайцев: экономить на сырье и выигрывать на ценах. В рамках повышения «качества жизни» настоятельно рекомендуется также пересмотреть свой досуг. Объявив последнюю четверть XX века «эпохой досуга», предприниматели от отдыха явно рассчитывают на крупные доходы. В любом случае можно не сомневаться, что впредь они не отдадут столь лакомую сферу «рэдзя» на откуп самим японским отдыхающим.

«Новый стиль жизни» был «спущен» в массы, когда обозначились три основные тенденции: снижение роста доходов, сокращение покупательной способности в связи

с катастрофическим ростом цен, увеличение количества свободного времени в результате перехода ряда предприятий на два выходных дня в неделю (нередко такой переход был продиктован сокращением объема производства, вызванным общим снижением темпов экономического развития). Содержание рекламируемого бизнесом «нового стиля и качества жизни», как видим, весьма примитивно: индивидуализация одежды, самобытность интерьера, укрепление здоровья за счет использования в доме многочисленных приспособлений, заменяющих природные условия (специальное устройство для бега на месте, тренировка на неподвижном велосипеде и т. д.), большее общение с людьми в условиях домашних вечеринок, «новые отношения» в семье при полной самостоятельности супругов, нередко доходящей до профанации брака. Нечего и говорить, что в подобной программе «нового стиля жизни» главное — воспитание и развитие в человеке буржуазного мещанства, идущего рука об руку с крайним индивидуализмом и разобщенностью. И наивные, но достаточно эффективные ухищрения бизнеса с его «новым стилем жизни», и долгосрочные программы «жизненного цикла» — все это служит лишь капиталу, являясь красноречивым отражением его идеологии.

За графой под названием «досуг» в шкале «качества жизни» следует графа «качество найма и трудовой жизни». Составители Белой книги, указывая на повышение качества найма, ставят его в прямую зависимость от политики «высоких темпов экономического роста», что имело место в прошлом. Можно согласиться с тем, что политика «высоких темпов экономического роста», обусловившая повышенный спрос на рабочую силу, действительно способствовала в Японии некоторому смягчению одной из наиболее важных и болезненных проблем капиталистического общества — проблемы безработицы. Однако если говорить впрямую о качестве найма, то не ему ли посвящена нашумевшая в Японии книга С. Камата «Тоёта» — завод отчаяния? Автор книги не безработный. Ему повезло дважды: найти работу и поступить на самый крупный в Японии, третий в мире по объему выпускаемой продукции автомобильный завод «Тоёта». Так почему же отчаяние?

Две желтых полосы — бригадир, фуражка без полос — постоянный рабочий, красная полоса — рабочий моложе двадцати лет, одна белая — стажер; зеленая —

ученик, две зеленые полосы на фуражке. — у автора книги, он сезонник...

Что-то очень знакомое в этом четком распределении цвета полосок, показывающих «статус», положение, место, иначе — степень прав (или бесправия?) людей. Как вы уже догадались, все это уходит в далекие феодальные времена, когда японское общество также делилось на четко разграниченные слои. Но, может быть, тут случайное сходство? Содержание книги убеждает в обратном. Автор рисует трудовые будни, протекающие в условиях жесточайшей эксплуатации, невыносимо тяжелой обстановки конвейерного труда. Крайне низкая заработная плата, отсутствие выплат по социальному обеспечению — и это в условиях непрерывной интенсификации труда, нередко приводящей к производственным травмам — физическим и моральным. Глубоко потрясает описание жизни в бараках, лишенных элементарных удобств, но зато находящихся под неусыпным надзором полиции.

Знакомство с книгой Камата приводит к выводу, что хозяева завода «Тоёта» преуспели в получении максимальной прибыли. Этому служит специально разработанная система оплаты труда: основной оклад крайне низок, к нему прибавляется плата за сверхурочные, а к моменту окончания срока действия контракта приплюсовывается «премия», половина которой выдается в конце года: сезонники, не проработавшие до конца срока, оговоренного в контракте, «премии» вообще не получают.

Камата описывает случай, когда один рабочий, поступивший вместе с ним на завод, вынужден был подать заявление о досрочном уходе после того, как потерял сознание в цехе. До окончания действия контракта у этого рабочего оставалось сорок шесть дней, но, несмотря на заключение врачей о нетрудоспособности, его лишили «премиальных». Такой случай не единичен: до конца действия контракта, как правило, выдерживают лишь тридцать процентов сезонников. Положение таких рабочих особенно тяжело еще и потому, что профсоюзные организации ими не занимаются.

В годы высоких темпов экономического роста японскому бизнесу в первую очередь требовалась рабочая сила. Навязчивая реклама манила японца покинуть скудное деревенское жилище, чтобы, переселившись в город, в полной мере вкушать от плодов цивилизации.

Многие поверили этим посулам, но большинство из них оказалось в положении, о котором повествует книга Камата.

Стоило бы анализировать один за другим все многочисленные показатели шкалы «качества жизни» — они убедительно раскрывают проблемы японца наших дней. Однако в следующих главах мы остановимся лишь на некоторых, наиболее важных для современной Японии — Японии, которая находится на «рубежах». Стоит отметить, что авторы Белой книги в конце концов сами пришли к совершенно неожиданному для себя выводу: о «невозможности в равной степени удовлетворить многочисленные запросы и потребности представителей различных классов и слоев общества». Тем не менее они возлагают немалые надежды на предлагаемую в той же Белой книге программу «единой согласованной политики». Эта программа в очередной раз призвана «свести до минимума несогласованность в запросах различных классов и слоев общества». Авторы очередного правительственного проекта, видимо, серьезно верили в возможность устранить классовые противоречия и неравенство в капиталистическом обществе. Правда, они оговариваются: для этого необходимо... «достичь гармонии между различными классами посредством всеобщего согласия!».

«Уникального» в подобном призыве буржуазных специалистов, прямо скажем, мало, а вот идеология — та, что служит защите стоящих у руля, — несомненно, налицо.

ДИССОНАНСЫ ЯПОНСКОЙ «ГАРМОНИИ»

Как-то говоря об основных факторах, формирующих потенциальные возможности японцев, бывший премьер-министр Японии Э. Сато указал на их однородность — языковую и культурную. Согласно одному из постоянно выдвигаемых официальных тезисов экономические успехи Японии в определенной степени объясняются тем, что эта страна этнически «едина» в отличие от других стран, как, скажем, США, и это «единство», дескать, в значительной степени способствует сохранению «гармонии» японского общества...

Действительно, абсолютное большинство населения Японии составляют японцы. Среди этой многомиллионной массы выделяются два типа людей — одни более светложие, с более раскосыми

глазами, утонченными чертами лица и пропорциональным телосложением, другие более темнокожие, с развитой мускулатурой. Первый тип чаще встречается на юге и в городах, второй — на севере страны, а также в рабочей и крестьянской среде. Отсюда со всей очевидностью следует, что такое различие определяется не столько признаками этнического происхождения, сколько природными (юг — север) и социальными условиями.

Подобная, редко встречающаяся однородность сочетается в японской нации с ярко выраженными чертами сходства с другими азиатскими народами. Вопрос о принадлежности японцев к той или иной этнической группе до сего времени вызывает споры. Существует несколько теорий, основные из которых следующие: японцы принадлежат к монгольской расе; японцы выдвинулись из племен различных азиатских народностей; предки японцев были выходцами из совершенно особого азиатского племени; корни японцев уходят в Китай. Многие ученые сходятся во мнении, что японцы — это редкий пример слияния различных азиатских народов в единую нацию на основе южномонголоидного и различных тихоокеанских вариантов восточномонголоидного типа с наличием некоторых черт исконного населения Японских островов айну.

Общей этнической однородности японцев способствовало как островное положение страны, послужившее препятствием для нашествия чужеземцев с материка, так и длительные периоды изоляции от внешнего мира. Но и по сей день, хотя Япония вот уже более века «открыта» для остального мира, хотя сами японцы — коммерсанты, предприниматели, туристы ежегодно наводняют буквально все уголки земного шара, власти твердо следуют линии, в соответствии с которой необходимо по возможности препятствовать «разбавлению» нации, так сказать, сохранять Японию «японской».

Тем не менее, помимо японцев, в Японии (в основном в городах) проживают корейцы, которые были принудительно вывезены туда накануне второй мировой войны в качестве чернорабочих, а также китайцы, в основном занятые в сфере частной торговли и обслуживания. Из постоянных жителей Японии наиболее многочисленная группа неапонцев (около 20 тысяч человек) — коренное население острова Хоккайдо — айну. По внешним признакам от японцев отличаются также

жители архипелага Рюкю, численность которых к 1980 году составила уже более одного миллиона человек.

Как свидетельствует сама же японская пресса, все национальные меньшинства в той или иной степени подвергаются дискриминации. В первую очередь это относится к корейцам, которых в настоящее время насчитывается более 700 тысяч: проживая в Японии вот уже не один десяток лет, они все еще находятся здесь на правах «вечных иностранцев», обязанных регулярно регистрироваться в иммиграционных бюро, каждый раз сообщая о себе полиции самые подробные сведения.

Неравенство сказывается и в системе образования и в сфере найма. Как правило, корейцы заняты на наиболее отсталых предприятиях — дочерних и субподрядных, где сохраняется самая низкая заработная плата, где нет даже пяти выходных в месяц. Выполняя обычно не требующую квалификации и потому наиболее низкооплачиваемую работу, они вынуждены сводить концы с концами за счет сверхурочных, соглашаясь работать не только вечерами, но нередко и в выходные дни. Нетрудно догадаться, что в случае банкротства предприятия (а многие тысячи средних и мелких компаний ежегодно вылетают в трубу) шансы рабочего-корейца найти новую работу во много раз меньше, чем у рабочего-японца, а ведь и тот недаром постоянно страшится безработицы. На помощь профсоюза, как правило, надеяться также не приходится, поскольку в Японии профсоюз, существуя в рамках предприятия, защищает интересы лишь кадровых работников, в число которых не входят временные, подсобные, неквалифицированные рабочие, а ведь именно к их числу и принадлежат, как правило, корейцы.

В Японии в настоящее время проживает около 56 тысяч китайцев, из которых 16 тысяч — в Токио. Как и в других странах, китайцы объединяются в ассоциации по признаку происхождения предков из той или иной провинции материкового Китая. Так, существуют ассоциации выходцев из Гуанчжоу, Маньчжурии и других мест.

В основном занятые в сфере обслуживания, китайцы — держатели небольших, в одну-две комнаты, семейных (муж и жена составляют весь обслуживающий персонал) «ресторанов» китайской национальной кухни, портные, владельцы крохотных «лавочек древностей». Они полностью зависят от нестабильной конъюнктуры

рынка, но относят себя к представителям «капитала». Как писала газета «Майнити», в условиях острой конкурентной борьбы, напряженной деловой активности, а также клановости и круговой поруки, свойственных японскому бизнесу, китайским предпринимателям за последние три десятилетия удалось занять лишь третьестепенные позиции в экономической жизни Японии. Китайцы подчас выигрывают в конкурентной войне с японскими бизнесменами за счет своей высокой организованности, оперативности, широкой взаимной поддержки на национальной основе. Однако дается им это нелегко: китайцы подвергаются дискриминации в быту, в сфере образования, социального обеспечения, трудоустройства. На протяжении многих поколений они живут в Японии на положении иностранцев. «Майнити» приводит свидетельство одного китайского бизнесмена, проживающего в Японии: приезжая из своего провинциального города в столицу, этот бизнесмен имеет дело с японцами лишь в вагоне поезда. В Токио же его окружают одни китайцы, поскольку он старается пользоваться такси, отелями, ресторанами, ночными клубами, принадлежащими только китайцам.

А вот коренные жители южной Окинавы — рюкюсцы, приезжающие в «собственно Японию» в поисках работы, нередко встречают отказ, когда пытаются получить место в крупных компаниях или на предприятии.

Совершенно особым в Японии является положение айну — коренного населения самого северного японского острова Хоккайдо, которое насчитывает на сегодня всего лишь около 20 тысяч человек и численность которого продолжает сокращаться.

В конце XIX века японские колонисты, двинувшись на север в поисках новых земель, согнали айну с лучших угодий. Вынужденные перейти к незнакомому для них типу хозяйствования, айну к нашим дням в значительной степени утратили национальную самобытность своей культуры. По происхождению близкие к тунгусам, айну внешне значительно отличаются от японцев, прежде всего густым волосатым покровом. Бороды айну по своей форме напоминают окладистые бороды русских мужиков, женщины-айну, как и многие другие представительницы народов Севера, традиционно курят.

Перестав быть собственно айну, они, однако же, не смогли стать и японцами, поскольку, как уже говорилось, власти стараются препятствовать «размыванию»

японской нации. В настоящее время айну живут на Хоккайдо небольшими компактными деревнями. Представители старшего поколения все еще стараются в домашнем обиходе сохранять свой язык, утварь, некоторые специфические обычаи. По существу же, поселки айну не что иное, как резервации, где туристам охотно показывают национальные костюмы, принадлежностью которых являются отличные от японских сабли; демонстрируют старинные обряды, продают различные изделия народных промыслов, среди которых славятся фигурки медведей и других животных из кости и дерева.

Таким образом, при всей своей однородности население Японии все же разнонациональное. Об этом, правда, не говорится в официальных заявлениях, проповедующих гармонию этнического единства. Ускользающие от слуха проповедников японской «гармонии» нежелательные «диссонансы», видимо, помешали бы ее звучанию в духе пан-японизма. Однако такой политике препятствует существование еще одного, отнюдь не гармонично звучащего аккорда — позорной проблемы так называемых «буракумин».

...В 1963 году по ложному обвинению в тяжком преступлении в городе Саяма префектуры Сайтама к пожизненному заключению был приговорен Кадзуо Исикава. С тех пор группа прогрессивных адвокатов-защитников неустанно ведет борьбу за освобождение Исикава. Тем не менее вот уже почти двадцать лет Исикава продолжает расплачиваться за непойманного убийцу, поскольку, не найдя виновного, правосудие японского капитализма обрушилось на традиционную для Японии жертву — «буракумин»...

Помимо национальных меньшинств, в Японии существует особая социальная группа японцев, которая вследствие исторически сложившейся традиционной дискриминации все еще поставлена вне общества. По статистике к этой группе изгоев относятся каждые трое из ста японцев. В лучшем случае этих людей, получивших название «жители поселков» — «буракумин», просто не замечают, в худшем — не принимают на работу, отказывают в праве вступать в брак с «полноценными» японцами.

Так кто же эти «неприкасаемые», живущие в высокоразвитой, справедливо гордящейся многими хорошими традициями стране — стране, выдвигая

амбициозные программы, готовится переступить порог XXI века?!

По внешним признакам, речи, уровню культуры эти люди могут и не выделяться из общей массы, а в некоторых случаях и превосходить ее. Но дело в том, что они не такие, как все. В народе их так и называют: «тигау хито» — «отличные от остальных». А ведь в Японии уже само по себе клеймо «отличен» приговаривает человека к изоляции, столь сильны еще в японском обществе традиции остракизма.

Остракизм всегда был и остается главным средством социального контроля в Японии. Широко известно, что корни японской социальной психологии уходят в традиционную деревенскую общину. Солидарность укреплялась совместной работой, постепенно формируя традиции, специфику человеческих отношений. Тот, кто не подчинялся нередко безжалостным к отдельному человеку принципам такой солидарности, без сожаления изгонялся. Недаром в японской деревне самой суровой мерой наказания считался бойкот. То же было и в городах, даже в столице: политически нежелательных предпочитали высылать на какой-нибудь одинокий остров. Отсюда по-японски «изгнание», «ссылка» — «симанагаси», что буквально означает — «высылка на остров». И в наши дни эта недобрая традиция дает о себе знать — недаром наиболее строгим наказанием детей в японских семьях считается изоляция в закрытой, темной комнате.

Многовековой опыт не прошел даром: сейчас о японцах говорят, что они в отличие от «эгоистичных» западноевропейцев и особенно американцев «социоцентричны», иными словами — проявляют готовность в первую очередь учитывать интересы той группы, к которой принадлежат, даже если это противоречит их собственным склонностям и интересам. Порою издержками такой готовности становится подавление творческой инициативы, что нередко оборачивается личной трагедией человека. Однако если единичные жертвы еще как-то можно оправдывать интересами группы, то другому следствию традиций остракизма — существованию «буракумин» — вряд ли найдешь оправдание.

Те из советских читателей, кто знаком с современной японской литературой, услышав: «жители поселков», невольно вспомнят страшные жилища-норы из романа Абэ Кобо «Женщина в песках». Однако в Японии от-

нюдь не многие знают всемирно известное произведение современного прогрессивного писателя, и поэтому само по себе название «жители поселков» на первый взгляд не вызывает нежелательных ассоциаций, как, например, понятие «неприкасаемые». Но японскому языку в высшей степени свойственно искусство эвфемизма — способность другими, более спокойными словами обозначать все то, что может вызвать отвращение, негодование или просто показаться невежливым или неприятным для слуха окружающих или же собеседника. Так, в последние годы по всей стране развернулось широкое движение граждан, в основном женщин-матерей, за привлечение к активному участию в жизни общества молодых калек и инвалидов. Многие из них в детстве болели параличом и теперь могут передвигаться лишь в специальных колясках или приспособленных для них автомобилях. Однако ни разу в ходе многочисленных кампаний, демонстраций, дискуссий в печати, по радио и телевидению не было произнесено слово «инвалид»; японцы, которым в высшей степени свойственна краткость речи и выражений, в данном случае неизменно писали и говорили: «карада-но фудзиюна хито» — «люди, неспособные свободно владеть своим телом». Это, безусловно, достойно всяческого уважения. Иное дело — «буракумин». Когда говорят: «жители поселков», каждый японец прекрасно знает, что речь идет о совершенно особых поселках. Конечно, по внешнему виду поселки «буракумин», возможно, ничем не напоминают жуткую, глубоко зарытую в песок «деревню» Абэ Кобо. Но по ощущению безысходности, которая невольно охватывает каждого, прежде всего самих японцев, при одном только слове «буракумин», они до ужаса похожи. Ведь живут в этих поселках внуки и правнуки касты «эта», потомки тех, кто уже много веков назад занимался глубоко презираемыми каждым японцем ремеслами, связанными со скотоводством и, следовательно, с разделыванием мясных туш, обработкой кожи и так далее.

Поклонение животным, вера в существование души предшествовали религиям всех народов. Это явление стало исчезать по мере формирования таких развитых учений, как христианство, ислам, отчасти буддизм. Однако трудно себе представить, сколь глубоко было воздействие подобных представлений на японца, хотя, возможно, далеко не каждый японец в наши дни сознается в этом даже самому себе.

Японцы никогда не занимались скотоводством в широком масштабе: в стране нет обширных пастбищ, которые можно было бы использовать для этих целей, 85 процентов территории страны — покрытые лесами невысокие горы. Небольшие же по площади долины традиционно использовались для жилья и возделывания сельскохозяйственных культур. Поэтому в отличие от многих других народов древние японцы были лишены условий, способствовавших естественному переходу от охоты к скотоводству.

К тому же зародившаяся в Японии религия синтоизма, в основе которой лежит культ природы и предков, свои основные философские концепции связывает со светом, солнцем, жизнью, отвергая как «нечистое» — гибель, болезни, кровь, будь то гибель растений, кровь животных или болезнь людей.

Начиная с VI века в Японию начал проникать буддизм, который наряду с синтоизмом стал второй национальной религией японцев. Философские доктрины буддизма проповедуют сострадание ко всему живому, абсолютно отрицая жестокое обращение с животными, запрещая их убивать. Вплоть до 1868 года, когда Япония открыла себя западному миру, в стране официально запрещалось есть красное мясо, в крайнем случае допускалось употреблять в пищу лишь мясо птицы. Однако жизнь требовала обработки земли и, значит, использования быков в качестве тягловой силы; бесконечные внутренние войны между кланами и родами требовали содержания лошадей. Кожа животных также являлась необходимым сырьем для военного и других видов снаряжений. Общество нуждалось в ремеслах, связанных с обработкой и выделыванием кожи. Те, кто стал всем этим заниматься, обеспечив Японию новый этап общественного развития, получил название «эта». С тех пор это слово стало обозначать касту японских «неприкасаемых».

«Эта» презирали не только за то, что их занятие было связано с убийством животных, с кровью и нечистотами: они не были земледельцами, а именно земледельцы, и прежде всего те из них, кто выращивал главное богатство, золотую монету страны — рис, наиболее почитались, составляя основу японского общества. Если для японца символом «эта» стала кровь и смерть, то символом земледельца является жизнь и вода.

Рис всегда был главным продуктом питания в Япо-

нии. Он также являлся и является важным элементом в товарно-денежном обращении. Именно на базе рисоводства Япония в прошлом создала свою государственную сельскохозяйственную структуру. Рисоводство и сейчас продолжает оставаться не только важной отраслью сельского хозяйства, но играет значительную роль во всей экономической и даже политической жизни страны.

Правящая либерально-демократическая партия, опираясь на наиболее отсталую в политическом отношении сельскохозяйственную часть населения, умело маневрирует, используя так называемую систему мелких избирательных округов. И это не в последнюю очередь способствует сохранению власти консерваторов. Так, во время парламентских выборов в июле 1980 года ЛДП получила 24 процента голосов в городских округах, 42 процента голосов в пригородных и 51 процент — в сельских. Менее четверти избирателей поддержали ЛДП в Осака, Токио и других крупных городах. Здесь особенно важно учитывать «обесценивание» индивидуальных голосов городских жителей по сравнению с сельскими. Число крестьянских дворов в Японии, владельцы которых занимаются только сельским хозяйством, все время сокращается. С 1979 по 1981 год их количество снизилось на 1,3 процента. В 1981 году в Японии насчитывалось в общей сложности 1,04 миллиона крестьянских дворов, где мужчины занимались одним лишь сельским хозяйством.

Именно по этой причине правящая партия столь упорно отстаивает политику протекционизма в торговле сельскохозяйственной продукцией, несмотря на то, что такая политика — тяжелое бремя для государственного бюджета. В первую очередь консерваторы защищают интересы рисоводческих хозяйств, которые составляют около 80 процентов от 4,6 миллиона всех крестьянских хозяйств Японии. В результате политики протекционизма жители японских городов покупают рис по ценам, которые в четыре раза превышают общемировые. Рисоводческим хозяйствам предоставляются государственные субсидии в размере двух миллионов иен в год. Правительство компенсирует дефицит, возникающий вследствие того, что закупочные цены превышают розничные, а также берет на себя расходы по хранению риса. В связи с изменением характера питания в послевоенный период японцы с каждым годом сокращают

потребление риса, в результате чего избыточный запас риса в стране превышает уже два миллиона тонн. В определенной степени облегчая положение крестьянства, политика протекционизма серьезно ущемляет все другие категории трудового населения, приводя к сокращению бюджетных ассигнований по таким первоочередным статьям, как социальное обеспечение. К тому же, несмотря на все усилия консерваторов поддержать свою основную избирательную базу, экономическое положение крестьянства из года в год все ухудшается, что приводит к неуклонному сокращению сельскохозяйственного населения Японии. Повышение закупочных цен далеко не компенсирует расходы, которые все увеличиваются из-за роста цен на удобрения, технику и так далее. Да и сама политика протекционизма однобока — она защищает не столько интересы всего сельского хозяйства, сколько рисоводов. Недаром совет парламентариев за развитие сельскохозяйственных районов, на три четверти состоящий из представителей правящей партии, называют в парламенте «рисовой группой».

Трудности, вызванные экономическим кризисом и его последствиями, заставили многих представителей делового мира в Японии потребовать от правительства значительного сокращения государственных субсидий сельскому хозяйству. Такое решение диктуется нуждами экономики, заявили они. Однако и на этот раз нужды политики — вернее, стремление любыми средствами удерживаться у власти — для правящей партии оказались важнее. В связи с этим, по свидетельству газеты «Асахи», министр сельского хозяйства и лесоводства Японии Т. Камэока заявил: «Вы правы, растущий бюджет помощи сельскому хозяйству тяжелым бременем ложится на государственные финансы. Вы говорите, что субсидии должны быть урезаны. Но если мы сделаем это, то Япония быстро скатится влево. Вы хотите, чтобы это произошло?» «Аргумент» подействовал — промышленники отступили.

Все сказанное, думается, с достаточной убедительностью раскрывает специфику своего рода «привилегированного» (пусть условно) положения консервативно настроенного рисоводческого населения Японии. Унаследованное до наших дней, оно своими корнями уходит в далекое прошлое, туда, где столь жестоко решалась на много веков вперед судьба противопоставленных рисоводам «эта». И в данном случае история вновь

являет нам сложную противоположность общественных процессов и характера человеческих отношений: ведь было время, когда вечно обремененные налогами японские крестьяне (эти «привилегированные»!), которым религия запрещала есть мясо, в неурожайные годы пухли от голода, враждебно поглядывая на отторгнутых обществом, но зато неизменно сытых ремесленников «эта», занятых свежеванием туш, обработкой мяса и шкур животных.

Юридически особое положение «эта» в японском обществе было оформлено лишь в эпоху Эдо, когда признанных «нечистыми от рождения» «эта» обязали проживать в особых поселениях для отверженных — «бураку», запретив вступать в брак вне своей общины.

После незавершенной буржуазной реставрации Мэйдзи права жителей «бураку» были уравнены с правами всех остальных граждан. Отныне конституция гарантировала им право выбирать любую профессию, свободно вступать в брак, селиться в любом месте. В 1872 году император Мэйдзи публично «отведал говядины», чем было дано официальное разрешение народу употреблять мясо в пищу. Но старые традиции пустили глубокие корни, их не так-то легко было вытравить из сознания народа. Крестьяне, боясь резких перемен в стране, организовывали погромы «бураку», поджоги кожевенных мастерских и хранилищ мяса. Испуганные размахом стихийных выступлений, власти поспешили пойти на попятную: в книгах гражданского состояния в бывшей графе «буракумин» красными чернилами стали дописывать «син хэймин» — «новый простой народ». Тем самым потомков «нечистых» лишили реальной возможности раствориться в обществе, избавиться от неблагоприятного пристального внимания его большей части: ведь принимая на работу или вступая в брак, каждый имел возможность просмотреть книги записей гражданского состояния и установить тех, кто принадлежал к «буракуминам».

Передовые представители японского общества с первых шагов повели борьбу против узаконенной таким образом новой формы дискриминации «буракумин». В 20-е годы ими было создано Общество сторонников равноправия, которое, однако, в связи со вступлением Японии в серию военных авантур вскоре было ликвидировано. Лишь после поражения Японии во второй мировой

войне на базе Общества возникла Лига освобождения жителей «бураку».

Несмотря на серьезный отпор со стороны консервативно настроенной части общества, к настоящему времени Лиге удалось добиться некоторых успехов: была ликвидирована официальная пометка «буракумин» в книгах гражданского состояния; наносящие оскорбление потомкам «нечистых» могут быть привлечены к судебной ответственности; предпринимателям запрещается наводить биографические справки с целью выявления потомков «буракумин». Правительство и муниципальные советы стали выделять средства на реконструкцию районов «бураку».

На основании принятого в 1970 году закона в течение 10—12 лет в Японии должны были добиться полного социального равенства коренного населения страны. В 1982 году срок постановления подошел к концу, однако, как свидетельствуют многочисленные факты, поставленная передовой частью японского общества благородная цель все еще не достигнута. Выходцы из «бураку» по-прежнему подвергаются дискриминации, а в общей массе японцев все еще существуют предрассудки и всякого рода предубеждения против потомков парий. При вступлении в брак японцы в обход закона о равноправии по-прежнему стремятся «обезопасить себя» от потомков «буракумин»: нередко интересы клана, как и в старые времена, ставятся ими выше интересов любящих, поэтому при заключении брака в первую очередь требуется обмен полной информацией о всех буквально сторонах жизни и состояния обеих вступающих в родственные отношения семей.

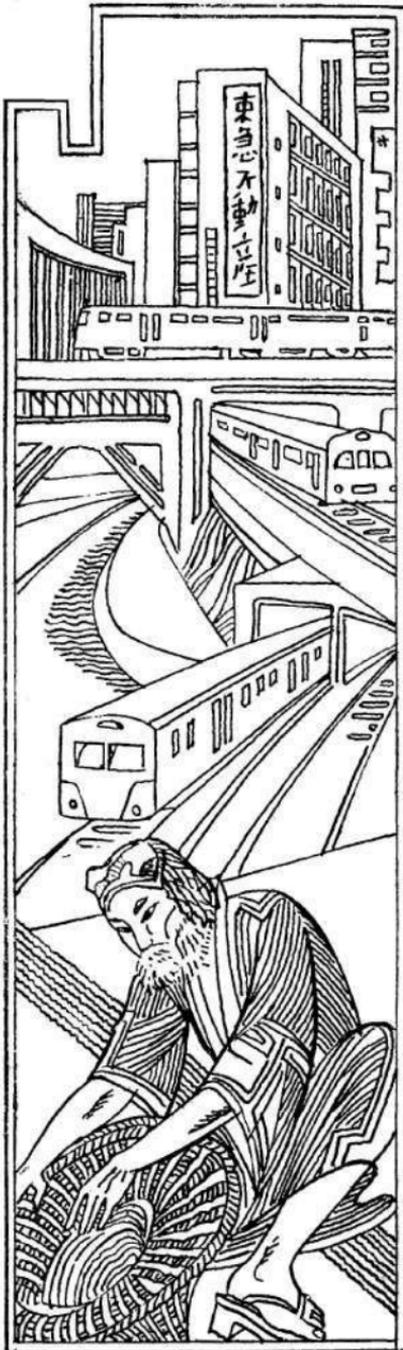
Не менее пристальному изучению потомки «буракуминов» подвергаются и при поступлении на работу. Несколько лет назад в японской прессе много писали о нашумевшем деле одного частного детектива, который составил целый справочник выходцев из «бураку» и немало заработал, снабжая предпринимателей необходимыми сведениями.

Результаты живучести традиционной психологии налицо. По статистике, до 50 процентов населения некоторых поселков — безработные. Японские коммунисты заявляют: люди «бураку» — это своего рода резервная армия японского пролетариата, необходимая для функционирования капитализма. Практика показывает, что эти трудовые резервы не спешат вводить в действие:

монополисты, на все сто процентов солидаризуясь с «мнением общественности» в данном вопросе, предпочитают использовать дешевую рабочую силу стран Юго-Восточной Азии на японских дочерних предприятиях за рубежом, нежели обеспечивать работой нетрудоустроенных, да к тому же по традиции отвергнутых обществом граждан.

По мнению некоторых западных социологов, «буракумины» — это не только «экономический резерв» Японии: они приняли на себя роль необходимого в буржуазном обществе «козла отпущения», воплотив в глазах японского мещанина всю ту скверну и порок, откинув которые он как бы получает законное право считать себя «добропорядочным гражданином рангом выше». Думается, однако, что положение представителей национальных меньшинств, прежде всего корейцев и айну, также способствует повышенной оценке своего собственного социального статуса «добропорядочным» японцем...

Много хороших традиций в Японии, бережно сохраняет их народ, справедливо считая, что не может быть будущего без здоровых корней нации. Остракизм — корень недоброкачественный, и если он не способен подорвать здоровье нации в целом, то к отдельным серьезным недугам он неизбежно приводит. Об этом убедительно свидетельствует положение как «неяпонских», так и «нечистых» японцев. Общее число их на сегодня 5 миллионов человек, что составляет около 5 процентов населения страны.

СТРАШНОЕ СЛОВО «РОГАЙ»

Слово «рогай» — «загрязнение окружающей среды» — уже давно имеет хождение в японском языке. Теперь же все чаще на страницах газет и журналов можно встретить созвучное ему слово — «рогай». Страшное слово, ибо означает оно — «засорение общества старостью»!

Старики в Японии встречаются буквально на каждом шагу, но иностранцы чаще всего сталкиваются с ними в различного рода гостиницах и общественных зданиях. Многочисленная армия «содзино-обасан» — пожилых женщин-уборщиц, проворно орудуя пылесосами и незаменимыми во всем мире тряпками, легко и бесшумно передвигаясь из помещения в помещение, повсюду наводит безукоризненную чистоту. Сами они незамет-

ны: лица не рассмотришь, так тщательно оно скрыто за белой стерильной повязкой, предохраняющей рот, нос и глаза от пыли. Руки до локтя затянuty в яркие резиновые перчатки, на ногах пластиковые шлепанцы — все современно, кроме собственно одежды — традиционно рабочего кимоно или заправленной в широкие шаровары блузы. При виде постояльца «обасан» стараются двигаться еще бесшумнее, казаться еще незаметнее, как бы вообще не существовать.

Мне нередко приходилось бывать на побережье Японского моря и Тихого океана в летние воскресные дни. Если погода выдавалась хорошая, узкие песчаные полоски суши превращались в настоящий людской муравейник. Истомившись в душных, запыленных и задымленных городах, жители, волнами нахлынувшие на побережье, старались в считанные часы отдыха вдохнуть знойного, но влажного и чистого воздуха. И, подобно волнам, схлынув к вечеру, оставляли после себя малоприятную картину — мусорной свалки. Но вот появлялись группки стариков — мужчин и женщин, и начиналась неторопливая работа: без суеты и перебранки. Привычная работа, в которой нет места лишним движениям, да и нельзя их позволить, поскольку ты слишком для этого стар. Не сгибаясь, наколоть мусор на острую палку и собрать в совок, одновременно рассортировывая: алюминиевые банки из-под напитков — в одну сторону, бутылки — в другую, бумагу и всякие коробки — в третью. И каждую кучку — в виниловый мешок. Наконец, одни лишь аккуратные ряды таких перевязанных мешков ждали прибытия небольшого трехколесного грузовичка. А старики отдыхали неподалеку, спокойно и удовлетворенно беседуя. Запомнилась речь их — как тихий шелест...

Однажды я подумал: что стало бы со всей этой любовно ухоженной, чисто вымытой и надраенной до блеска страной, если бы не ее старики?

Сам по себе факт существования острой проблемы старости в Японии отнюдь не новый. Уже немало написано о трудной, нередко требующей настоящего мужества жизни большинства японцев на склоне лет. О них, перешагнувших, в общем, не очень высокий возрастной порог 55—60 лет, все чаще говорят как о «социально обездоленных».

Действующая до сих пор по всей стране система обязательного ухода с работы вынуждает японцев ока-

зываться «на покое» уже в 55 лет. Пятьдесят пять — уже не молод, но еще далеко не стар, поэтому все существо человека-труженика (а японцы — прежде всего труженики) противится такой, с позволения сказать, заботе. Да на практике о настоящем покое, заслуженном всей трудовой жизнью, речь и не идет.

В настоящее время в Японии сохраняются три вида пенсионного обеспечения: для государственных служащих, для занятых в частном секторе экономики (в том числе в сельском хозяйстве), а также домохозяйек-надомниц и для работников мелких и мельчайших предприятий. Казалось бы, теоретически пенсионное обеспечение охватывает всех японцев. Однако в действительности лишь самый ограниченный контингент — государственные служащие — начиная с 55 лет получают гарантированную пенсию. Две другие группы работников обеспечиваются регулярными ежемесячными пособиями лишь через пять лет после обязательного ухода с работы. Но и тогда средства, поступающие в виде пенсий, не могут покрыть и половины расходов, необходимых для прожиточного минимума.

Перед «пенсионерами», таким образом, неизбежно встает проблема так называемого вторичного найма — поиска уже в немолодом возрасте работы, по самой сути унизительного, к тому же нередко безрезультатного. В Токио и во многих крупных городах Японии существует бесплатная служба вторичного, или повторного, найма пожилых людей. Однако лишь 15 процентов обращающихся получают работу, да и то в большинстве случаев такую, которая в японском обществе считается грязной — как правило, это работа мусорщиков или разного рода подсобников.

Большинство японских компаний отказываются нанимать пожилых людей, несмотря на решительные требования профсоюзов, входящих в Сохио*. Как заявил недавно начальник отдела кадров одного из крупных универмагов Токио, «вряд ли наши двери откроются для пожилых работников, во всяком случае, это произойдет не раньше, чем профсоюзы пойдут на такие значительные уступки, как упразднение системы выслуги лет».

Таким было положение даже в наиболее благопо-

* Сохио — Генеральный совет профсоюзов Японии, объединяющий около 4,5 миллиона трудящихся.

лучный для японской экономики период 60-х годов, когда при высоких темпах хозяйственного роста не нашлось, что выделить старикам с «богатого стола».

Последствия кризиса 1974—1975 годов продолжают сказываться до сих пор, и, пожалуй, никто не ощущает его жестокой реальности острее тех, «кому за пятьдесят». Кризис вызвал общий рост безработицы, в первую очередь досрочно уволенными оказались старики. По данным канцелярии премьер-министра на конец октября 1982 года, общая численность безработных в Японии все возрастает и достигла 1 миллиона 340 тысяч человек. В этой связи начальник канцелярии премьер-министра К. Танабэ заявил, что уровень безработицы в стране будет оставаться по-прежнему высоким в течение неопределенного времени, так как растущая инфляция резко отражается на деловой активности предпринимателей. При этом в сфере услуг коэффициент безработных оказался самым высоким — около 4 процентов. Это означает, в частности, массовое разорение людей, занятых в розничной торговле, большинство из которых — «старики»: уйдя не по своей воле на «покой», не достигнув желаемого в поисках новой работы, они на выходное пособие, как правило, спешат приобрести собственное «о-мисэ» — небольшую лавчонку, позволяющую кое-как существовать за счет разницы между розничными и оптовыми ценами.

Пятнадцатое сентября в японских календарях помечено как День почитания престарелых — еще один общенациональный праздник, по числу которых Япония занимает чуть ли не первое место в мире. Это праздничная статистика, но существует и другая, печальная: по данным Всемирной организации здравоохранения, вот уже многие годы Япония занимает одно из ведущих мест в мире по количеству самоубийств среди пожилых. Некоторые буржуазные исследователи пытаются найти здесь проявление «чисто японской психологии» — обостренного чувства гордости и самоуважения в сочетании с «отличным от европейцев», более «философским» отношением к жизни и смерти, которое много веков в японцах формировал буддизм. Возможно, в этом и заключается какая-то доля истины, однако так и кажется, что нас приглашают аплодировать не пожелавшим признать себя лишними, обузой общества вместо того, чтобы вскрыть истинные причины трагической статистики самоубийств.

«Убасутэ» — старое японское выражение. В далеком прошлом в Японии существовал обычай уносить одряхлевших стариков в горы, на верную голодную смерть. «На дорогу» им давали одну-единственную рисовую лепешку... Жестокие обычаи рождаются не от хорошей жизни: в прошлом страна испытывала постоянные трудности с продовольствием. В современной Японии «убасутэ» — лишь воспоминание о печальных временах, однако и в наши дни в японских газетах порою появляются сообщения о том, что в таком-то районе Токио или другого большого города обнаружен труп всеми забытого человека, умершего либо от болезни, либо от недоедания, либо просто одиночества, тоски и горя.

По данным японской печати, до 70 процентов людей старше 65 лет не в состоянии самостоятельно прокормить себя: они находятся на иждивении детей или родственников. На пенсии и доходы с недвижимого имущества проживает около десяти процентов. Работой обеспечены немногим более 20 процентов. Это в целом по стране. В Токио, где численность пожилого населения достигает одного миллиона человек, картина представляется еще более печальной: менее 40 процентов пожилых жителей японской столицы имеют собственные доходы — пенсию, выходное пособие, сбережения, работу — или силы, позволяющие бороться за право на труд. Ежегодно до 50 тысяч престарелых по несколько месяцев, порой свыше полугода, бывают прикованы к постели. Около 75 тысяч страдают от полного одиночества, граничащего с изоляцией. Не случайно сами японцы печально шутят: у старости многое в избытке — болезни, одиночество, свободное время, не хватает лишь одного — денег, чтобы жить.

В последние годы в Японии книги о стариках стали бестселлерами. В магазинах и лавках известного токийского района Канда, бесконечно тянущиеся узкие улицы которого представляют своего рода копию во много раз увеличенного книгохранилища, появились специальные секции, где расположены стеллажи с пометкой «родзин мондай» — «проблема старости». Чуткий к малейшим колебаниям спроса на рынке потребления японский бизнес и на сей раз мгновенно отреагировал на повышенный интерес японского читателя к проблемам старости, справедливо полагая, что этот интерес — непреходящий. Ведь речь идет о том, что касается (или неизбежно коснется) практически каждого японца.

Как и во многих других сторонах жизни японской нации, в отношении общества к старикам прослеживается бросающаяся в глаза противоречивость. С одной стороны, в основе философско-этических воззрений японцев лежит почтение к старости, культ предков, и это проявляется на каждом шагу в обращении более молодых к более пожилым. С другой стороны, существует та дискриминация стариков, о которой говорилось выше. Основные причины острой проблемы необеспеченной старости нужно искать в социально-экономических условиях капиталистического общества, где поражение слабого запрограммировано с самого начала. Немаловажную роль играют и сдвиги, происшедшие в характере человеческих отношений в послевоенный период, и прежде всего в рамках семьи.

На протяжении веков, вплоть до 1945 года, главной ячейкой японского общества, основной социальной единицей считалась патриархальная семья. Родовая единица «иэ» — «дом» предполагала не только близость людей по крови, но и наличие материальной основы в сочетании с завещанными предками традициями и уставами. Реестр, в который заносились все сведения, определял знатность, положение в обществе той или иной семьи, в нем записывались наиболее примечательные события — рождения, смерти, бракосочетания, а также заслуги и проступки членов «иэ». Записи велись в сельских и городских управах и являлись как бы историей рода. Считалось позором, если в книгу попадали факты, порочащие семью. Таким образом, семейные книги на протяжении веков были средством давления на жизнь, во многом определяли поведение и поступки японцев. Кстати, благодаря этим записям в наши дни каждый японец без особого труда может поведать историю своего рода за несколько сот лет.

Главой японской патриархальной семьи являлся мужчина (отец, муж, старший сын), которому принадлежала вся собственность рода и полнота власти, действиям и указаниям которого следовали остальные члены «иэ». Основой социальных отношений являлись не узы супружества (как в Европе), а отношения между родителями и детьми. Поэтому мужчине наследовала не женщина, а старший сын, к которому после смерти главы семьи переходило право на собственность и вся полнота власти над домочадцами. Остальные сыновья с согласия и при помощи старшего искали себе занятия

на стороне, поскольку о дроблении земельного надела не могло быть и речи.

Примечательно, что в такой патриархальной семье женщина как супруга всегда была бесправной, но как мать неизменно имела большой вес, занимаясь воспитанием детей и регулируя отношения между многочисленными членами семьи, а подчас (особенно в роли свекрови) получала и куда большую власть.

В 1948 году был принят новый гражданский кодекс Японии. В его основу легла новая, отличная от традиционной концепция семьи, ядром которой стали супружеские отношения, что предполагает равные права мужа и жены. Согласно новому кодексу каждый член семьи, достигший 21 года, автоматически становится полноправным гражданином общества, а ввиду отмены права первородства все дети являются равноправными наследниками.

Новый кодекс значительно поколебал патриархальные устои японской семьи и общества, но не уничтожил их. Равноправие супругов было зафиксировано на бумаге, на деле же произошло разделение сфер влияния, вернее, подтверждено вслух положение, которое издавна сложилось в рамках японской семьи: сфера деятельности, да и всех основных интересов мужчины — работа, трудовой коллектив, в котором он проводит не только рабочее, но и значительную часть свободного времени. Социальная роль, положение в обществе, престиж японской семьи — все это зависит от того места, которое ее фактический глава — мужчина сможет занять в рамках предприятия, компании, фирмы. При этом важен и характер отношений, которые у него сложатся с коллегами по работе, поскольку в силу все еще устойчивых традиций пожизненного найма с ними ему предстоит прожить всю свою трудовую жизнь. Семье муж отдает заработок и — воскресенье. Этот, как правило, единственный выходной день недели в первую очередь посвящается детям. Отношение к жене не исчерпывается ходячим выражением «гэссюку папа» — «папа квартирант», которое, однако, вряд ли является совсем уж случайным.

Женщина командует в доме. До сих пор японки в своем абсолютном большинстве, выходя замуж, оставляют работу. Иногда к этому вынуждают семейные обстоятельства — рождение ребенка, отсутствие помощи дома, нехватка детских учреждений, но чаще — тради-

ционное стремление работодателей избавиться от работниц, семейное положение которых не позволяет с полной «отдачей» и «преданностью» служить интересам дела. В рамках семьи японка полновластная хозяйка. В ее руках семейный бюджет, а также самое главное — воспитание и образование детей.

Подобно всем матерям мира, японские женщины глубоко заинтересованы в будущем своих детей, это неизбежно выводит их за узкие рамки семьи. Они участвуют в работе школьных родительских комитетов, деятельность которых в Японии носит исключительно активный и многоплановый характер, их заботит состояние детских учреждений, проблема безопасности на транспорте. В последние годы японские женщины — самые деятельные участницы различных массовых движений — за улучшение качества продуктов питания, за сохранение окружающей среды, культурных памятников и т. д. Все это способствует росту самосознания японских женщин, расширяет их кругозор, делает их все более активными членами общества.

В наши дни социальная значимость женщины в Японии возрастает. Сейчас женщины являются депутатами парламента, членами политических партий, входят в различные организации, активно борющиеся за мир. В производственной сфере в настоящее время занято более 20 миллионов женщин, и все же права женщины в Японии все еще не равны правам мужчины. Значительные социальные завоевания японских трудящихся почти не коснулись женщин: закон гарантирует им право на труд, на получение выходных пособий, однако на практике все эти блага японские женщины получают в значительно урезанном виде, последствия чего особенно тяжело сказываются в старости. Сохраняющаяся слабость социальных позиций женщины в японском обществе — один из основных признаков отставания всей системы общественных отношений в Японии по сравнению с другими развитыми капиталистическими странами.

Как видим, после второй мировой войны в структуре японской семьи действительно произошли серьезные изменения. Гражданское законодательство, упразднив особое положение старшего сына как наследника, обязало взрослых, самостоятельных детей обеспечивать материальное существование пожилых родителей. Но очевидно, что любовь и заботу невозможно обеспечить

никакими, даже узаконенными предписаниями, и старики нередко становятся обузой, лишними в семье. К тому же в Японии все большее распространение получает так называемая «каку-кадзоку» — семья-ядро, состоящая лишь из супругов и их детей. Все чаще после женитьбы молодые предпочитают жить отдельным домом, самостоятельно и независимо во всех отношениях. Когда речь идет о состоятельных родителях, то проблема отчуждения между родителями и детьми не носит остро выраженного социального характера, поскольку не возникает вопрос об оказании материальной помощи старикам. Другое дело в так называемых средних семьях: в условиях разобщенности каждое поколение само решает собственные проблемы, а, как известно, их всегда больше у тех, кто слабее.

С 1972 года в Японии ведется активная борьба в защиту престарелых сограждан. Оппозиционные политические партии, профсоюзные объединения включили в свои программы действий требования коренного улучшения пенсионного обеспечения, учреждения системы бесплатного медицинского обслуживания пожилых людей, обеспечения для них нормальных жилищных условий, установления для пенсионеров права на труд. Особое внимание обращается на то, чтобы продлить трудовую деятельность, на первом этапе до 60 лет. Также выдвигаются требования повысить размер выходного пособия для тех, кто лишен возможности получать пенсию.

Уже многие годы такие требования направлялись и продолжают направляться в министерство социального обеспечения, и это приводит к определенным результатам. Так, в последние годы был введен общественный налог, который идет на оказание помощи старикам, в государственный бюджет включена статья по пенсионному обеспечению, учреждена «народная пенсия». Из перечисленного, пожалуй, именно «народная пенсия» представляется чем-то наиболее конкретным и реальным. В первую очередь потому, что механизм «народной пенсии» мало чем отличается от традиционной практики сбережения на старость.

Однажды, будучи в гостях у знакомого японского журналиста, я заговорил о злободневной проблеме пенсий. Неожиданно в разговор включилась хозяйка дома. Оказалось, что неработающая жена моего коллеги, надеясь по достижении 65 лет получить «народную

пенсию», уже с 43-летнего возраста ежемесячно вносит в страховую компанию 3300 иен. Такие взносы она должна делать до тех пор, пока ей «стукнет шестьдесят», то есть в течение 17 лет. При этом пенсию она сможет получить лишь с 65 лет, и размеры ее будут установлены с учетом конъюнктуры.

Каждый японец имеет сбережения: регулярные вклады — непременная статья ежемесячного бюджета любой японской семьи. Эти скрупулезно изымаемые из ежедневного расхода суммы, незначительные на первый взгляд в рамках одного семейного бюджета, в масштабах всей страны вырастают в капитал, существование которого стало одним из важных факторов экономического развития Японии в 60-е годы. Экономический кризис, подорвав веру среднего японца в завтрашний день, резко сократил его ежедневные расходы и заставил его больше откладывать на черный день. И все же, по свидетельству газеты «Асахи», среднему японцу не удастся обеспечить себе прожиточный минимум к старости, даже если он не будет тратить все, что зарабатывает сегодня,— столь высок коэффициент роста цен в стране.

Стоимость продуктов питания, плата за коммунальные услуги и проезд на транспорте безудержно ползут вверх. Несколько лет назад газета «Асахи» свидетельствовала, что прожиточный минимум для людей в возрасте старше 60 лет возрос с 5480 до 10 тысяч иен. Это было несколько лет назад. Недавнее посещение Японии убедило меня в том, что положение с прожиточным минимумом еще более осложнилось.

«Народная пенсия», складывающаяся на базе скрупулезных сбережений, означает некоторую гарантию материального обеспечения на склоне лет. Однако в целом проблема, вернее, сложный комплекс проблем, связанных со старостью, этим отнюдь не решается.

Дело в том, что японское общество неуклонно стареет. Причина — снижение коэффициента смертности (определенное повышение жизненного уровня, успехи медицины обеспечивают среднюю продолжительность жизни для мужчин 73 года, для женщин — 78 лет) и снижение коэффициента рождаемости. Создается своего рода устойчивое положение, которое ведет к приостановке роста населения, что соответственно сказывается на его возрастной структуре: снижается доля младших воз-

растных групп, растет доля пожилого населения. По сегодняшним прогнозам японской статистики, к началу XXI века лица свыше 65 лет составят в Японии больший процент, чем в странах Запада. Если в 1975 году люди в возрасте от 15 до 39 лет составляли 40,7 процента японского населения, в возрасте от 40 до 64 лет — 27,07 процента, а старше 65 лет — 7,92 процента, то в 2000 году указанные возрастные группы распределятся так — 33,94; 31,22 и 13,81 процента.

Уже сейчас неуклонный рост доли пожилого населения начинает оказывать значительное воздействие на экономическую и социальную сферу жизни японского общества, на характер сложившихся в нем человеческих отношений. В частности, исподволь пересматривается роль японской женщины в обществе, условия найма женщины на производстве, намечается также тенденция некоторого увеличения возрастного ценза обязательного ухода с работы. Перспективы же 2000 года предупреждают о срочной необходимости коренного пересмотра всей политики социального обеспечения, выработки законодательства о роли и степени активного участия самой пожилой части японского общества в жизни страны. Все это в первую очередь требует изменения характера бюджетных расходов — демократизации всей экономической политики, которая по-прежнему неизменно служит интересам монополий, принося в жертву самые элементарные нужды широких масс японских трудящихся.

С требованием демократизации экономики в последние годы выступают, по существу, все без исключения оппозиционные партии страны и крупнейшие профсоюзные объединения. Под давлением широкой общественности при кабинете министров была создана специальная комиссия, в которую вошли высокопоставленные должностные лица из министерства здравоохранения, социального обеспечения и труда. Цель комиссии — изучить возможности решения проблемы социальных гарантий для престарелых с учетом не столь далекой перспективы, когда на каждых трех молодых работников будет приходиться один нуждающийся в обеспечении по старости.

Как это уже было не один раз, новые шаги консервативного правительства сопровождались различными обещаниями. Однако они очень скоро потонули в куда более «впечатляющих» проектах увеличения военных

расходов и так называемой «административной реформы».

Первоначально выдвинутый консерваторами под лозунгом сокращения издержек на содержание бюрократического аппарата проект «административных реформ» постепенно приобретает характер санкций по передаче в руки частного капитала государственных железных дорог, средств связи и некоторых подразделений монопольной торговли такими прибыльными товарами, как табачные изделия и соль. С одобрением встреченный монополиями, этот проект вызвал решительный отпор со стороны японских коммунистов и социалистов, которые предупреждают трудящихся, что реализация проекта правящих консерваторов неизбежно приведет к массовым увольнениям и создаст угрозу демократическим завоеваниям послевоенного периода, вызвав резкое сокращение ассигнований на социальные нужды.

Выступая против опасного для судеб страны увеличения военного бюджета, против выгодной лишь правящим кругам «административной реформы», прогрессивные силы Японии борются не только за социальные гарантии для престарелых сограждан, но за обеспечение их «второй молодости» — права на активное участие во всех сферах общественной жизни. Японское общество не настолько богато, считают они, чтобы игнорировать профессиональный и жизненный опыт старшего поколения, способного не только передать молодым лучшие традиции национальной культуры, опыт славных битв за права трудового народа, но и уберечь молодежь, рожденную и сформировавшуюся в относительно благополучный исторический отрезок времени, от трагических ошибок прошлого. Последнее предстает особенно важным в наши дни, когда находятся силы, пытающиеся пересмотреть оценку минувшего, представить в глазах романтической юности явно преступное — «героически прекрасным», достойным памяти и подражания.

В Японии мне довелось встретиться с двумя уважаемыми людьми преклонного возраста. Возможно, они между собой и незнакомы, но в моей памяти их образы сливаются воедино, столь близкими предстают их чаяния и стремления.

...В благодатной по своим климатическим условиям префектуре Сидзуока на небольшом клочке суши, треугольником вдающемся в Тихий океан, расположился поселок Михо со знаменитым во всей Японии культурным

центром. Помимо аквариума размером с двухэтажный дом, в многочисленных отсеках которого представлены сотни видов морских обитателей, и крупнейшего в Японии «музея человека», центр получил известность благодаря уникальному парку макетов «Михорандо» — страна «Михо». В одной половине парка находится макет-миниатюра дороги Токайдо, воспетой в японской литературе и живописи. Протянувшаяся с юго-запада на северо-восток страны, Токайдо проходит и неподалеку от горы Фудзи, которая также встает перед посетителями парка — покрытая зеленым травяным ковром, дорога сердцу каждого японца Фудзи-сан — «гора, подобной которой нет в мире». Только высота миниатюрной Фудзи не более 5—7 метров. А вот и крохотные, но тщательно выполненные художниками фигурки древних путешественников: они расположились у подножия, на одной из 53 станций Токайдо, увековеченных кистью гениального Хиросигэ.

Вторая половина парка отведена под макеты наиболее примечательных и красивых мест мира, и здесь, рядом с лондонским Тауэром, парижской Эйфелевой башней, в стороне от огромного макета нового токийского аэродрома Нарита с любовью выполнен ансамбль нашего Кремля.

Парк Михо — излюбленное место японских туристов, которые в конце недели целыми семьями отправляются в поездки по стране. Рассыпавшись по аллеям и тропинкам, группы взрослых и детворы оказываются как бы в миниатюрном мире, где в отличие от мира настоящего не существует расстояний между странами и народами. Видимо, именно к этому и стремились организаторы культурного центра Михо, возникшего на базе расположенных поблизости факультетов университета Токай, душой которого является всемирно известный ученый, политический и общественный деятель профессор С. Мацумаэ.

В феврале 1982 года научная общественность СССР и Японии отметила 10-летие присвоения профессору С. Мацумаэ почетного звания доктора наук Московского государственного университета, с которым у университета Токай давняя дружба.

С. Мацумаэ уже за восемьдесят, но ученый полон сил, душевной энергии, молодого задора. Круг его интересов удивительно широк: вот он участвует в конференции «круглого стола» представителей советской и япон-

ской общественности, а вот — приехал в Москву в качестве болельщика и наставника с командой борцов дзюдо. В молодые годы Мацумаэ сам занимался дзюдо, что, несомненно, принесло пользу: в свои 82 года он все еще статен и высок.

С профессором Мацумаэ мне неоднократно доводилось встречаться и в Москве, и на территории Михо. Гуляя по аллеям сказочного парка, ученый рассказывал о своей столь богатой событиями и впечатлениями жизни. Много прожито, многое пережито, и сейчас, когда мудрость безошибочно отделяет зерно от плевел, главным предстает сама жизнь и, значит, — мир. Ему ученый и отдал все свои силы, знания, опыт, неустанно увеличивая свой вклад в укрепление отношений добрососедства между нашими странами...

...Гостей Ниигата — города-побратима Хабаровска, расположившегося на побережье Японского моря, непременно знакомят с уникальным домом профессора Сато. Правда, среди местных жителей он больше известен как профессор по декоративным карпам.

В небольшом тенистом саду стоит обычный провинциальный дом японца средней руки. Миновав просторную прихожую, наша немногочисленная группа (хозяин принимает одновременно не более трех-пяти человек) попала в необычную комнату. Помещение площадью около 30 квадратных метров имело лишь три стены — четвертую заменяла живописная ограда внутреннего сада. Отполированный до блеска деревянный пол имел форму буквы П, в середине которой внезапно блеснула гладкая поверхность водоема. Это и был знаменитый «пруд парчовых карпов» профессора Сато.

Вода плескалась почти на уровне пола, как бы являясь его продолжением, а в глубине ее происходило чудесное — живой калейдоскоп ежесекундно меняющихся картин, необыкновенными по яркости мазками которых были резвившиеся огромные карпы. Красно-желтые, золотистые, серебряно-голубые, с какими-то причудливо разбросанными разводами и пятнами чешуи, подсвеченные косым лучом полуденного солнца, просеянного зеленой листвой нависшего сада.

Зачарованный живой картиной, я не сразу увидел хозяина: как бы сошедший с классической японской гравюры удивительно благородной внешности старик сидел в глубине комнаты, весь уйдя в большое мягкое

кресло, и, видимо, так же, как и мы, был поглощен никогда не надоедающим зрелищем.

Негромкий голос профессора нарушил тишину:

— Вы, я вижу, удивлены: мало японцам моря вокруг, мало запаха рыбы повсюду, устроил из собственного дома пруд... Но для меня мои карпы не просто рыба; если хотите, даже не просто частица живой природы. Нам бы у них стоило поучиться жить. Бросишь корм, а они, из самоуважения, что ли, к нему не спешат, не дерутся... В Европе символ мира — голубь. А по мне, Пикассо ошибся: драчливое существо для символа терпимости, взаимопонимания выбрал. Вот карп — действительно символ мира... А ведь это главное — мир.

Кому, как не убеленной сединами мудрости, поддерживать огонь в очагах разума и добра, передавая следующим поколениям отточенные годами навыки искусства и ремесла, нелегко добытый опыт побед и поражений? И сколь чудовищно несправедливым предстает судьба многих пожилых японцев в наши дни.

Было бы неверным сказать, что в Японии к проблеме старости все относятся безучастно. В некоторых префектурах Японии, прежде всего там, где органы местного самоуправления находятся в руках прогрессивных сил, были разработаны специальные программы помощи престарелым. Создана Всеяпонская группа действий за улучшение социального обеспечения престарелых, объединившая уже около пяти тысяч человек. Большинство вошедших в группу 65—70 лет. Самый молодой из них — председатель группы, 60-летний Тосио Фурумия с упреком отметил: «Наше поколение почти все потеряло во время войны. После войны мы вновь работали до упаду, содействуя возрождению и успехам Японии, но вновь остались ни с чем. Правительство должно обеспечить пожилым хотя бы бесплатную медицинскую помощь...»

Один из активистов движения помощи престарелым, бывший токийский учитель Хидео Ватанабэ, организовавший в 1978 году частный дом для нуждающихся престарелых, гневно заметил: «Япония — экономический гигант, но гном в области социального обеспечения... Теперь кажется невероятным, что в японских традициях — забота о стариках. Мне говорят: это следствие поражения и послевоенных новшеств. Нет,

проиграть войну — это одно, а утратить гуманистические национальные традиции — совершенно другое».

Проблема необеспеченной старости продолжает оставаться наиболее острой в жизни японского общества. Она по-прежнему ожидает своего решения, которое зависит не столько от доброй воли, сознания и активности отдельных граждан, сколько от способности борющихся сил добиться пересмотра всей социально-экономической политики государства с тем, чтобы она от служения интересам сильных перешла к защите прав слабого.

«ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ»

Японская публицистика известна созданием абсолютно новых, при этом кратких и подчас удивительно метких выражений. Многие из них, как бы схватывая и демонстрируя саму суть того или иного явления, в значительной степени способствуют привлечению внимания широкой общественности к поднятой проблеме. Другое дело, что сам по себе вопрос, обсуждаемый в буржуазной прессе, далеко не всегда оказывается достойным подобного мастерства.

Однако этого не скажешь о все чаще встречающемся на страницах печати выражении «кэс-эки дзидай»: проблема «отсутствующего поколения» справедливо вызывает беспокойство всех гражданственно мыслящих японцев. Ведь речь

идет о достаточно опасном явлении, никогда прежде не наблюдавшемся в японском обществе — о нежелании определенного и все растущего контингента молодежи участвовать в различных сферах общественной жизни. Наряду с этим японские средства массовой информации высказывают озабоченность растущим количеством самоубийств среди молодежи, различного рода хулиганскими выходками, террористическими действиями, тяготением определенной части молодежи к прямым актам насилия. Особенно поражают при этом многочисленные сообщения о, казалось бы, немыслимых для японского общества случаях насилия молодежи в отношении учителей и даже родителей.

Существует мудрая пословица: благополучно то общество, где уютно старикам и детям. Что же лишает этих юношей и девушек свойственного молодости романтического стремления ко всему прекрасному, питающему надежды человека в ранние годы и помогающему мириться со многими невзгодами зрелых лет? Что делает их жизнь подчас столь неуютной?

Ответить на это однозначно вряд ли возможно, так как процессы, происходящие в обществе, влияющие на характер сложившихся в нем человеческих отношений, на психику людей, чрезвычайно сложны и противоречивы. Но все же некоторые причины неудовлетворения, разочарования молодежи определить можно. Ведь молодость — это тот период жизни человека, который связан сначала с домом, семьей, родителями, затем — со школой, товарищами, учителями и, наконец, с профессиональной подготовкой к взрослой жизни и, следовательно, с такими вопросами, как возможность получить образование и работу. Попробуем же проследить некоторые явления, которые в последние годы сопутствуют молодому японцу на этих ранних этапах его становления.

Рождение ребенка в японской семье окончательно закрепляет женщину в положении домохозяйки. Пока ребенок в колыбели, мать неотступно при нем. Когда он уже может сидеть, мать прикрепляет его ремнями к спине и повсюду таскает с собой. В магазинах, в уличных шествиях, на экскурсиях — повсюду, на каждом шагу можно видеть женщин с перетянутой крест-накрест грудью, с ребенком за спиной. После родов японка в прямом смысле слова «несет свой крест». Первые слова, услышанные и произнесенные ребенком, связаны с

матерью, первые шаги он делает с ее помощью, от нее получает первые наставления, советы.

В городах японские дети дошкольного возраста нередко посещают детские сады. Что же касается обычного японского детского сада, то это скорее детская площадка, куда родители приводят малышей на короткое время. В детском саду ребят не кормят. Родители снабжают их завтраком «о-бэнто». Помимо домашнего «о-бэнто», нередко напоминающего обычный школьный завтрак, в Японии широко распространены готовые «о-бэнто», которые продаются в людных местах — на вокзалах, в поездах, на стадионах, в парках. Обычно это небольшая запечатанная деревянная коробочка, внутри которой палочки для еды «хаси» одноразового употребления, бумажная салфетка, вареный рис, кусочек рыбы и приправа.

Примечательно, что уже в японских детских садах стремятся воспитывать у детей чувство своеобразного коллективизма. Это проявляется даже в мелочах: ребяташек дошкольного возраста нередко одевают одинаково — желтые панамки, белые гетры, одинаковые штанишки и юбочки, через плечо яркие сумочки и термосы с горячим чаем. Не с этой ли безобидной унификации начинается воспитание того, что сами японцы определяют как «групповая психология», которая нередко приводит к внутренней зависимости, скованности личности.

Вместе с тем бросается в глаза большая самостоятельность, которая буквально с первых шагов предоставляется японским ребятам в семье. Один известный американский педагог уверял, что в японском воспитании «нет никакой методы, кроме одной — расчета на авось», однако думается, что «метода» у японцев все же есть и заключается она в стремлении подготовить ребенка к суровым, порою жестоким законам жизни: к японской природе с ее тайфунами, цунами и землетрясениями; к законам высокоразвитого капиталистического общества с его жесточайшей конкуренцией, с бешеным темпом производства и жизни, к самому по себе японскому обществу, которое по традиции требует от человека сдержанности в проявлении чувств, большой выдержки, умения нивелироваться, стусеваться.

С детства японцам прививается знание национальных обычаев и истории страны. Самые первые впечатления связаны для японского ребенка с нарядным кимоно, которое представляется ему самой удобной и кра-

сивой одеждой. Недаром кимоно — неперменный атрибут любого праздника. Японские дети с раннего возраста традиционно совершают экскурсии по местам исторических событий, знакомятся с памятниками старины, присутствуют на красочных национальных праздниках, которые сопровождаются конными состязаниями, видят всадников и коней в специальных убранствах, не меняющихся уже много сотен лет. Прошлое наравне с современностью входит в сознание детей.

Узкие улочки древнего города, пустынные горные тропы, где на мирного путника нередко нападала разбойничья шайка, таинственный средневековый лес, где прятались знаменитые «семь самураев» Акира Куросавы — защитники обездоленных, борцы за справедливость, — все это ничуть не менее знакомо японскому мальчику, чем космический корабль, спутники, сверхскоростные поезда. Японская девочка, выбирая себе идеал женской красоты, наверняка колеблется между ультрамодной эстрадной певицей «касю» и нежным образом японской девушки прошлого.

Ежегодно 3 марта все девочки Японии отмечают свой собственный праздник. В каждом доме в праздничном углу устанавливается небольшой специальный комод-лесенка. Выстроенные на каждой ступени этой импровизированной лестницы особые куклы воспроизводят в миниатюре императорский двор эпохи Хэйан (X—XI веков). В этот день каждая мать старается приготовить наиболее вкусные блюда, нередко ей помогают маленькие дочери, ведь именно к ним должны прийти долгожданные гости. Вид специальных небольших кукол, выставленной перед ними миниатюрной посуды, крохотных изображений старинной мебели не меняется вот уже более 300 лет, но история необычного праздника ведет еще дальше — в глубь веков, к древнему обычаю обряда очищения, когда каждый год 3 марта все болезни и недуги тела символически переносились на небольшие бумажные фигурки, которые затем бросали в реку. Постепенно эти бумажные фигурки превращались во все более искусно выполненных кукол, которые, видимо, и послужили рождению, а затем и процветанию знаменитого в Японии ремесла профессиональных мастеров-кукольников.

Пожалуй, самое важное, что уносит из своего детства каждый японец, — это «дух карпа». Красочное изображение карпа вплоть до последних лет было симво-

лом другого праздника — Дня мальчиков. Сейчас этот день празднуется 5 мая как национальный праздник детей. Карп олицетворяет готовность плыть против течения, мужественно противостоять трудностям жизни. Когда, привязав ребенка к себе за спину, мать не покрывает его головку, на которую падает снег, когда подводит она своего двухлетнего сына к металлическим пирамидам для лазания, и он, взобравшись на трехметровую высоту, весело хохочет, а у нас замирает дух — как можно! — когда год спустя мать сажает его на велосипед и разрешает ему кататься на улице в гуще снующих взад и вперед машин, а в семь лет позволяет одному ездить в школу на электричке, то — пусть это покажется жестоким — она готовит его к долгому и тяжелому плаванию по бурному океану жизни, к испытаниям, которые неминуемо выпадут на его долю в обществе, живущем по законам капиталистической конкуренции.

Первое порою жестокое испытание ожидает японских ребят уже в школе. Ее недаром сравнивают с мелким ситом, через которое проходят лишь наиболее сильные, не робеющие после первого поражения, готовые к новым схваткам. Как правило, шести лет ребенок поступает в начальную школу. Школы в Японии подразделяются на три категории — государственные, муниципальные и частные. Обязательное обучение включает шесть классов начальной и три класса неполной средней школы. Для поступления в вуз после обязательно-го девятилетнего образования необходимо закончить еще три класса полной средней школы.

Учебный год в Японии начинается с апреля и длится до конца марта. Летние, зимние и весенние каникулы в северных и южных районах страны проходят в разное время. Продолжительность каникул, не считая общенациональных праздников, составляет около двух с половиной месяцев.

Ранним утром группами и в одиночку тянутся в школы ученики: мальчики в черных кителях, такого же цвета брюках и в форменных фуражках с эмблемой, на которой начертаны номер и название школы, девочки в темных матросках и белых гетрах.

В начальных классах общеобразовательной школы занятия проводятся по японскому языку, математике, естествознанию, обществоведению, морали, музыке, физкультуре, домоводству и рисованию. В старших

классах — по японскому языку, математике, обществоведению (истории, географии, экономике, праву), иностранному языку, естествознанию, музыке, эстетике, физкультуре, морали, технике и домоводству. Программа насыщена. Так, на уроках музыки наряду с разучиванием песен преподаются основы музыкальной грамоты, прививаются навыки игры на каких-либо двух инструментах, включая, как правило, электропианолу. Домоводство рассматривается как серьезный предмет и для девочек, и для мальчиков. И те и другие должны уметь шить, вязать, вышивать, готовить обед, экономно вести хозяйство.

При переходе из начальной школы в среднюю сдаются экзамены. Особенно трудны экзамены при поступлении из неполной средней школы в полную (или повышенного типа), когда учеников подвергают строгой и придирчивой проверке по японскому языку, математике, иностранному языку, естествознанию, обществоведению.

Со страниц японской прессы вот уже много лет не исчезает выражение, которое можно перевести как «ад экзаменов». Речь идет о крайне завышенных требованиях, о стремлении учителей открывать дорогу к знаниям лишь тем юношам и девушкам, получившим обязательное образование, которые наделены способностями и «подают надежды». Подход сугубо прагматический. Цель — не столько раскрытие талантов, сколько надежда на перспективное извлечение прибылей за счет тех, кто должен надежды оправдать.

В Японии нет единой программы школьного образования. Более или менее обозначены границы программы обучения и ориентировочный объем знаний, которыми необходимо снабдить учеников за период учебы. Все же остальное зависит как от самих учащихся, так и от учителей.

С первых шагов лучшие ученики становятся кандидатами на получение высшего образования и на дальнейший успех в жизни. Важную роль играет, конечно, социальное положение учащихся.

Уменьшение числа детей (как правило, не более двух), развитие системы услуг и широкое внедрение бытовой электротехники значительно сократили время, необходимое для домашней работы, и это позволило японской женщине больше внимания уделять воспитанию детей. В рамках семьи это породило новое социальное явление так называемых «кёйку мама» — матерей,

все жизненные силы которых уходят на то, чтобы, так сказать, вывести ребенка «в люди». Быть «кёйку мама» нелегко. В первую очередь это требует значительных материальных затрат. Традиционно статус образования в японском обществе исключительно высок, поскольку считается, что это единственный путь, который открывает перед «каждым» перспективу «пробиться в люди». Вот почему ни одна японская мать, даже лишая себя и свою семью самого необходимого, не откажет ребенку в максимально доступных средствах для получения образования.

Хороший детский сад, который открывает дорогу в хорошую школу. Хорошая школа, имеющая хорошую репутацию. Затем хорошее высшее учебное заведение, далее хорошая фирма, компания, учреждение. Вот цепочка к теплому месту в жизни. При этом «теплым местом» японцу представляется крупное предприятие, где человек наконец-то может освободиться от невыносимо сжимавших его весь «подготовительный» период тисков конкурентной борьбы.

Вступлению молодого человека в трудовую жизнь на «престижном» предприятии и посвящена нелегкая деятельность японских «кёйку мама». Однако все эти усилия не идут ни в какое сравнение с той борьбой, которую под их руководством приходится вести детям. На пути к подобному «благополучию» школьник, являясь объектом бесконечных экзаменов на «пригодность», нередко теряет не только здоровье, но и моральные силы.

В последние годы много говорят о еще одном следствии «ада экзаменов». В результате неизбежного многолетнего давления со стороны собственной матери-воспитателя молодежь нередко полностью утрачивает не только самостоятельность, но и всякую инициативу. Если же подростки от природы наделены сильным характером и не способны покорно гнуться под бременем программы «подготовки к жизни», ситуация может привести к трагедии: неосознанно весь их гнев направляется в адрес учителей, как непосредственно представляющих вечно экзаменующую силу, и даже в адрес собственной матери, которая не только в глазах окружающих, но и в глазах собственного ребенка все чаще предстает не просто «мамой», а «кёйку мамой» — мамой-воспитателем и, следовательно, также ответственной за их постоянные обиды и боль.

Проведенное недавно официальное обследование на-

строений молодежи выявило недовольство 22 процентов юношей и девушек своей жизнью и перспективами на будущее. Но в еще большей степени официальные круги Японии озабочены ростом преступности среди молодых людей и подростков. В 1981 году уровень преступности достиг рекордной цифры за весь послевоенный период. Японская полиция, насчитывающая 210 тысяч служащих, уже не справляется собственными силами. В связи с этим, выступая на совещании офицеров службы общественной безопасности, генеральный директор главного полицейского управления Японии О. Мицуи призвал полицию развернуть широкую кампанию по «оздоровлению социальной среды», чтобы не дать молодежи «погрязнуть в пороке». Для выполнения этой программы было привлечено 75 тысяч добровольцев из организаций по опеке над молодежью, а также 52 тысячи частных лиц. Правительственный комитет по борьбе с преступностью среди молодежи разработал план широкого привлечения подростков к спорту, к участию в поддержании чистоты и порядка в городах.

Масштаб контрмер сам по себе красноречиво говорит о серьезном характере проблемы. Об этом же свидетельствуют цифры: в 1981 году 184 900 подростков в возрасте от 14 до 19 лет были задержаны или допрошены за нарушение уголовного кодекса, что составило 44 процента всех зарегистрированных преступлений.

По заявлению полицейского управления, особую озабоченность вызвал рост числа насильственных актов, совершенных учениками против учителей: в 1981 году 943 учителя, большей частью из неполных средних школ, получили телесные повреждения в результате нападения учеников. Это более чем вдвое превышает число аналогичных случаев, о которых сообщалось в предыдущем 1980 году. «Хочу покоя и мира» — такую записку оставил директор одной средней школы в городе Тиба, находящемся недалеко от Токио. Он покончил жизнь самоубийством, приняв яд, после того, как во вверенной ему школе учениками был совершен целый ряд насильственных актов.

Во многих исследованиях и официальных документах делаются попытки объяснить рост преступности среди молодежи. Как правило, в качестве причин на первый план выдвигают — «ад экзаменов» и последствия урбанизации. Так, в обследовании, проведенном центральным полицейским управлением, отмечается жесто-

кое давление на молодежь системы образования, основанной на многочисленных экзаменах. 85 процентов учеников, повинных в хулиганских выходках, имеют самую низкую успеваемость, то есть признаны «негодными», «бесперспективными», не выдержавшими «экзаменационного ада».

Те, кто уже многие годы критикует систему образования, требуя ее коренной перестройки, вновь и вновь подчеркивают: насилие среди подростков — это неизбежное следствие японской школьной системы, при которой каждый ученик, желающий поступить в престижные высшие учебные заведения, должен выдерживать многочисленные и придирчивые экзамены. Помимо обширных школьных программ, которые нередко отличаются друг от друга, преподаватели рекомендуют желаемым попасть в университет объемистые учебники, разработанные частными издателями. Кроме того, многие учащиеся посещают также частные курсы вне школы. Все это требует от детей нечеловеческого напряжения физических и душевных сил. При такой системе не может быть и речи о развитии индивидуальных способностей. Выход неизбежному разочарованию нередко дают различные формы насилия, как прямые, так и косвенные. Так, уже многие годы слух японских городских и сельских жителей терзают так называемые «босодзоку» — мотоциклисты, которые с бешеной скоростью носятся по дорогам страны, днем и ночью пугая окружающих воем моторов и сирен. На сегодня «босодзоку» насчитывают уже 40 тысяч, многие из них в результате лихачества становятся калеками, но, несмотря на все усилия полиции, армия «босодзоку» все пополняется такими же «бесперспективными» юношами и девушками, которым закрыта дорога в «престижную жизнь».

Конечно, при всей очевидной пагубности японской системы образования она не исчерпывает причин роста неудовлетворенности молодежи, нередко ведущей к хулиганству и даже преступлению. В исследовании, проведенном недавно министерством просвещения, говорится, что акты насилия чаще происходят в новых городских районах и в районах недавней урбанизации, где не существует тесной связи между соседями, как это было испокон веков в японских деревнях и небольших городах. Живущие в районах новостроек небогатые семьи, как правило, оторваны от «большой семьи» — бабушек, дедушек, родственников — и в то же время с

трудом налаживают связи с соседями. Материальная необходимость заставляет женщину в такой семье соглашаться на работу даже в удаленных от дома местах — как правило, в районах торговли и развлечений, нуждающихся в массе обслуживающих рук. Поэтому, возвращаясь из школы, дети нередко оказываются втянутыми в хулиганские компании: домой им спешить не к кому, а соседей они не только не боятся, но, как правило, и не знают. Нетрудно представить и дальнейшую судьбу таких детей: без неусыпного внимания и поддержки «кёйку мамы» им вряд ли удастся просочиться через мелкое сито образовательной системы.

Обсуждая причины роста преступности, в Японии большое значение придают также пагубному влиянию свободно доступной детям дешевой прессы, выхолащивающих живую мысль комиксов, прессы садизма, секса, порнографии. Проникшая в Японию в потоке многочисленных «американизмов» мода на всякого рода эрзац-чтиво привела к тому, что, по признанию самих же японцев, молодежь в большинстве своем вообще отказывается «потреблять» что-либо, кроме неизбежной учебной литературы и «манга» — комиксов. Содержание комиксов представляет собой схематичное изложение вестерна или же «самурайского» фильма — для тех, кто постарше, а для подростков — повторение в карикатурной форме сценариев известных телефильмов. Все это в виде цепочки картинок с минимальным количеством сопровождающих слов — и, как свидетельствует практика, максимумом серьезных последствий.

Телевидение в Японии уже долгие годы победно конкурирует со всеми другими средствами массовой информации, которые призваны формировать общественное мнение, воспитывать у людей сознательное отношение к процессам, протекающим в обществе, прививать вкусы, вырабатывать привычки, формировать личность. Своей общедоступностью и наглядностью телевидение Японии угрожает значительно сократить тираж книг и журналов. Ведь телевизор, в основном цветной (с 1970 года все каналы японского телевидения перешли на цветную трансляцию), обязательная принадлежность быта японца. Если раньше говорили: японцы лучше обеспечены жемчугом, чем жильем, то теперь можно сказать, что они лучше, чем жильем, обеспечены телевизорами. Телевизор смотрят в Японии буквально все, от мала до велика. По количеству телечасов на душу

населения Японии, пожалуй, вполне может претендовать на первое место в мире: в японском доме телевизор не выключается с утра до вечера, так что неработающая женщина-хозяйка более или менее внимательно просматривает не менее пяти-шести программ в день.

Японские учителя и родители не могут не учитывать того влияния, которое телевидение неизбежно с самого раннего возраста оказывает на подрастающее поколение. В связи с этим мне неоднократно доводилось смотреть по токийскому телевидению передачи за «круглым столом», посвященные обсуждению проблем телевидения. Однако всякий раз поражала мягкость позиции учителей и родителей, справедливо защищавших психику и нравственность детства, и — жесткая напористость поставщиков «телесырья», заинтересованных лишь в сохранении неисчислимого источника доходов. Во всяком случае, в содержании программ телевидения и до сего времени произошло мало изменений.

Отсутствие единой общеобразовательной системы, наличие частных учебных заведений порой приводят к тому, что дипломы о высшем образовании получают и недостаточно подготовленные. Используя эти факты, правящие круги Японии давно уже стремятся ввести унифицированную систему образования. Конечно, последнее отнюдь не означает отказа от давно уже узаконенного в японском обществе «благотворного», по уверениям буржуазных специалистов, сочетания двух систем образования, одна из которых служит подготовке элиты, а другая предназначена для всех «равноправных» остальных. Корни целенаправленно сохраняющегося традиционного разграничения ведут к эпохе Эдо, когда образование в Японии достигло уже высокого уровня: сословие самураев, которое называли «хранилищем талантливых людей», имело систематическую подготовку повышенного типа в различных школах феодальных кланов; выходцы из простого народа обучались в начальных школах «тэракоя». После «реставрации Мэйдзи» самураи утратили свои прежние привилегии, в результате чего значительная их часть стала жадно воспринимать новые идеи с Запада, считая, что усвоение новых веяний, получение образования — отныне единственный путь к обеспечению безбедной жизни. Более 80 процентов выпускников Токийского университета на первом этапе реформ были выходцами из среды самураев.

В 1885 году была выпущена серия правительственных постановлений, получившая название «декретов Мори», по имени первого министра просвещения. В Японии учреждалось обязательное трехлетнее (с 1899-го — четырехлетнее) образование. Согласно «декретам Мори» отныне образование в Японии должно было строиться на принципах, которые бы способствовали обогащению страны. Уже «декреты Мори» четко разграничивали «академические исследования» в высшей школе и «просветительскую деятельность» в начальных и средних классах. «Академические исследования» предназначались для «проникновения в суть вещей» и привития навыков практической работы «высшего порядка». Задача же просвещения состояла в «воспитании людей таким образом, чтобы каждый японец мог полностью осознавать свой долг, следовать на практике моральным нормам и быть готовым к наслаждению благополучием». Преподавание в университетах строилось преимущественно на «изучении тех наук и технологии, которые отвечали потребностям государства», и служило выработке национального мышления. В «декретах Мори» большое внимание уделялось подготовке учителей, в основном выходцев из средних и низших слоев крестьянства, которые должны были работать в школах, являясь основными проводниками идей «национального единения». В каждой префектуре была учреждена средняя школа. В целом по Японии было создано семь средних школ повышенного типа, которые явились поставщиками наиболее способных учащихся для обучения в императорских университетах.

С начала XX века потомки самураев, окончательно утратив свою материальную базу, уступили лидерство в элитарной системе образования детям землевладельцев и выходцам из торгово-промышленных кругов. Все большее значение для получения элитарного образования приобретали деньги. Таким образом, японская школа с ее четкой градацией превратилась в базу подготовки различных слоев общества: из начальных школ выходили крестьяне и рабочие (с 1907 года было введено обязательное шестилетнее образование), средние школы готовили работников низшего звена государственного аппарата, профессиональные — провинциальных лидеров и второстепенных управляющих бизнеса. Университеты же служили подготовке высшей японской элиты — лидеров политических и деловых кругов. И в наше

время из года в год статистика подтверждает, что абсолютное большинство государственного бюрократического аппарата Японии, так же как и руководящих кадров и даже среднего звена крупных предприятий, органов массовой информации, состоит из выпускников Токийского и Киотоского университетов. Основной состав всех кабинетов министров Японии при этом формируется из выпускников факультета права Токийского университета. Таким образом, лозунг «равных возможностей», предоставляемых якобы всем японцам системой образования, в очередной раз оборачивается мифом.

В результате исследования контингента учащихся Токийского университета (Тодай) были выявлены следующие факторы: 1) размеры доходов родителей студентов государственного Токийского университета за последние десять лет достигли уровня показателей крупнейших частных университетов; 2) в основном родители студентов Тодай заняты в высших сферах управления, более половины студентов — выходцы из класса капиталистов и представителей высшего управленческого аппарата. Из этого совершенно очевидно, что судьба молодежи в Японии полностью определяется классовой принадлежностью родителей — их занятиями и уровнем доходов. Поэтому можно сделать вывод: закрепление характера японского общества как «общества образовательного ценза», по существу, и означает закрепление его классового характера. Механизм образовательного ценза способствует дальнейшей классовой поляризации; на одном полюсе — абсолютное меньшинство имущих, на другом — абсолютное большинство трудящихся. Такие выводы подкрепляются и обозначившейся с 1975 года тенденцией сокращения коэффициента поступающих в высшие учебные заведения, что объясняется ростом расходов на обучение в вузах, удорожанием жизни, а также сокращением различия в первоначальной заработной плате в соответствии с образовательным цензом и существованием целого ряда непрестижных вузов, не обеспечивающих рабочих мест.

Так называемая «унифицированная», а по существу, переделанная по правительственному образцу система образования, которую на сей раз стремятся реализовать консерваторы, в условиях, когда страной правят силы, защищающие интересы монополистического капитала, вполне может быть орудием насаждения в души и умы

молодого поколения идей милитаризма и шовинизма. Вот уже не один год в японской прессе широко обсуждается проект так называемой «третьей реформы образования». Официально целью правительственного плана является обеспечение программы изучения фундаментальных дисциплин, подготовки к выбору профессии уже в средней школе, а также перестройка всей системы высшего образования.

Первая реформа образования была проведена в 1872 году, когда в Японии была введена современная система обучения: по заявлению журнала «Тюокорон», впервые в мире в отсталой стране был взят «атакующий стиль» воспитания в духе преданности государству, в духе национализма. Целью такого воспитания была «подготовка сильных солдат богатой державы в эпоху империализма и колониализма». В головы японцев настойчиво вдалбливались идеи милитаризма, слепого доверия властям и безоговорочная вера в божественное происхождение императора. Вторая реформа была проведена в 1945—1947 годах, когда были осуществлены некоторые демократические преобразования. Она рассматривала образование как одно из основных прав человека. Центральным понятием становилось не государство, а человек. Вплоть до наших дней эта система образования постоянно подвергается нападкам со стороны правых сил, которые с грустью вспоминают о былых временах, когда гораздо легче было обрабатывать умы «в нужном направлении».

Новый правительственный проект был с негодованием встречен общественным мнением Японии, обеспокоенным идеей усиления дифференциации, разделения детей на «способных» и «неспособных». Проект, в частности, допускает в начальной школе создание «групп повышенных требований» и разрешает детям сдавать экзамены экстерном, а в вузах предполагает сокращение сроков обучения для «одаренной» молодежи и отчисление тех, кто не набрал на том или ином этапе обучения нужных баллов. Как подчеркивает тот же журнал «Тюокорон», политической целью предполагаемой реформы является усиление контроля за высшей школой, стремление ослабить студенческое движение, вытравить из университетов дух свободомыслия путем вовлечения студентов в борьбу за высокие баллы.

Искаженные критерии надуманной «эффективности», стремление избавиться от «балласта», которым якобы

являются «обычные дети», по меткому замечанию «Тьюкорон», может служить лишь эффективному воспитанию «человеческих ресурсов в соответствии со спросом капитала на различные виды рабочей силы». Анализируя проект реформы, невольно приходишь к мысли, что определенные силы никак не могут расстаться с далеким прошлым, когда в Японии успешно использовали «первосортных людей» и заставляли служить им «второсортных» и «третьесортных». Прогрессивные силы страны, не на шутку встревоженные новым наступлением на демократические права трудящихся, активно борются за сохранение той системы образования, которую неверно было бы рассматривать как «подаренную» американскими оккупационными властями: она явилась результатом борьбы японского народа за демократические права.

В результате второй реформы образования (1945—1947 гг.) был введен принцип единого совместного обучения, срок обязательного образования был продлен до 9 лет, в каждой префектуре страны был создан государственный университет. Традиционно высокая ценность и престижность образования в японском обществе привели к значительному повышению образовательного уровня всего населения в 50-е годы. Высокая тяга к знаниям, к получению специального и высшего образования объяснялась также типичной для Японии системой пожизненного найма, в соответствии с которой заработная плата повышается за выслугу лет, и чрезвычайно важен уровень оплаты первой полученной работы, что зависит от образовательного ценза молодого человека.

Однако уже в 60-х годах стали предприниматься попытки изменения существующей системы образования с тем, чтобы она отвечала интересам экономической и идеологической политики правящих кругов. Именно с этого момента во главу угла была поставлена задача внедрения в сознание молодежи таких моральных норм и ценностей, которые наряду с обеспечением высоких темпов экономического роста способствовали бы большей политической устойчивости капиталистического общества.

Ассоциация организаций японских предпринимателей (Никкэйрэн) обнародовала «Взгляд на техническое образование, призванное удовлетворить потребности новой эры». В документе подчеркивалась важность «челове-

ческого фактора» для экономического роста Японии. В ответ на это в 1962 году премьер-министр Х. Икэда выступил с программой «формирования человека», которая делала упор на «качество рабочей силы», предлагая считать основным направлением политики в области просвещения «повышение уровня научно-технического образования как необходимой предпосылки национального строительства и усиления нравственного воспитания в целях формирования у молодежи добродетели, патриотизма, лояльности».

Практическими последствиями программы «формирования человека» явилось усиление дифференциации и профессионализации полной средней школы на основе теории развития способностей.

В конце 70-х — начале 80-х годов концепция «формирования человека» была дополнена лозунгом «образование — в течение всей жизни»: линия на «развитие человеческих способностей» вступила в противоречие с традиционной системой пожизненного найма, выслуги лет и производственной кооперацией, к которой подводила систематизация трудового процесса. Однако буржуазной пропагандой новое направление увязывалось с превращением Японии в так называемое «общество развитой информации».

На пороге XXI века трудно отрицать необходимость в постоянном пополнении знаний: без этого невозможно разобраться в огромном и сложном потоке обрушивающейся на человека информации. Но вот каким образом правящие круги связывают с этим свое очередное требование усилить контроль за учебным процессом, системой управления школами, с тем чтобы обеспечить формирование «единодушия нации», остается неясным.

На пути реализации идеологических целей правящих кругов встала прогрессивная общественность Японии, прежде всего коммунистическая и социалистическая партии, Японский союз учителей и другие демократические организации. Прогрессивные силы страны разоблачают попытки «рационализации» и повышения «эффективности» учебного процесса, поскольку в конечном итоге это ставит общеобразовательную и высшую школы в прямую зависимость от краткосрочных нужд экономического развития. Демократически настроенные учителя обеспокоены опасностью усиления централизованного правительственного контроля над образованием путем градации учителей начальных и средних школ,

сосредоточения руководящих функций в руках ректоров университетов при ограничении прав факультетских советов профессоров, расширения вмешательства министерства просвещения в дела частных учебных заведений под предлогом увеличения государственных субсидий. Как подчеркивает демократическая общественность, в сфере обучения в стране действительно существует немало нерешенных проблем: всевозрастающие затраты отдельной семьи на образование, проблема «ада экзаменов», непомерно низкие расходы правительства на образование и т. п. Вот эти проблемы и надо решать.

Как мы уже видели, перед японским обществом стоит немало неразрешимых проблем. Сейчас усилия творческой мысли лучших представителей японских средств массовой информации не случайно направлены на проблемы юности, детства: «кэссэки дзидай» — «отсутствующее поколение», «босодзоку» — «хулиганы на мотоциклах», «терэбикко» — «теледети» — все это тревожащие совесть честных японцев сигналы бедствий, призванные обратить внимание и решить проблемы, которые, увы, уже давно превратились в обыденность. Но «обычно» — не значит «допустимо», и эти проблемы, как и многие-многие другие, японцам предстоит решать. Ведь нельзя спокойно смотреть в будущее, если оно зависит от «отсутствующего» поколения. А что иное, как не поколение безучастных, пассивных, безразличных к проблемам рядом живущего человека и всего общества, порождает все те, вызывающие озабоченность явления, о которых в буквальном смысле слова трубят японская прогрессивная печать.

Решение проблемы молодежи подсказывают данные международных и национальных обследований молодежного сознания. Результаты опросов, проводившихся в течение длительного периода с начала 70-х по начало 80-х годов, в первую очередь выявили «крайнюю неудовлетворенность молодых японцев сложившимся в стране политическим и культурным укладом». В 1977 году по степени неприятия буржуазного общества японская молодежь уступала лишь молодым французам.

Чаще всего критика была направлена на сложившееся в японском обществе положение, при котором отдельный человек, его судьба в расчет не принимаются. «Политика господствующих сил противоречит желаниям и чаяниям людей», — заявили 85 процентов опрошенных. «В меркантильном обществе деньги могут все»

(84 процента опрошенных). «Наше общество бессердечно к старикам и вообще ко всем слабым» (82 процента).

Известный японский ученый, доцент крупного Токийского университета «Дзёти» Т. Нагасима попытался объединить источники неудовлетворенности японской молодежи обществом в несколько основных групп. В результате он выяснил, что молодых японцев не устраивает, во-первых, чрезмерный крен правительственной политики в сторону защиты интересов буржуазного государства; во-вторых, полное игнорирование индивидуальных стремлений человека в буржуазном обществе, в-третьих, пренебрежительное отношение к людям с непрочным социальным положением, в-четвертых, социальная несправедливость и, наконец, в-пятых — жесткое давление на личность в обществе, «которое фактически превратилось в тотально управляемое».

Как же отражается общая неудовлетворенность японской молодежи на ее политическом поведении? Судя по исследованиям, все большее число молодых японцев считает, что «буржуазная парламентская демократия превращается в клочок бумаги».

Выражая свое неприятие буржуазного общества, японские юноши и девушки демонстрируют полное отсутствие интереса к политике, осуществляемой правящими классами, занимая позицию «отсутствия» — социальной апатии. В последние годы общественно-политическая пассивность стала характерной чертой значительной части японской молодежи. Согласно международным обследованиям большинство не удовлетворенных обществом японцев (54,5 процента в 1972 году и 39,3 процента в 1977 году) указали, что они не участвуют в активных политических действиях, ограничиваясь лишь использованием своего избирательного права. Еще 4,8 процента в 1972 году и 13,4 процента в 1977 году признали, что они вообще стремятся остаться в стороне от общественных дел. Таким образом, свыше половины не удовлетворенных обществом молодых японцев занимают пассивную социальную позицию.

Очевидная общественно-политическая пассивность, однако, не означает, что японские юноши и девушки отказались от поиска путей к достижению социальной справедливости. Так, данные опросов, проведенных среди студентов трех крупнейших университетов в Токио — Токийского, Тюо и Кэйо, — показали, что для японского студенчества в целом характерен большой интерес к

марксизму. Из каждых ста опрошенных 63 интересуются теорией марксизма. Разумеется, интерес к марксизму не сразу приводит юношей и девушек к теоретическому освоению идей научного коммунизма.

Тяга японских юношей и девушек к теории марксизма закономерна и отражает традицию, которая сложилась в стране. После «реставрации Мэйдзи», когда Япония открыла себя внешнему миру, теория марксизма сразу же стала наиболее популярной среди рабочих и прогрессивной интеллигенции. «Капитал» К. Маркса был настольной книгой в буквальном смысле слова каждого японца. До сего времени значительная часть научного и университетского мира причисляет себя к последователям марксистской теории. Интерес молодых японцев к марксизму в значительной степени объясняется также стремлением глубже узнать основы идейной и политической жизни в странах реального социализма.

Политическая апатия значительной части японской молодежи волнует не только демократические силы страны, но и правящие круги Японии. Само собой разумеется, что причины такой озабоченности носят прямо противоположный характер. Представителей прогрессивных сил тревожит медленное формирование у молодежи зрелого классового сознания, так как это снижает ее интерес к политическим партиям, представляющим трудовой народ страны, а также к профсоюзам. С иных позиций оценивают создавшуюся ситуацию в правящих кругах Японии. Здесь беспокойство в первую очередь связано с явным ослаблением так называемых гражданских позиций у молодых японцев, иными словами — ослабление приверженности буржуазному обществу, капиталистической системе в целом.

Эти тенденции получили отражение в документе под названием «Формирование человека в новом индустриальном обществе». Документ был подготовлен Советом по исследованию японской экономики, который занимается разработкой политики финансовых кругов Японии. Ответственность за «неудобную» для бизнеса молодежь возлагается в документе на семью, «не прививающую детям дисциплинированность», на начальные и средние школы, «не прививающие подросткам правил гражданского поведения», на полные средние школы, «не обеспечивающие молодежи тех основ знаний, которые необходимы для включения ее в производственную деятельность», и, наконец, на университеты, обучение в

которых не гарантирует прочного усвоения специальных и профессиональных навыков.

Однако в действительности виновником возникновения в стране тревожного явления «отсутствующего поколения» является деловой мир и защищающая его интересы правящая либерально-демократическая партия.

Сосредоточенность на своих интересах, к которым часто сводятся умонастроения молодежи, является результатом того, что сознание прав личности, формирующее активную жизненную позицию, под влиянием буржуазной пропаганды индивидуализма и либерализма находит свое проявление только в узком мирке личной жизни. Но если молодые люди не борются за решение своих проблем в составе массовых организаций и замыкаются в узких рамках индивидуальных проблем жизни, это неизбежно порождает в их среде негативизм и пассивное отношение к политике. Зафиксированный многочисленными обследованиями повышенный интерес молодежи к личным вопросам — проявление кризисных процессов в японском буржуазном обществе. Иллюзорное желание замкнуться в частной жизни, оторванной от коллективного труда и борьбы, — трагический итог неосуществимости жизненных планов молодых японцев в условиях капитализма.

«ЧЕЛОВЕК ПРЕДПРИЯТИЯ»

Представим себе просторный зал компании, банка, крупной конторы, предприятия. В зале собрались только что принятые на работу молодые специалисты и стажеры вместе со своими родителями. На трибуне восседают члены правления. Первое приветственное слово держит президент компании, который, обращаясь к родителям, благодарит их за хорошее воспитание и подготовку молодежи к самостоятельному труду и, в свою очередь, заверяет в готовности отныне взять на себя «опеку» юности — как в работе, так и в устройстве личной жизни. Затем президент обращается с напутствиями к молодежи. По ритуалу следующее проявление благодарственных чувств — за представителями собравшихся родителей, и, наконец, в завершение

выступает выбранный -из рядов самих юных «счастливицев»...

Подобные церемонии патерналистского характера восходят к далеким временам становления общественно-производственных отношений в Японии. Такая же форма найма активно использовалась и в период становления японского капитализма: предприниматели, набирая рабочих из крестьянской среды (это не исключало самой беззастенчивой покупки работниц-девочек) с оптимальной выгодой для себя, следовали древним церемониям патернализма, долгие годы способствовавшим воспитанию лояльности наемных работников по отношению к своим «приемным родителям» — работодателям. И до сего времени живучие традиции патернализма в сочетании с корпоративизмом и особенностями «групповой психологии» вредят делу рабочей солидарности в Японии, препятствуют единству профсоюзного движения в стране, замыкая его в тесные рамки профессиональных союзов па отдельных предприятиях. Вот почему японские коммунисты призывают всех сознательных тружеников взорвать изнутри систему, превращающую рабочего японца в «человека предприятия» — феномен, который представляет собой самый благодатный материал для эксплуатации и манипулирования сознанием в интересах монополистического капитала. Однако решить эту задачу отнюдь не легко, поскольку механизм превращения японского труженика в придаток капиталистического производства во многих своих звеньях доведен до совершенства.

Основным звеном этого механизма является уже вся система школьной и профессиональной подготовки молодежи, которая, как мы видим, с первых шагов недвусмысленно предупреждает: детство кончилось, отныне начинается бесконечная череда «экзаменов».

Последняя порция экзаменов сдается уже при приеме на работу, и поэтому характер проверки определяется профилем предприятия. При этом, несмотря на всю строгость прощупывания нового контингента работников, предприятию, по существу, приходится в значительной степени мириться с серьезными недостатками профессиональной подготовки кадров в японских вузах. Причина невысокой квалификации молодых специалистов — в системе двух четко разграниченных периодов обучения в высших учебных заведениях.

Дело в том, что в японских университетах занятия

на первом и втором курсах ведутся по общей программе для всех студентов, но при этом каждый может выбрать один из трех потоков: с большим количеством часов по истории и литературе; с большим количеством часов по математике и физике и с расширенным циклом занятий по математике и физике. После второго курса студенты сдают экзамены, после которых их распределяют в соответствии с будущими профессиями. В оставшиеся два года учебы они уже непосредственно изучают свою специальность. При такой системе обучения в течение первых двух лет обеспечивается неплохая общая подготовка, однако оставшихся двух лет явно недостаточно для хорошего овладения непосредственно специальностью. В результате принятая на работу молодежь в течение первых лет фактически продолжает свое образование, на этот раз поступая в ученики к старшим коллегам, и это в числе других факторов также способствует пониманию молодыми работниками «своего места». Хорошо известно, что ни один японец никогда не рассматривает другого полностью равным себе. Унаследованная еще с феодальных времен традиционная психология заставляет японца, работающего, например, на каком-либо предприятии, относиться к тем, кто поступил туда до него, как к «старшим» — «сэмпай», а к тем, кто после него, — как к «младшим» — «кохай». Это также способствует тому, что вновь поступившие на предприятие молодые специалисты, недавние выпускники вузов, рассматривают свое положение «младших» как вполне естественное в условиях вечной структуры «сэмпай» — «кохай».

Во многих случаях такое положение содействует снятию ставших характерными для японских предприятий последних лет конфликтов, связанных с недовольством молодых и способных работников невозможностью продвигаться, минуя ступени традиционной системы выслуги лет и повышения заработной платы со стажем. Все вместе это направлено на обеспечение так называемой «гармонии» в рамках предприятия, внутри которого отношения строятся на традиционных принципах того же «иэ» — феодального клана — семьи.

Западные специалисты нередко говорят о «феодалном» характере японского капитализма, включая современную, государственно-монополистическую стадию. После незавершенной буржуазной революции 1868 года японские капиталисты успешно использовали в своих

целях специфику отношений, традиционно сложившихся в обществе на затянувшейся феодальной стадии развития. Чтобы успешно конкурировать на международных рынках, японскому монополистическому капиталу требовалось объединять рабочих и служащих вокруг своих предприятий, а все население — вокруг идеи «национального интереса».

Пропаганда духа преданности предприятию имела далеко идущие последствия. Вначале в японцах вырабатывали чувство преданности и принадлежности к иммитирующей «из» небольшой производственной группе — «единый трудовой коллектив», затем, концентрически расширяясь, такое чувство лояльности распространялось уже на все предприятие в целом — «союз малых трудовых коллективов». Наконец, оно охватывало уже все государство, представляемое как «союз множества трудовых коллективов».

На этой, «высшей», стадии от «лояльных» граждан можно было потребовать уже не только преданности, но и «самопожертвования», а от всего народа — многотысячных жертв, о чем свидетельствует опыт войны на Тихом океане.

Поражение во второй мировой войне в значительной степени притушило националистические амбиции господствующих классов Японии, но, по замечанию известного политического обозревателя А. Соно, японцы никогда полностью не освобождались от чувства национализма. Однако в послевоенный период, и особенно в последние несколько лет, оно все больше направлялось в русло экономического противостояния партнерам-соперникам на мировых рынках. Об этом говорит «торговая война» с США и странами «Общего рынка».

В рамках мирового сообщества Япония предстает как «Джэпэн инкорпорэйтэд» — «Корпорация Япония», по меткому выражению западной прессы.

Речь идет о корпоративистском характере отношений между правительством, деловыми кругами и верхушечной прослойкой профсоюзного руководства, стоящего на позициях «сотрудничества» труда и капитала. Однако основы такого выгодного господствующим классам «единодушия», согласованности действий закладываются в рамках малых производственных групп. В интересах капитала и превращение каждого труженика в послушного воле предпринимателя — хозяина «человека предприятия».

Принцип безраздельного включения человека в строго определенную группу — прежде всего в рамках предприятия и вообще любого места, с которым его связывает заработок, является следующим по значению основополагающим принципом, характеризующим отношения в японском обществе (первым, как уже говорилось, является патернализм).

В отличие от западного общества, где психологическая напряженность личности, сдавливаемой рамками капиталистического производства, снимается в результате перехода в иную атмосферу, другой коллектив (из стен предприятия — в существующее вне его стен спортивное общество, клуб и т. д.), японская организация человеческих отношений это полностью исключает.

Предприятие, фирма, компания в Японии — строго авторитарная организация. Служащие, за редким исключением, не рискуют выражать свое несогласие с вышестоящими, проявлять недовольство: люди, которым всю жизнь предстоит работать вместе в условиях все еще сохраняющегося пожизненного найма, не могут позволить себе конфликтовать.

Однако постоянно сдерживаемое, подавляемое раздражение таит в себе опасность разрушительного взрыва. Это прекрасно понимают предприниматели, которые стараются обеспечить разрядку, но не во вред себе.

Традиционной формой такой разрядки в Японии стала игра в символическую «смену ролей». Нередко в газетах можно встретить сообщение о том, что коллектив такой-то фирмы или компании, собравшись всем составом, с удовольствием и пользой провел время на лоне природы или на гольфовом поле, что для японца еще более «престижно».

Обычно два раза в год компании устраивают специальные дни соревнований в гольф, в которых на «равных правах» участвуют служащие и руководство. Обстановка соревнований, проходящих либо за городом, либо на вкрапленном в серый городской пейзаж, визуальном отделенном от него высоченной зеленой сеткой травяной ковры гольфового поля, дает возможность расслабиться. «Программа» допускает и некоторыевольности — в одежде, поведении, даже в речи. Нередко служащие, подыгрывая «правилам игры», рискуют высказать начальству накопившиеся претензии, позволяют себе мнение, недопустимое в повседневной обстановке на производстве. Все это отнюдь не означает, что к подоб-

ным голосам действительно готовы прислушаться. Речь идет всего лишь о ритуальной «смене ролей», что прекрасно сознают обе стороны: начальство готово временно на многое закрыть глаза, подчиненные готовы завтра же, охотно забыв о своих воскресных выступлениях, вновь войти в обычную, куда более присущую им роль, которая предназначена для будней...

Какова же эта роль? И почему демократические силы страны бьют тревогу, предупреждая: не дадим завершить превращение японца-труженика в «человека предприятия»?

Представим на минуту, что мы в Японии, в Токио, и попытаемся прожить всего лишь один день бок о бок с самым обыкновенным, так называемым «средним японцем», которых в этой стране абсолютное большинство.

Прежде всего: что означает — мы в Токио? Как воспринимается этот крупнейший в мире гигант изнутри, теми, кого называют все еще по-старинному «эдокко» — «дети Эдо», по-древнему названию Токио.

...С чем сравнить звуки самого большого города мира — Токио? Может быть, с настройкой фантастического оркестра, где вместо струнных — ползгивание пришедших в движение электричек, трамваев и поездов метро, где духовые играют подъем рабочему люду, где глухие раскаты ударных оповещают о начале нового дня японской столицы.

Первые признаки пробуждения появляются еще задолго до рассвета. Из-за легких раздвижных дверей деревянных домов, которых и сегодня большинство в огромном городе, доносится покашливание. Раньше всех просыпаются пожилые люди и торговцы-оптовики: зеленщики, продавцы рыбы и прочие перекупщики. Недолгие сборы. Тара приготовлена уже с вечера, вымыта, просушена и уложена на крошечных трехколесных грузовичках. Остается одеться, пройти через двордовый садик, по небольшой лесенке спуститься к гаражной двери. Звуки поднимаемого металлического жалюзи извещают о начале трудового дня.

В направлении рынков оптовой торговли устремляются автомашины всевозможных размеров, марок и возрастов. Самым главным является центральный рынок — рыбное чрево японской столицы.

Поток машин, загруженных рыбой, всевозможной морской живностью, овощами и фруктами, направляется

из рыночных ворот в различные районы города, чтобы доставить скоропортящийся груз потребителям.

В семь-восемь утра в Токио начинают оживать узкие переулочки. Владельцы небольших лавок и лавчонок стряхивают щетками пыль с товаров, вдоль тротуаров догорают костры: сжигается бумага и мелкий мусор. Участки тротуаров напротив каждой лавки подметаются и поливаются водой из шлангов.

Вот на улицах показался спешащий к остановкам автобусов, к станциям метро и электричек рабочий люд. В Токио более 90 тысяч различных промышленных предприятий. Есть крупные предприятия с большим числом рабочих и служащих. Имеются и совсем крошечные. Все это лишний раз служит закреплению традиционного понятия японца о «престижности»: работать в крупном городе «престижнее», чем в небольшом, но работать даже в самом маленьком поселке городского типа — «престижнее», чем в деревне. Соответственно «престижно» быть служащим крупного предприятия, это даже «престижнее», чем иметь собственное, но небольшое дело.

Как только схлынул первый поток пассажиров, в восемь-девять утра все виды городского транспорта начинают заполняться токийскими служащими. Ежедневно в деловые районы Токио на работу прибывает от полутора до двух миллионов человек. Один Токийский центральный вокзал каждый день пропускает свыше 800 тысяч человек, за ним следуют вокзалы Синдзюку и Икэбукуро. Многим приходится ездить издалека, тратя на дорогу около трех часов.

К десяти часам утра улицы Токио заметно пустеют и поступают в распоряжение домохозяек. Трудовой день японской столицы начался.

Токио называют городом нелепых крайностей. Пятидесятиэтажные небоскребы в Синдзюку стоят в один ряд с деревянными домишками. Город имеет самый большой бюджет и самый высокий дефицит в Японии. В результате отсутствия единого общегосударственного плана использования территории страны в наши дни одиннадцать миллионов жителей японской столицы проживают на той же территории, на которой в послевоенные годы размещалось три миллиона человек.

Еще несколько лет назад жители японской столицы больше всего страдали от загрязнения воздуха и воды. Развернувшееся по всей стране широкое гражданское

движение помогло в значительной степени решить эти проблемы. Сейчас главная болезнь Токио — шум.

Как писала недавно одна французская газета, «в стране, где традиционное искусство всегда было пронизано ощущением покоя и уравновешенности, где поэты воспевали шепот ветра, бесшумное падение снежинок и созерцательную благодать тишины, где люди, как принято считать, наделены от рождения тонким слухом, чувствительным к малейшим трепетным звукам матери-природы, в этой стране царствует сейчас просто адский шум. Империя восходящего солнца и экономических достижений все больше превращается в империю децибелов».

В докладе, опубликованном недавно одной представительной научной комиссией, говорится, что если в Токио не будут приняты радикальные меры по снижению уровня городских шумов, то к концу 90-х годов жителям японской столицы перед выходом на улицу потребуются надевать специальные устройства, чтобы оградить себя от проникающего во все человеческие поры и уничтожающего человеческие нервы шума. Авторы доклада подсчитали, что если бы технически можно было преобразовать количество шумов, затопляющих Японские острова, в полезную для людей энергию, то она бы равнялась от 20 до 30 тысяч киловатт часов в сутки. Чтобы нагляднее представить, что это такое, достаточно вообразить, что шум в жилой зоне Токио соответствует шуму, который производят 800 тысяч громко говорящих человек, расположившихся на площади в один квадратный километр. Авторы доклада приходят к выводу, что в Токио существует серьезная угроза для слухового аппарата жителей.

В гигантском городе со всеми его пригородами насчитывается около 30 миллионов человек, которые проживают в домах, построенных в основном из легких материалов и расположенных близко друг от друга. В среднем в каждой квартире имеются различные электроприборы и другая техника, включая неумолкающий телевизор, громкость которого приходится все увеличивать, поскольку шум из-за стены порою не позволяет его слышать. Жизнь в этих шумах в последние годы стала крайне невыносимой. Домашние электроприборы, однако, не самое страшное. Наибольший шум исходит от поездов и электричек, линии которых бесконечными нитями опоясали Токио. Особенно шумной

является линия «Синкансэн» — сверхскоростных поездов. Дело дошло до того, что японская корпорация государственных железных дорог из-за многочисленных жалоб жителей планирует израсходовать до 1985 года 60 миллиардов иен, чтобы возместить ущерб нескольким тысячам людей, которые живут в домах вдоль железнодорожных путей и вынуждены терпеть шум, превышающий все допустимые нормы. Но деньги деньгами, на них не купить спокойствия, не восстановить пошатнувшуюся нервную систему.

Лишь к вечеру замедляется биение пульса кипучей и столь непростой жизни японской столицы. Токио позволяет себе забыть все тревожения дня и на несколько часов окунуться в отдых. Рано надвигающаяся темнота как бы обволакивает город волшебным покрывалом, скрывающим от глаз грязновато-серые тона дневного Токио. Опускаются жалюзи. Задвигаются двери. Огромная бетонно-стальная махина города погружается в свой короткий сон.

Что принесет с собой очередное утро?

...И без того тусклый луч солнца, наполовину поглощенный бумажной створкой окна, осветил небольшую, в четыре-пять квадратных метров, комнатку недорогой квартиры. Безукоризненно чистые, с матовым блеском циновки выглядывают лишь по краям комнаты, всю середину которой занял спальный матрац-фуuton. Неслышный шорох раздвижной стенки, тихий голос на мгновение опустившейся на колени жены: «Пора вставать».

Расставшись с теплом постели, стойко выдержав холодное прикосновение пластиковых шлепанцев, с удовольствием пофыркивая, хозяин дома моется, затем завертывается в уютное домашнее кимоно, уже приготовленное за спиной заботливыми руками «канаи» (буквально: та, что всегда в доме). Так сам японец называет свою жену. Из комнаты кухни аппетитно пахнет рассыпчатым рисом и зеленым чаем. Прихлебывая обжигающую жидкость, с удовольствием похрустывая солеными печеньками с водорослевой начинкой, глава семьи пробегает глазами свежпахнувшие печатной краской страницы газет. Мысли его уже далеко от дома, в конторе или на производстве. Дела, дела.

И вот уже щелкает за ним замок на металлической двери, и через несколько минут он — лишь частица бесконечного потока, вливающегося в здание вокзала, что-

бы затем растечься по нескольким перронам и постепенно исчезнуть в спешащей чередой электричек. Пройдет восемь-десять часов, и тот же нескончаемый поток ринется в обратный путь. Наш знакомый все так же подтянут; только немного медленнее, невольно выдавая усталость, пересечет он Кэйхин и пойдет вверх по бульвару переулку. Нужно поравняться вон с теми тонко-зелеными, почти прозрачными ветвями ивы недалеко от его дома, чтобы из головы, из нервов ушло все, что связано с огромным серо-металлическим помещением конторы. Вот и его ива. Замедлив шаг, приподняв голову, он привычно любуется причудливыми просветами в плавно свисающей молодой зелени. Еще несколько шагов, лестничных ступеней, и вот уже металлическая дверь его маленького «дома», где можно вновь стать самим собой. Там, в квартире-ракушке, его личный мир, заботливо укрываемый от глаз постороннего.

Придя с работы, он прежде всего облачается в домашнее кимоно, без которого нет для него ощущения дома. В своей национальной одежде японец уже никак не походит на узкоплечего, втиснутого в стандартный европейский костюм современного «сараримана» (от английского «сэлэримэн» — преуспевающий деловой человек). Кимоно делает его как бы выше ростом, превращает в мужественного, полного достоинства данна-сама.

Усевшись за низенький столик и опустив ноги в специально устроенное под ним углубление, где в зимнее время установлена печка-хибати с раскаленными углями, он час-другой по крупицам будет впитывать благодатное тепло через ступни уставших и озябших за долгую дорогу домой ног.

Иметь хорошо обеспеченный тыл—дом и семью, в которой денно и ночью хлопотала бы заботливая, снисходительная жена,— это мечта, которую вынашивает каждый японец. Но далеко не каждому удается к ней приблизиться. На пути к мечте долгие нелегкие годы борьбы за существование, бесконечная череда дней без домашнего очага, в тоске по тому, что японцы называют «офукуро адзи» — вкус пищи родного материнского дома.

Кризис 1974—1975 годов сделал этот путь к «своему дому» еще более долгим и трудным. В обстановке, позволившей предпринимателям выдвинуть жесткую альтернативу—либо рост заработной платы, либо работа;

либо соглашайтесь на «самоарест» заработка (фактически это означает отставание роста заработной платы от роста цен), либо вы окажетесь на улице,—рабочими служащим не оставалось иного выхода, как пойти на уступки. И это понятно: неуклонный рост безработицы служил для занятых достаточно убедительным предостережением. В результате японским монополиям удалось пережить кризис, не только не утратив достигнутого в докризисный период уровня прибылей, но в некоторых сферах производства даже его повысить.

«Японский опыт», естественно, не мог не привлечь внимания западных конкурентов. Во-первых, подобное «единодушие нации» перед лицом экономических трудностей оборачивается для соперников Японии поражением на мировых рынках вследствие усиления конкурентоспособности более дешевых японских товаров. Во-вторых, возник вопрос: нельзя ли использовать опыт соперника в борьбе против собственных трудящихся? Началось пристальное изучение методов управления в Японии: крупные компании Западной Европы, и прежде всего США, одна за другой направляли туда свои группы экспертов. В результате ознакомления с положением на японских предприятиях было сделано немало противоречивых выводов, а в печати появилось немало интересных работ. В целом же можно отметить: американский бизнес смог позаимствовать у своего «младшего партнера» значительно больше «эффективных методов», чем, например, западногерманский. И прежде всего потому, что западногерманские трудящиеся более сплоченные, чем американские. Это подтвердили и специалисты из ФРГ: «японский опыт хорош для японцев», для западногерманских трудящихся он означал бы серьезный шаг назад в сфере социально-экономических завоеваний. В этом и заключается, по существу, ответ на вопрос: что означает превращение японского труженика в «человека предприятия».

Один американский журналист, посетивший недавно предприятия японского автомобилестроения «Тоёта», пришел к следующему умозаключению: крупные японские компании обволакивают занятых на их заводах рабочих коконом гарантированного найма и социального обеспечения. Ассоциация не случайна: «Город Тоёта» с населением 290 тысяч человек находится в центре Японии, на месте, где в прошлом были поселения занимавшихся выращиванием шелковичного червя.

Больше всего к сотрудничеству с компанией «Тоёта» привлекает японских рабочих и служащих возможность получения недорогого и достаточно удобного жилья, одной из несбыточных надежд среднего японца. Вновь поступившие на работу, а также неженатые рабочие и служащие получают обычно комнату в общежитии на 19 тысяч мест, которая обходится им в полторы тысячи иен в месяц. Молодожены, как правило, снимают одну из 4500 принадлежащих компании квартир. Кроме того, компания субсидирует 50 процентов стоимости питания рабочих и служащих. Семейным рабочим, проработавшим на заводе «Тоёта» несколько лет (не менее десяти), разрешается взять ссуду, чтобы купить небольшой дом — сборный дом той же компании «Тоёта».

На предприятиях компании «Тоёта» введена 40-часовая рабочая неделя. Сотрудники имеют довольно высокую плату по японским стандартам заработной платы. В жилом поселке компании по сниженным ценам можно приобрести продукты питания, одежду и другие товары первой необходимости. При компании есть больница на 403 койки, где работают 23 врача. Подобного рода больницы в Японии — редкость, ими гордятся не более десяти самых крупных японских предприятий. Выйдя, к примеру, из больницы с новорожденным — еще одним потенциальным работником компании «Тоёта», молодая мать может нанять, но всего лишь на неделю, домработницу. Компания «Тоёта» поможет ей в этом за счет средств из специального семейного фонда, который был создан в 1981 году и составил 4,5 миллиарда иен. Лично компания внесла 3,5 миллиарда иен, один миллиард — вклады рабочих и профсоюза компании.

«Тоёта» создает возможности для отдыха своим рабочим и служащим: построено несколько горных и морских домов отдыха. Существует большое число различного рода спортивных комплексов. Иными словами, делается все, чтобы работники могли «расслабиться». А необходимость в таком «расслаблении», как мы увидим, действительно существует.

В интервью, данном американскому журналисту, представлявший руководство компании «Тоёта» заведующий отделом по связи с общественностью Я. Сасаки с гордостью заметил: текучесть кадров на нашем конвейере составляет всего лишь 3—4 процента в год, почти

все инженеры и служащие старших звеньев работают в компании до выхода на пенсию.

Таким образом, все расходы предпринимателей по обеспечению интересов «единой семьи» полностью окупаются. Ведь фактически каждый работник, став новым членом одного из десятка наиболее благосостоятельных «семейств» японского производства, продает не только тело, но и душу. Недаром тот же Сасаки упорно подчеркивал «добровольную» готовность большинства занятых на предприятии рабочих и служащих приспособляться к некоторым «неприятным факторам». Речь идет ни больше ни меньше, как о праве руководства, во-первых, по своему усмотрению переставлять работников предприятия на любую производственную операцию (каждым рабочим обычно осваиваются все операции, что позволяет администрации гибко маневрировать, обеспечивая интересы предпринимателей в сложных экономических ситуациях); во-вторых, требовать от каждого активного участия в решении самого широкого круга производственных вопросов (принудительное участие в работе «групп повышенного качества», «групп недопущения брака», в движении «за двенадцать рационализаторских предложений в год» и т. п.); в-третьих, право, формально придерживаясь принятого в стране 8-часового рабочего дня, фактически продлевать его по своему усмотрению (помимо сверхурочных, работники обязаны являться на работу, по крайней мере, за полчаса до начала рабочего дня, с тем чтобы, выстроившись в холле предприятия в стройную шеренгу, участвовать в ежедневном «рапорте», в ходе которого каждого из них могут заставить выступить перед всеми, отвечая на вопросы по любой проблеме производства и жизни предприятия); в-четвертых, самым пристальным образом неусыпно контролировать жизнь каждого работника предприятия, что оказывается совсем нетрудным, когда, по словам того же Сасаки, рабочие и служащие, круглосуточно имея дело с компанией, постоянно находятся на глазах начальства.

Однако перечисленные права начальства и соответственно обязанности работников японского предприятия этим отнюдь не ограничиваются. Существует еще одно, негласное, право: лишать рабочих и служащих возможности бороться за свои собственные интересы и права. Этому и служит японский «профсоюз предприя-

тия», недаром получивший среди своих рядовых членов название «профсоюз администрации».

Столкнувшись со все более жесткой позицией предпринимателей, японские трудящиеся в последние годы испытывают глубокое разочарование — утратив веру в реальность роста благосостояния в условиях «сотрудничества» с капиталом и одновременно — в способность «профсоюза предприятия», призванного как будто отстаивать интересы трудящихся, не только добиваться хотя бы некоторого улучшения жизненных условий рабочих и служащих, но даже просто отстаивать уже завоеванные позиции. Не случайно в Японии много пишут об отсутствии у молодых рабочих какого-либо желания вступать в профсоюзные объединения. В 1973 году во время опроса общественного мнения, проведенного ведущей телекомпанией «Эн-Эйч-Кэй», на вопрос: «Предположим, что вы работник вновь созданной компании и не удовлетворены условиями работы. Что вы предпримете?» — молодые люди двадцати — двадцати четырех лет отвечали: «Мы создадим профсоюз и будем активно бороться за улучшение условий труда». Сейчас же абсолютное большинство демонстрирует полное недоверие к профсоюзам, поскольку они не в состоянии решать какие-либо вопросы в противовес курсу капитала.

Безусловно, в первую очередь речь идет о профсоюзах частных предприятий, руководство которых, выбранное самими предпринимателями и нередко спустя несколько лет «активной деятельности» включаемое ими в административный аппарат, прежде всего заинтересовано в укреплении репутации верных интересам «дела» — то есть интересам капитала. Профсоюзные организации государственных и муниципальных предприятий отличаются большей боевитостью. Недаром многие годы правящие силы пытаются всеми средствами ограничивать их деятельность. На это, по существу, направлен и широко обсуждаемый в стране проект так называемой «административной реформы»: в соответствии с проектом принято, в частности, решение о передаче частному капиталу государственных железных дорог и средств сообщения. Это означает попытку подорвать позиции крупнейшего профцентра страны Сохио, который многие годы стоял во главе ожесточенных классовых битв японских трудящихся: ведь большинство профсоюзов, входящих в Сохио, — это профсоюзы государственных и муниципальных предприятий.

Все это лишь часть широкого наступления правящих сил Японии на жизненные интересы трудового народа. В своем стремлении расколоть массовое движение трудящихся и ослабить прогрессивный лагерь страны они неуклонно сжимают тиски вокруг каждого рабочего человека, взваливают на его плечи все большее бремя в виде растущих цен, налогов и коммунальных обложений, в виде все большей интенсификации труда, в форме дальнейшего сокращения государственных ассигнований на социальное обеспечение и, наконец, в виде угрозы безработицы. Всем этим правящие силы как бы заявляют: у тебя нет иного выхода, как только, подчинившись нашим правилам игры, стать «человеком предприятия».

Однако, как подчеркивают представители демократических сил, далеко зашедший процесс превращения японского труженика в «человека предприятия» еще не завершен. Последнее слово — за ним, и пусть поддержкой ему в борьбе за свои человеческие права будут славные традиции недавних битв, которые уже не раз приносили победу.

РОБОТ, МОНОПОЛИИ И ЭКСПАНСИЯ

В литературе и прессе уже не один десяток лет обсуждается ставшая сейчас злободневной проблема «робота». На первых порах поражавшие читателя удивительными возможностями искусственных созданий писатели-фантасты постепенно уводили его в иное направление: робот представлял уже не столь увлекательным и безобидным. Его стали бояться — и не как непослушного, нередко выходящего из повиновения слугу, а как грозного (в силу прочности материала) и жестокого (в силу бездушности) «хозяина».

Несмотря на всю убедительность жуткой картины «роботизированного века», которую рисуют многие «свидетели будущего», эта проблема пока еще не выглядит столь актуальной: вряд ли че-

ловек подчинится воле машин. Но одна сторона робота тревожит уже сейчас: ведь роботизация, по существу, означает вытеснение автоматами человека-труженика, а в странах капитала ему и без того постоянно грозит безработица. В первую очередь это касается Японии, где прогресс роботизации производства принял, как нигде более, широкие масштабы и где последствия роботизации со всею очевидностью сказываются на положении трудящихся.

На февраль 1982 года в Японии было 54,5 миллиона работающих, из которых 33,7 миллиона — мужчины, 20,8 миллиона — женщины. Если учитывать, что в Японии существует практика обязательного увольнения работника по достижении им 55-летнего возраста и что средний возраст работников ведущих компаний составляет 35—37 лет, можно сказать, что в трудовом процессе страны в целом участвуют представители сравнительно молодого поколения.

У нас публикуется много материалов, в которых сообщается о проблемах капиталистической рационализации, об интенсификации конвейерного производства. При этом известно, что наибольшего совершенства в этом направлении добились японские монополии. Именно в Японии капиталистическая рационализация достигает такой степени, что человек не в состоянии выдерживать бешеный ритм производственного процесса. В таком случае работника довольно успешно заменяют роботами. Причем масштабы внедрения роботов на производстве все возрастают. Если ранее профсоюзные объединения не противились этому новшеству, то сейчас они встревожены не на шутку: «Не выпущено ли на свет чудовище, которое в конечном итоге проглотит все рабочие места». Такая озабоченность начинает возникать неспроста.

Первые роботы на японских предприятиях стали появляться около 10 лет назад и были довольно несложны (один робот заменял одного, двух человек) и дорогостоящи. По мере их внедрения, особенно в автомобилестроении, в строительном деле, горнодобывающей и судостроительной промышленности роботизация стала совершенствоваться (в некоторых случаях один робот заменяет уже до 5—6 человек), а производство автоматов становится дешевле.

По статистике, на конец 1981 года в Японии уже использовалось около 100 тысяч роботов, хотя некото-

рые специалисты утверждают, что отдельные виды роботов настолько примитивны, что их пока нельзя причислять к разряду «умных машин».

Основная компания по производству роботов «Кавасаки дзюкогё» полагает, что выпуск роботов — перспективный вид производства и их изготовление ежегодно будет возрастать примерно на 30—40 процентов.

За вычетом экспортной продукции к 1990 году в самой Японии предполагается использовать около трех миллионов роботов. Учитывая, что, по прогнозам специалистов, усовершенствованные к тому времени роботы смогут выполнять работу в среднем четырех человек, нетрудно подсчитать: уже через несколько лет роботы отнимут рабочие места у 10—12 миллионов японцев. Что же станет с этими людьми, которых в перспективе могут заменить «умные», но бездушные машины?

Министерство труда Японии в этой связи рисует следующую картину. По нынешним подсчетам, например, в 1990 году в обрабатывающей промышленности численность рабочей силы увеличится всего на 5—7 процентов по сравнению с 1980 годом. Однако число занятых в сфере услуг за этот период возрастет на 24 процента. По данным того же министерства, в 1990 году в сфере услуг Японии будет занято около 17,5 миллиона человек, а в обрабатывающей промышленности — 14,5 миллиона. Причем этот разрыв будет постоянно расти. Таким образом, очевидно, что в Японии машины будут планомерно вытеснять человека-труженика из производственной сферы в сферу обслуживания.

Роботизация — это новая отрасль, ее последствия в полной мере еще не осмыслены. Однако уже сегодня в стремлении на всякий случай успокоить общественность японская буржуазная пропаганда начинает предлагать свою трактовку «новой эры». Якобы робот — это палочка-выручалочка. Японской молодежи, дескать, свойственно стремление избегать неприятных видов работы. «Избалованная», предрасположенная к «легкой жизни» молодежь предпочитает якобы трудиться в сфере обслуживания, нежели в условиях шумного, грязного и опасного производства.

Скажем прямо, в этой «концепции» многое удивляет. В последние годы во многих странах мира сложилось иное представление о крупном производстве — немало писалось о светлых, чистых промышленных предприятиях, даже уютных благодаря расставленным прямо в

цехах знаменитым японским букетам «икэбана». Так что, видимо, речь идет о другом.

Как-то в одном японском журнале приводились примеры решения вопросов повышения производительности труда на производстве и результаты опросов среди рабочих, как они относятся к условиям капиталистической рационализации. Говоря о конвейерной системе в электротехнической промышленности, один рабочий нарисовал следующую картину:

На одной поточной линии производится 500 цветных телевизоров в день. Если раньше для выпуска этой продукции требовалось работать с 8 утра до 16.40, то сейчас необходимое время сократилось на 25 минут. За счет чего?

В течение всего рабочего дня за спинами рабочих находится наблюдатель, который с секундомером в руках фиксирует время, предупреждая рабочих в случае малейшего отставания от конвейера, — своего рода «погоняла». Между самими рабочими вдоль всего конвейера рассаживают верных предпринимателям людей, которые периодически по цепочке передают призывы: «увеличим производительность», «не будем отставать», скорее, скорее и т. д. ...Оставшееся в результате такой гонки «избыточное» время также даром не пропадает: рабочие заставляют убирать помещения, мыть окна в цехах, поливать цветы, вытряхивать пельницы и так далее. Все до мельчайших деталей предусмотрено, тщательно продумано, так чтобы буквально из каждого движения рабочего извлечь максимальную прибыль. Об «успехах» японской потогонной системы, достигнутых подобными методами, убедительно говорят цифры: количество занятых на автомобильном гиганте «Ниссан», выпускающем более двух миллионов автомобилей в год, постоянно сокращается и сейчас составляет чуть более сорока тысяч человек. На конвейерных линиях по производству цветных телевизоров в целом по Японии занято в десять раз меньше рабочих, чем в США.

На одном из таких заводов компании Мацусита под Киото мне довелось побывать четыре года назад. В цехе по производству цветных телевизоров было несколько поточных линий. На мой взгляд, каждую из них можно было бы назвать безостановочным, неутомимым роботом.

Вначале на движущуюся ленту ставится картонка — шасси будущего телевизора, затем по мере движения

картонки по конвейеру тянущиеся к ней с разных сторон механические руки добавляли одну за другой многочисленные «пуговики» — детали, постепенно превращая все это в «начинку» телевизора. Лишь в конце поточной линии я увидел рабочего: он сидел с деревянным молотком в руках и впихивал разбухшую от «пуговики» и «стекляшек» картонку в деревянный ящик и обстукивал его со всех сторон, чтобы убедиться, достаточно ли надежно скрепили автоматы интегральную схему из полупроводников. Постучав молотком по корпусу телевизора, контролер втыкал шнур в сеть и, убедившись в четкости изображения, ставил в сопровождающие изделие бумаги пометку ОК.

В пустом, как бы полностью предоставленном конвейеру-роботу цехе лишь изредка появлялись специалисты-наладчики с контрольными приборами и подсобные рабочие с новыми партиями «питания» для роботов. Уже тогда я подумал, что при таких масштабах и стремлении любыми средствами добиваться сверхприбылей проблема вытеснения человека с производства роботами-автоматами в самом скором времени даст о себе знать.

Один работник японской автомобильной промышленности, по свидетельству японской прессы, как-то заметил, что в его компании рабочие говорят: «Все 480 минут рабочего времени обе наши руки и ноги вместе с головой принадлежат владельцам компании». И это соответствует действительности. В автомобильной промышленности широко используется так называемый метод «конкорда»: в цех не вносят сразу все детали, необходимые для сборки автомобиля, а доставляют по очереди — после установки одних видов узлов поступают другие. Это якобы заставляет рабочих не отвлекаться и предельно рационально использовать рабочее время. Подобными методами молодым рабочим прививается чувство самоконтроля, а затем и способность к «самоуправлению»: под этим здесь понимают полный рационализм движений, сосредоточенность, собранность — все то, что стало отличительной чертой японского труженика, обеспечив монополистическому капиталу баснословные прибыли и высокую конкурентоспособность на мировых рынках.

Прогрессивные профсоюзные объединения, все демократические силы страны рассматривают проблемы роботизации в комплексе с более широким кругом вопро-

сов, связанных с политикой так называемой структурной перестройки экономики, проводимой в самые последние годы японскими монополиями.

Как заявляют представители правящих сил Японии, необходимость в коренной реорганизации не только отдельных звеньев, но всей хозяйственной структуры диктуется той качественно новой ситуацией, которая возникла в последние годы в системе мировой капиталистической экономики. В первую очередь они связывают создавшееся положение с требованием развивающихся государств пересмотреть несправедливый характер экономических связей, сложившихся в эпоху колониализма. Ощутимым проявлением требования «нового международного экономического порядка» явилось резкое повышение странами, производящими нефть, цен на этот основной для Японии вид топливного сырья.

В начале 80-х годов в Японии появился целый ряд правительственных документов, а также детально разработанных программ основных оппозиционных партий по вопросам социально-экономического развития как на ближайшее десятилетие, так и на долгосрочную перспективу — до XXI века. Вслед за тем на страницах японской печати, а также по радио и телевидению развернулась широкая дискуссия, в ходе которой научными, культурными, общественными кругами страны выдвигались самые различные концепции относительно того, каков должен быть характер внутренней и внешней политики Японии в условиях наступления «новой эры». Столь широкий характер обсуждения, казалось бы, сугубо специальных вопросов Японии никого не удивит. Дело в том, что в силу почти абсолютно полной зависимости от привозного сырья (такой степени зависимости от внешнего рынка не наблюдается больше ни в одной развитой стране) японцы при решении своих проблем во главу угла ставят вопросы обеспечения внешнеэкономических связей. В условиях, когда страной вот уже более четверти века единолично правит консервативная либерально-демократическая партия, это, естественно, дает монополиям возможность оказывать дополнительное давление на трудящихся: дескать, если вы не проникнитесь «общностью» наших интересов и не умерите своих требований, это может обернуться снижением конкурентоспособности японских товаров на мировых рынках, снижением прибылей от экспорта и, следовательно, сокращением объема закупленного в дру-

гих странах сырья. Результатом будет сокращение масштабов производства и неизбежный при этом рост безработицы. Неудивительно, что и на этот раз курс, выдвинутый монополиями и защищающей их интересы правящей партией, был выдержан все в том же духе.

По замыслам правящих кругов, необходимо уже в ближайшие годы произвести такую перестройку экономики, которая позволила бы перейти от развития трудоемких отраслей производства, потребляющих большое количество сырья и энергии, к так называемым наукоемким, которые обеспечивают экономию сырья, энергии и рабочих рук.

Предоставив таким образом территорию Японских островов так называемым «чистым» видам производства, монополии намерены вывезти все необходимые для жизнедеятельности, но «невыгодные» в новых условиях, к тому же загрязняющие окружающую среду и, следовательно, требующие дорогостоящих очистных сооружений предприятия в развивающиеся страны. Это поможет японскому капиталу сразу убить двух зайцев: использовать сырье этих стран прямо на месте, избавив себя от транспортных расходов, и одновременно сократить издержки на оплату рабочей силы, так как труд в этих странах пока еще обходится в два-три, а иногда и в пять раз дешевле, чем в Японии.

О последствиях реализации подобного курса правящих сил страны для японских трудящихся догадаться нетрудно. Уже сейчас в результате активной политики экспорта капитала такие отрасли производства, как текстильная, обувная, другие виды легкой промышленности, а также судостроение и сталелитейное производство, не выдерживают конкуренции со стороны так называемых японских межнациональных корпораций. Речь идет о предприятиях в странах Юго-Восточной Азии и других районах мира с японской администрацией и основной долей японского капитала. Дешевая продукция этих предприятий направляется в развитые капиталистические страны, в том числе и в саму Японию. В результате многие отрасли японского производства терпят убытки, все большее количество предприятий закрывается или оказывается на грани банкротства. Недавно министерство внешней торговли и промышленности Японии, которое является одним из центральных звеньев японского механизма принятия решений общенационального значения, предсказало, что к 1985 году

прямые японские капиталовложения за границей достигнут 85 миллиардов долларов (в настоящее время они составляют около 25 миллиардов долларов) *.

Больше всего от активной внешнеэкономической экспансии японского капитала страдают японские рабочие: в случае банкротства предприятия или сокращения масштабов производства их, как правило, переводят в мелкие дочерние предприятия, либо, «разъяснив сложившуюся ситуацию», вынуждают соглашаться на более низкую оплату труда, переходить фактически в разряд второстепенной рабочей силы — нередко почасовиков, подсобников. Таким образом, японские монополии, следуя основному закону капиталистического производства — во что бы то ни стало обеспечивать прибыль, — лишают трудовой народ страны единственного источника существования — гарантированного заработка. При этом они отнюдь не представляются «благотельями» трудящимся тех стран, куда переносятся наиболее тяжелые и трудоемкие отрасли японского производства.

Планируя реорганизацию экономической системы, крупный капитал Японии связывает основные надежды с проникновением межнациональных корпораций прежде всего в страны Юго-Восточной Азии. Дешевая рабочая сила этих стран дает возможность с минимальными затратами налаживать производство товаров с последующей их реализацией на рынках Западной Европы и США. В Юго-Восточной Азии на межнациональных корпорациях с участием японского капитала уже сейчас занято более 100 тысяч человек. Предполагается, что с реализацией намеченной программы число работающих на подобного рода предприятиях будет все возрастать. Этому в немалой степени способствует специфика трудового законодательства в странах ЮВА: почти повсеместно здесь действует закон, в соответствии с которым требуется разрешение официальных властей на организацию профсоюзов, на проведение забастовок, стачек и т. д. Все это увеличивает возможности предпринимателей и ограничивает права трудящихся.

Примечательно, что в странах ЮВА, помимо межнациональных корпораций на базе японского капитала, действуют корпорации других развитых капиталистиче-

* Данные на май 1983 года.

ских стран. Однако условия труда на предприятиях, где хозяйничают японцы, наименее благоприятные, заработная плата — минимальная. Зарубежная печать широко пишет, что характер отношений между рабочими и предпринимателями на этих заводах не отвечает «духу времени», и это приводит к большому количеству трудовых конфликтов.

Справедливое негодование трудящихся стран Тихоокеанского бассейна, занятых на предприятиях с японской администрацией, накладывается также и на сохранившиеся в этом регионе антияпонские настроения, которые явились результатом оккупационной политики японской военщины в годы войны на Тихом океане.

Правящие круги Японии отдают себе отчет в том, чем может обернуться пока еще сдерживаемый отпор проникновению японского капитала в эти страны. Делается немало попыток к «снятию напряжения». Однако характер экономической политики Японии по отношению к этим странам в последнее время приобретает качественно новый оттенок. Об этом свидетельствуют пока еще «теоретические» концепции и проекты правящих сил — такие, как концепция необходимости иметь собственные вооруженные силы «для защиты торговых путей» или идея «тихоокеанского сообщества» и т. д.

В связи с июньской 1982 года встречей «семерки» (руководителей семи крупнейших капиталистических стран) в Версале бывший премьер-министр Японии Д. Судзуки официально выступил с идеей «солидарности стран Тихоокеанского бассейна», цель которой — «использование экономических возможностей этих стран для активизации мировой экономики». Это рассчитанная на длительные перспективы концепция создания широкой экономической зоны, суть которой сводится к развитию странами побережья Тихого океана, включая Японию, связей в экономической, технической и других сферах и созданию в перспективе на XXI столетие системы взаимного сотрудничества в исследовании и разработке энергетических ресурсов и в других областях.

Концепция «Тихоокеанского сообщества» была выдвинута в качестве одного из основных пунктов внешней политики Японии бывшим премьер-министром М. Охирой. Эта концепция создания зоны экономического сотрудничества, включающей Японию, США, Ка-

наду, Австралию, Новую Зеландию, страны АСЕАН * и Микронезии. Но тогда некоторые страны АСЕАН негативно отнеслись к такой идее, и она не получила дальнейшего развития. На этот раз Япония предлагает осуществлять экономическое и техническое сотрудничество в реализации национальных проектов, а также совместно разрабатывать ресурсы Мирового океана и энергетические ресурсы.

Декларируя «равноправную основу» участия всех стран в «Тихоокеанском сообществе», японский премьер-министр тем не менее подчеркнул, что, поскольку в районе Тихого океана расположены как развитые, так и развивающиеся страны, нецелесообразно создавать организацию, подобную Европейскому экономическому сообществу. Исходя из этого, он призвал к установлению отношений «умеренной солидарности» между странами данного района, учитывая отличительные особенности каждой из них. При этом, памятуя о негативной реакции на выступление М. Охира, впервые выдвинувшего идею «Тихоокеанского сообщества», его преемник Д. Судзуки отметил изменения, обозначившиеся в позиции руководства некоторых государств — предполагаемых участников.

Возможно, что правящие силы стран ЮВА и некоторых других стран региона действительно склонны считать Японию «локомотивом», который прокладывает путь к ускоренному развитию экономики в выгодном для монополий направлении. Однако народы этих стран скорее испытывают беспокойство, как бы не оказаться под колесами мощного и неуклонно сметающего все препятствия на своем пути «локомотива» японского империализма. Тем более что он уже не впервые избирает для себя это направление.

В целом развивающиеся страны не заблуждаются в отношении истинных целей японской «экономической политики». Недавно индийская газета «Нэшнл геральд» поместила статью С. Н. Мачата под заголовком «Япония и развивающийся мир». В статье отмечается серьезная зависимость Японии от стран «третьего мира», на которые приходится почти 60 процентов японских долгосрочных инвестиций, почти 50 процентов японского экс-

* АСЕАН — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. Образована в 1967 году в составе Индонезии, Малайзии, Сингапура, Таиланда и Филиппин.

порта и более половины импорта. Однако до сего времени политика Японии в отношении развивающихся стран носит весьма эгоистический характер: опасаясь усиления их конкурентоспособности на мировых рынках, Япония весьма неохотно предоставляет им экономическую помощь.

Японская правительственная помощь на нужды развития не только мала по своим размерам, но и предоставляется она «с большой разборчивостью», пишет Мачата. Так, около 70 процентов помощи идет странам ЮВА, особенно странам АСЕАН. В последнее время Япония увеличивает свою помощь Африке, так что в 1979 году она составила почти 20 процентов. Анализ того, куда направляется японская помощь, показывает, что критерием для ее оказания являются не соображения численности населения или нищеты, а принцип «наиболее благоприятствуемого (с точки зрения японских интересов) региона». Взять, к примеру, АСЕАН. На Японию приходится четверть объема внешней торговли и половина импорта частного капитала каждой страной — членом АСЕАН. Для того чтобы сохранять это доминирующее положение, японской экономической дипломатии необходима постоянная «смазка» в виде правительственной помощи на нужды развития.

Из всех стран — членов АСЕАН больше всего Япония, несомненно, благоволит Индонезии. И это не удивительно: ведь Япония получает из Индонезии около одной пятой всего потребляемого ею жидкого топлива. Индонезия считается также идеальным местом, куда переводят предприятия, оказавшиеся «излишними» в самой Японии.

Интерес к Африке проявляется не без эгоистических соображений: сегодня Япония получает из Африки кобальт, марганец, хром, титан и железную руду, а завтра надеется заполучить для себя там растущие рынки сбыта.

Японская правительственная помощь на нужды развития играет важную роль в содействии экономическим интересам Японии. В Латинской Америке Япония предпочитает сотрудничать с частными предприятиями, поскольку большинство латиноамериканских стран более развиты, чем африканские страны. А основной формой сотрудничества является техническая помощь.

К Ближнему Востоку Япония долгое время оставалась безучастной: основная часть нефти, которую она

покупала, поступала от международных нефтяных картелей. Однако после «нефтяного шока» 1973 года Япония начала проявлять интерес к Ближнему Востоку, не скупясь на обещания помощи по правительственному каналу. Но эти обещания так и остались обещаниями.

Хотя формы предоставления японских кредитов развивающимся странам достаточно разнообразны, их главная задача состоит в том, чтобы облегчить рост рентабельности японских частных капиталовложений за рубежом. Характер японских займов показывает, что они более обременительны, чем займы других стран, оказывающих помощь. Так, если средняя годовая процентная ставка по японским займам в 1977 году составляла 3,4 процента, то процентная ставка других стран, оказывавших помощь, составляла лишь 2,7 процента. Средний период погашения японских займов в 1977 году составлял 26,5 года, тогда как средний период погашения займов других стран, оказывающих помощь, составлял 32,5 года.

Далее в статье говорится: если Япония предоставляет долгосрочный заем — значит, она преследует какую-то цель. Например, заем в 111 миллионов долларов, предоставленный в 1980 году Малайзии на создание в Сараваке завода по сжижению газа, был выдан потому, что вся продукция этого предприятия предназначалась для японского рынка.

В период с 1958 по 1978 год Япония предоставила займы на льготных условиях на двусторонней основе на сумму 9162,4 миллиона долларов. Но основная часть этих займов была связана определенными условиями, а именно получатели были обязаны покупать товары у Японии. Японские займы чаще предоставляются в японской валюте, обязывая получателей покупать товары у Японии.

Что касается японской «безвозмездной помощи нуждающимся», то в значительной своей части она используется в целях обучения персонала для японских предприятий в развивающихся странах. При этом обучение таких студентов ведется с акцентом на прояпонскую ориентацию.

Итак, развивающиеся страны действительно не заблуждаются в отношении характера и направленности японской «экономической помощи». Это еще раз подтвердило состоявшееся в мае 1982 года в Маниле совещание министров экономики стран АСЕАН. Как было

заявлено, основная цель встреч — преодоление чрезмерной зависимости от капиталистических стран Запада и Японии.

В настоящее время почти две трети товарооборота «пятерки», составляющей АСЕАН, приходится на долю США, Японии и стран Западной Европы, тогда как торговля между членами АСЕАН составляет всего 20 процентов. Такое положение не может устраивать страны АСЕАН, поскольку делает их крайне уязвимыми от колебаний конъюнктуры на рынках индустриально развитых государств, от финансово-экономических или политических кризисов на Западе. По замечанию авторитетной манильской газеты «Буллетин тудэй», страны АСЕАН «учли горькие уроки зависимости от рынков капиталистических стран», когда экономический кризис, разразившийся в середине 70-х годов на Западе и в Японии, больно ударил по их собственной экономике.

Отныне в политическом руководстве и в деловых кругах стран АСЕАН крепнет стремление объединить усилия в противодействии дискриминационной протекционистской политике ведущих капиталистических держав, сообща отстаивать взаимные торгово-экономические интересы перед лицом западных и японских монополий, которые не желают содействовать укреплению индустриальной базы развивающихся стран и тем самым сохраняют возможность для продолжения эксплуатации их природных и людских ресурсов в условиях неокOLONиализма.

Политике внешнеэкономической экспансии, которую под видом оказания помощи развивающимся странам проводят японские монополии, противостоит позиция демократических сил Японии. Крупнейшее национальное объединение — Генеральный совет профсоюзов Японии (Сохио) требует изменения внешнеэкономического курса, «ведущего к увеличению существующего разрыва между бедностью и богатством». В целях укрепления солидарности японских трудящихся с трудящимися развивающихся стран Сохио принял решение учредить свое представительство в Аккре (Гана). Коммунистическая и социалистическая партии Японии, вся демократическая общественность страны предупреждают об опасных последствиях нового курса правящих сил на структурную перестройку экономики в направлении вывоза «нерентабельных» производств и развития «экономически выгодных» отраслей, преимущественно ориен-

тированных на экспорт. Последствия эти носят не только социально-экономический, но и политический характер.

Решение о внедрении «новой экономической структуры» было принято японским правительством в декабре 1981 года. Оно предусматривает создание в промышленности своего рода «контрольных ассоциаций» во главе с представителями крупнейших корпораций. Эти ассоциации наделяются полномочиями государственных органов — классический пример слияния государственных органов с монополиями и финансовой олигархией. Отныне ассоциации имеют право не только создавать невыносимый режим для рабочих в интересах «государства», но и использовать все формы государственного регулирования. А это уже опасно: «новая экономическая структура», «новая политическая структура» плюс милитаризация экономики недвусмысленно предупреждают о том, что в Японии создаются предпосылки для возникновения специфической разновидности военно-монополистического диктата.

Оппозиционные силы Японии противопоставили новому правительственному курсу свои программы решения действительно сложных экономических проблем, к тому же обещающих стать еще более сложными к началу XXI века.

Сейчас некоторые японские политики заявляют, что проблема обеспечения энергоресурсами в новый период, а в более широком плане — вопрос внешнеэкономической политики на современном этапе — может явиться той разделительной чертой, по обе стороны которой ясно обозначатся «правые» и «левые» силы страны.

Это уже отчетливо проявилось в позиции политических партий, причисляющих себя к лагерю «обновления» — то есть к силам, стремящимся «обновить» сложившуюся в стране ситуацию, покончить с единоличным правлением служащей монополиям либерально-демократической партии и добиваться демократизации всех сфер жизни народа.

Независимо от реального содержания документов, подготовленных четырьмя крупнейшими партиями оппозиции, каждая из них трактует свои предложения как альтернативу политике правящих консерваторов. Но очевидно, что лишь коммунисты и отчасти социалисты в своих программах социально-экономического развития

наметили реальные направления выработки демократической альтернативы курсу монополий.

Однако при этом все без исключения оппозиционные партии в своих программах отметили всеобъемлющий характер кризиса японской экономики с середины 70-х годов как составной части общемирового экономического и политического кризиса системы капитализма. Оппозиционные партии Японии единодушно отметили неспособность консервативного правительства обеспечить стабильное развитие экономики в интересах трудящихся Японии. При этом коммунисты открыто заявили, что либерал-демократы привели японскую экономику к «историческому тупику». Основными причинами этого, подчеркнули коммунисты, являются: противоречия между производством и потреблением, вызванные сверхвысокими темпами накопления капитала в послевоенные годы; резкое различие между уровнем развития сельского хозяйства и промышленного производства в результате длительного стимулирования отраслей тяжелой и химической промышленности; интенсивная концентрация производства и капитала, позволяющая подчинять интересы трудящихся интересам капитала в обстановке наступившего кризиса и усугубившая его паразитическую сущность; выход из строя прежнего механизма оживления конъюнктуры, связанный с небывалым вздорожанием протекционистских мер в отношении крупного бизнеса в условиях мировой инфляции; провал региональной политики; теснейшая зависимость японской экономики от США.

По мнению коммунистов Японии, все это способствовало «расшатыванию самих основ процесса воспроизводства в стране». Отмечая, что консервативное правительство Японии не способно, да и не желает в новых условиях отказываться от прежних методов экономической политики, японские социалисты также предупреждают: политика либерал-демократов ведет к дальнейшей концентрации производства и капитала, включая капиталистическую рационализацию, экономическую экспансию в развивающиеся страны. «Крайним проявлением курса ЛДП являются меры по укреплению военного потенциала и насаждению реакционного, милитаристского духа в стране».

Новому правительственному курсу на дальнейшее расширение внешнеэкономической экспансии, сопровождающееся ужесточением капиталистической рационали-

зации в форме структурной перестройки всей экономической системы, демократические силы противопоставляют курс на глубокие преобразования экономики с тем, чтобы она от служения интересам монополий перешла к служению интересам трудового народа.

Опасное для японской экономики обострение энергетической проблемы, заявляют коммунисты в своей программе социально-экономического развития, опубликованной в 1977 году, объясняется в первую очередь хищнической эксплуатацией мировых энергоресурсов странами монополистического капитала. Главные капиталистические государства, численность которых составляет менее 20 процентов населения земного шара, потребляют 60 процентов мирового производства энергии. По количеству потребляемой на душу населения энергии они в 20 раз опережают развивающиеся страны. И даже на этом фоне Япония быстрее всех других стран по-прежнему увеличивает потребление энергетического сырья.

В документе Коммунистической партии Японии дается оценка растущему сопротивлению развивающихся стран энергетической политике монополистического капитала: борьба за обеспечение суверенитета над собственными природными богатствами, повышение цен на нефть и т. п. — все это ведет к ускорению развала неоколониалистской системы грабежа в области энергоресурсов, которая была создана американским империализмом в послевоенный период.

Коммунисты Японии подчеркивают, что расточительное потребление Японией нефти развивающихся государств привело к тому, что она сама полностью отказалась от разработки собственных запасов каменного угля, и это негативно отразилось на экономике страны в годы кризиса. С 1955 по 1975 год самообеспеченность Японии энергией снизилась с 76 до 10,3 процентов, а к 1985 году согласно прогнозам правительства такое сокращение предполагается до 8 процентов. В этой связи компартия предлагает перейти к самостоятельной и комплексной политике освоения энергоресурсов внутри страны и обеспечить проведение самостоятельной «энергоресурсной дипломатии», в том числе расширяя связи со странами социалистического лагеря.

Коммунисты ставят своей целью добиться большей экономической независимости, большей самообеспеченности Японии основными видами промышленного сырья.

Такое же направление видно и в предложениях компартии по перестройке экономической структуры страны: основной упор делается на усиленное развитие сельского хозяйства, лесоводства, рыболовства, отраслей легкой промышленности и строительства. Что касается сельского хозяйства, то, по предложению японских коммунистов, уже в 1981 году предусматривалось достичь 20-процентной самообеспеченности пшеницей, 30-процентной — по другим видам зерновых (кроме риса — его переизбыток), 100-процентной — по картофелю и яйцам, более чем 90-процентной — по мясу, молоку и молочным продуктам.

Отвечая своим оппонентам на обвинение в стремлении якобы вернуть Японию «на сто лет назад», «превратив ее в аграрную страну», японские коммунисты убедительно доказывают, что, несмотря на всю внешнюю привлекательность правительственных программ, несмотря на реально происходящие важные перемены, обозначающие начало «принципиально нового типа развития» Японии с преобладанием наукоемких, трудо-, энерго- и капиталосберегающих отраслей, несмотря на уже имеющиеся в этом направлении успехи, самое большее, чего удастся достичь Японии на пути, предложенном консерваторами, — это лишь несколько затормозить рост внешнеэкономической зависимости. О ее сколько-нибудь серьезном сокращении не может быть и речи.

Тем временем развитие экономических связей постоянно находится под воздействием интересов монополий, и это оказывает на внешнюю политику Японии решающее влияние. Абсолютная зависимость страны от торговли с границей, казалось бы, сама по себе должна была диктовать необходимость активной поддержки политики разрядки международной напряженности, курса на неприсоединение и на установление добрососедских отношений со всеми странами. Но вопреки здравому смыслу монополизм, отстаивая свои краткосрочные интересы, концентрирует внимание на улаживании усиливающихся трений на мировом капиталистическом рынке, выторговывая себе у западных партнеров уступки ценой отказа от поддержки мирных инициатив, а тем временем прилагая усилия для повышения своей конкурентоспособности в новых условиях за счет ускорения капиталистической рационализации, роботизации производства. Результаты такого курса в первую очередь отражаются на простых тружениках.

Но вернемся к проблеме «робота».

«Японский завод в 1990 году будет совсем не таким, как сегодня!»; «Производственные системы без людей будут неустанно работать 24 часа в сутки, без перерыва!»; «Одна ЭВМ — от проектирования до распределения!»

Так почему же японские рабочие не рады столь широкообещательным лозунгам и обещаниям? Почему профсоюзы обращаются к предпринимателям и правительству с требованием принять закон об ограничении распространения роботов?

В период, когда страна охвачена растущей безработицей, жесткой инфляцией, все усиливающейся конкурентной борьбой, трудящиеся, естественно, не могут видеть в роботе свою палочку-выручалочку, помощника, облегчающего труд, освобождающего от наиболее тяжелых или неприятных операций. Уже сейчас японский рабочий смотрит на робота как на самого опасного соперника, вырывающего у него из рук самое важное — работу.

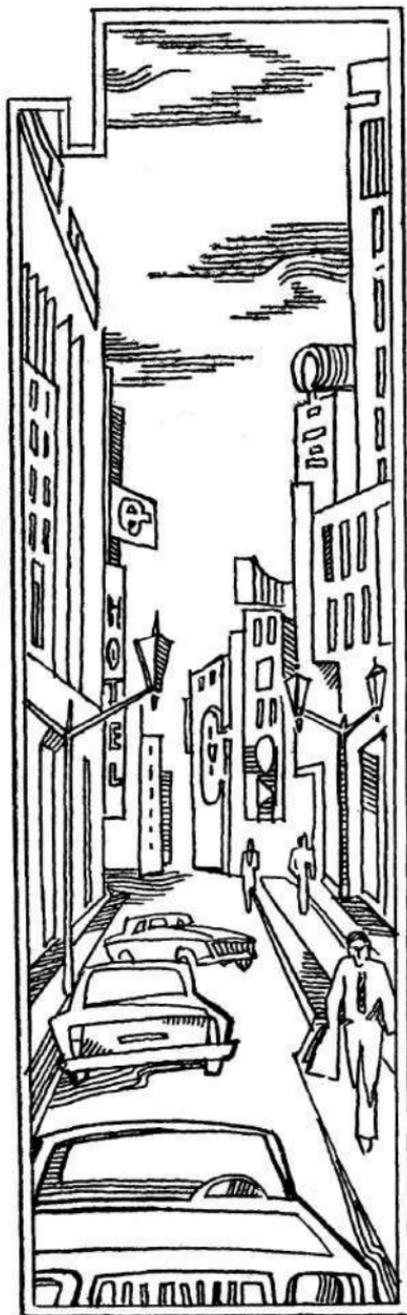
Недавно в японской печати появилось сенсационное сообщение о разработке проекта ЭВМ пятого поколения — сверхсложных машин, снабженных «зачатками мозга» — так называемым рудиментарным интеллектом. В сообщении говорилось: работающие на свете, а не на электричестве, эти роботы-интеллектуалы будут готовы взять на себя долю исследовательских работ, высвободив головы и руки. Но «от чего» и «для чего», собственно говоря, высвобождены будут эти трудовые руки японца?

Как заявляют сегодня рачители консервативного проекта структурной перестройки экономики, роботы в условиях Японии станут тем, чем являются иностранные рабочие (!) в странах Западной Европы; роботы, обеспечив снижение себестоимости продукции, способствуя улучшению ее качества и увеличению производительности, поддержат конкурентоспособность Японии на мировых рынках; экспорт роботов в другие страны, в том числе применение их на японских же предприятиях за рубежом, также обеспечит большую прибыль. Но ведь все это важно для монополий, а рабочему человеку это уже сейчас угрожает безработицей! И не только японские рабочие, но и рабочие японских предприятий за рубежом вряд ли могут приветствовать подобную роботизацию в условиях капиталистического производства.

Но у монополистического капитала есть еще один

серьезный довод в пользу роботизации, о котором, правда, его представители говорят меньше: как сообщила газета «Нихон кэйдзай», цена роботов в результате развития электроники с 13 миллионов иен за единицу уже снизилась до 10 миллионов, в то время как заработная плата японских рабочих в результате классовых битв трудящихся за последние десять лет возросла в два с половиной раза. Таким образом, робот и здесь становится выгоднее для капиталиста, чем живой рабочий человек.

Проблема робота — лишь часть более широкого круга проблем, связанных с реализацией нового курса правящих сил Японии. Но в ней, пожалуй, наиболее выпукло отражены возможные в будущем и уже наметившиеся сегодня неразрешимые противоречия экономической политики монополистического капитала. Альтернатива этой политике — курс на демократизацию японской экономики, выдвинутый прогрессивными силами страны. Этот курс призван защищать интересы трудящихся.

ИМПЕРИЯ «ЯКУДЗА»

Слово «якудза» действует на японца, пожалуй, так же, как на русского — «караул!». Разница лишь в том, что передает оно не крик о помощи, а служит для обозначения преступного мира Японии. Но и преступный мир имеет свою градацию, так сказать, шкалу квалификации, масштабности. Так вот, «якудза» — это высший класс бандитизма. Одним словом: «якудза» — «караул!».

Самое общее представление о японских гангстерах можно получить, включив телевизор. Одна из программ почти наверняка будет посвящена преступному миру и полицейским, которые с переменным успехом с ним борются. Достаточно посмотреть три-четыре такие программы, чтобы удостовериться в их простейшей сценарной

схеме, но в то же время заключить, что фильмы в значительной степени отражают действительность. Так, почти в каждом сценарии присутствует некий таинственный «элемент», глубоко внедрившийся в полицейские органы. Посвящая своих собратьев по банде в планы стражей порядка, он неизменно парализует любые их действия — знаменитые полицейские маневры «сакусэн». Если учесть, что до сего времени полиции не удалось достигнуть желаемого успеха в борьбе с «якудза», можно предположить, что в ее рядах и в самом деле находятся лица, информирующие руководителей банд о готовящихся против них мероприятиях.

Трудно указать точную дату появления «якудза», однако известно, что гангстерские союзы в Японии существуют не одну сотню лет. Одни считают временем их возникновения эпоху Эдо (1603—1867 годы), другие полагают, что корни их уходят в еще более далекое прошлое. Как бы там ни было, в услугах «якудза» всегда нуждались те, кто шел к намеченной цели путем обмана, шантажа, насилия.

В давние времена «якудза» жили своим собственным мирком, своего рода миром неприкасаемых. Этот мир ограничивался рамками «якудза-сима» — «острова-якудза», района господства банд. За пределы острова вселившие ужас «якудза» выходили в случае выгодных «заказов». По старому кодексу, отправлявшимся на дело бандитам запрещалось трогать людей, оскорблять их на улице, наносить телесные повреждения. По существу же, требования «заказчиков»-феодалов диктовали и методы «якудза», которые никогда не останавливались ни перед моральным, ни перед физическим уничтожением намеченной жертвы. Феодалы прибегали к услугам представителей двух видов силы: самураев они использовали для открытой борьбы с противником, «якудза» — для действий исподтишка. Именно поэтому для «якудза» было важно сохранить облик незаметных, незадиристых.

С тех пор Япония до неузнаваемости изменилась, и если пережитки феодализма все еще прочно соседствуют с принципами высокоразвитого капиталистического общества, то сама его структура, включая человеческие отношения, во многом стала иной. Изменились и «якудза», долгая история которых явно придала им больше уверенности. «Якудза» стали чувствовать себя «равноправными» членами общества, неотъемлемой его

частью, и это изменило их поведение. Как-то уже в наши дни один из главарей «якудза», гангстер преклонного возраста, во всеуслышание пожаловался на «испорченность» молодого поколения: дескать, раньше «якудза» боялись ступить даже на тень человека, вели себя скромно, старались раствориться среди обычных людей, вести образ жизни, который бы не бросался в глаза. А теперь...

И действительно, в последнее время многое в характере японского общества помогло гангстерам избавиться от своего рода комплекса неполноценности: в конце концов, бизнес есть бизнес, и главное — доказать свою жизнеспособность. А ее «якудза» убедительно демонстрируют через насилие и террор. Вот почему в наши дни даже случайные встречи с японской мафией нередко заканчиваются смертельным исходом.

Жестокость японских «якудза» хорошо известна. Об этом говорят и толстые книги, и экран телевизора. Современные «якудза» достигли большого совершенства: ежегодно они убивают в среднем от 400 до 500 человек. Их жертвами нередко становятся люди, не имеющие никакого отношения к преступному миру. Газетная хроника, еженедельники, ежегодники не жалеют своих высокооплачиваемых страниц для посвящения широкого читателя в ход военных действий между полицией и японской мафией, а порою просто для описания походов наиболее яркого героя ножа и кулака. На фоне такой пестроты наиболее пристального внимания удостоился бывший глава «Ямагути-гуми» — крупнейшей банды японских «якудза».

В июле 1981 года японская мафия проводила в последний путь 68-летнего Таока — причисленного к лику святых преступного мира Японии, знаменитого «черного дьявола». Похороны «патриарха» проходили «тихо», но торжественно. На них собралось большое количество знаменитостей — от известных кинозвезд до почитаемых всеми «граждан», которые пришли в храм «Токко-ин», чтобы отдать должное почившему «крестному отцу» японской мафии.

Обычно в Японии знаменитостями становятся борцы сумо, лучшие игроки бейсбола, команд регби, а также киноактеры, певцы и всякого рода «talанты телевидения». Они в особом почете, в центре внимания, их опекают многочисленные поклонники, различные прихлебатели, а также дельцы, наловчившиеся делать день-

ги на моде и популярности. Одно плохо: популярность — вещь временная, подтверждение чему — печальный закат многих промелькнувших метеором «звезд». Таока — «знаменитость» иного ранга. При имени почившего Таока и сейчас вздрагивает каждый порядочный японец, так как «дело» его, по свидетельству полицейских протоколов, «живет и процветает».

По данным японской прессы (их не отвергал и сам «патриарх якудза»), Таока еще в молодые годы поставил себе целью сколотить собственную, совершенно особого характера «группу», отвечающую духу «новых времен». Для начала, чтобы повысить свой авторитет среди себе подобных, Таока продемонстрировал «профессиональное» мастерство: в возрасте 17 лет, остановленный каким-то прохожим за хулиганскую выходку, он указательным и средним пальцами выдал ему оба глаза. Это позволило Таоке стать членом одной из групп «якудза». Однако главарем он стал после убийства ненавистного ему боксера. Начавшаяся с тех пор полувековая карьера гангстера сделала его имя известным каждому японцу. Таока несет ответственность за убийства и шантаж, за террор и организованную преступность.

До последних дней Таока старался не отставать от моды. Видимо, следуя моде, он взялся и за написание воспоминаний. В Японии его «мемуары» хорошо расходятся среди любителей «горячего». До этого кинокомпания «Тоэй» выпустила двухсерийный фильм под названием «Третье поколение Ямагути-гуми». Авторы фильма постарались не упустить ни одного сколько-нибудь известного дела банды «Ямагути-гуми», а их было немало за те тридцать с лишним лет, когда у руководства гангстерской группой стоял Таока.

В Японии никого не удивишь появлением подобного произведения: компания «Тоэй» уже давно специализируется на фильмах крови и ужасов и, по-видимому, процветает. Да кому же и быть постоянным героем ее продукции, как не самому «черному дьяволу». Фильму сразу же была обеспечена широкая реклама, так что критические голоса недовольных быстро потонули в ее дешевом потоке.

Действительно, Таока долго пребывал среди «знаменитостей». Прославился он не только особо жестокими методами (в этом у него нашлось бы немало соперников), но прежде всего размахом, в основе которого

лежит так называемая «доктрина Таока»: мафия — тот же бизнес.

В полном соответствии с этой доктриной «Ямагути-гуми» — не просто банда, пусть очень крупная и опасная. Это самый известный в Японии гангстерский синдикат. По данным полиции, в него входят 543 банды, объединяющие 11 800 членов в 35 префектурах Японии. Однако сам Таока нередко с бахвальством утверждал, что его «общество дружбы, взаимопомощи и выручки» насчитывает в десять раз больше членов, чем указано в официальных источниках. Видимо, такое заявление Таока делалось не только в целях саморекламы: значительная доля правды в нем имеется. Коллегам по «обществу» не откажешь ни в профессиональной солидарности, ни в чувстве благодарности своему бывшему шефу: успешно процветая на азартных играх, торговле наркотиками, проституции, сутенерстве и тому подобном, немислимом без насилия бизнесе, они не забывали об удалившемся от дел Таока. Не имея официальных источников дохода, к тому же все чаще оказываясь в роли пациента высокоразрядной клиники (пошаливало натруженное сердце), «почетный пенсионер» слыл миллионером. К его основному капиталу (10 миллионов долларов) беспрерывно прибавлялись все новые поступления.

Следуя жестоким законам бизнеса, синдикат «Ямагути-гуми», который успешно конкурирует с многочисленными бандами, старается, однако, не нарушать правил игры, ограничивая сферу действий лишь крупнейшими промышленными районами Японии. Так, в его епархию входит район Канто, центром которого является Токио, второй по значимости район Кансай (г. Осака), а также портовый город Кобэ и другие. По некоторым данным, в одном лишь столичном районе действует более 60 тысяч молодчиков синдиката «Ямагути-гуми».

Каков бы ни был масштаб гангстерского синдиката, все же «Ямагути-гуми» — это всего лишь составная часть японской мафии, в которую входит более двух с половиной тысяч различных банд. По самым осторожным подсчетам, с «якудза» прямо или косвенно связано свыше одного миллиона японцев — почти один процент всего населения страны. В основном это здоровые, молодые, трудоспособные люди. Причем, как утверждают сами главари, проблемы пополнения кадров у «якудза» не существует: «Кто еще в нашем, японском, обществе

может предоставить равные возможности молодым людям без образования и даже с образованием, но без денег, без поддержки? Поэтому наш мир остается таким, как есть».

На сегодняшний день «якудза» контролирует около 30 тысяч фирм, предприятий и банков. Точные доходы «якудза» подсчитать невозможно, однако полиция определяет их суммой не менее 30 миллиардов иен. Сами гангстеры хвастливо заявляют, что действительный масштаб их доходов не отразит и цифра, в сто раз превышающая указанную полицией. Именно «доходность» гангстерского бизнеса служит основной приманкой для неустроенной, нередко просто безработной молодежи, которая, утратив всякую веру в свой завтрашний день, неизменно пополняет ряды японских «якудза», состоящие большей частью из деклассированных элементов.

Бандитизм в Японии уже давно явление отнюдь не стихийное. За свою долгую историю «якудза» сумели создать строгую организованную структуру с железной дисциплиной и умелым управлением. Специалисты по различного рода преступным организациям считают, что структура групп «якудза» такая же, как и у сицилийской мафии, но в действиях японских «коллег» присутствуют ритуалы древних китайских тайных обществ, а также используются некоторые «рыцарские» традиции японских самураев.

После «реставрации Мэйдзи», на заре становления капитализма в Японии самурайское сословие формально было ликвидировано. Тут же встал вопрос о его будущем. Часть самурайства, наиболее тесно связанная с военной верхушкой и официальными властями, не желала расставаться с оружием. Она и стала основой, на которой был сформирован аппарат подавления, или защиты законов, — полицейских органов. Власти, таким образом, убили двух зайцев: предоставили почетную работу наиболее преданной им части самурайства, подкрепив преданность разрешением и впредь носить главный символ самураев — боевое оружие, и дополнили ряды полиции «хорошо подготовленными» кадрами, которые по традиции пользовались «уважением» простого народа. Так и повелось в Японии, полицейский — уважаемая фигура, к нему относятся с почтением, но вместе с тем между полицией и населением сохраняется определенная дистанция.

Другая часть самурайства, наиболее слабая в моральном и материальном отношениях, пошла по иному пути — она пополнила ряды преступного мира, привнеся в него некоторые элементы самурайского «кодекса чести». Об этом и напомнил недавно в своем хвастливом заявлении один из главарей шайки «якудза» в крупном портово-промышленном городе Тихоокеанского побережья Японии Кобэ: «Мы цветы лотоса в грязном пруду. Мы ценой своей жизни соблюдаем наш кодекс чести».

Японская мафия вездесуща. За свою историю она разработала безотказно действующую систему, позволяющую обходить законы и полицейский надзор. Под ее неусыпным контролем всякие преследуемые законом действия — от шулерства на бегах до банковских операций, от прибыльных азартных игр до порнографии и проституции. В любом случае на сегодня «якудза» чувствуют себя полновластными хозяевами более чем 27 тысяч подобных «предприятий».

В Японии закон запрещает азартные игры и китайскую игру маджан. Ежегодно полиция производит до 10 тысяч арестов среди злостных игроков и картежников. (Игра идет по-крупному, ставки иногда доходят до ста миллионов иен.) Однако, несмотря на преследования и аресты, количество очагов азарта не сокращается. Да и сами аресты, видимо, фикция, так как буквально через несколько часов арестованные нарушители чудесным образом оказываются на свободе.

В конце 50-х годов в Японии повели решительную борьбу с проституцией. Публичные дома закрыли, а персоналу было предложено включиться в трудовой процесс. Именно тогда у «якудза» появился новый источник доходов — «турецкие бани» с обязательными «массажистками».

Кварталы развлечений простираются в Токио на десятки квадратных километров. Бывает так, что в одном здании скучено по нескольку увеселительных заведений. Подвалы тоже забиты развлекающимися.

Все эти заведения используются с одной целью — выкачать из гостей как можно больше денег. Условия «работы» строго регламентированы. До часу ночи клиента вынуждают пить спиртное, так как без разрешения хозяйки бара или кабаре обслуживающий персонал не имеет права покинуть рабочее место (а именно умело подобранный «персонал» и привлекает сюда денежного посетителя). Затем уважаемый гость, желающий ближе

познакомиться с приглянувшейся ему «хостес» (так называют девушек, работающих в такого рода заведениях), должен в одиночку покинуть бар, оставив задаток минимум в 50 тысяч иен и деньги на оплату уже приготовленного для него номера в гостинице.

Прожигатели жизни совершают обход баров согласно установленному ритуалу «хасиго», что буквально означает «взбираться по лестнице»: постепенно напиваться до положения риз. И здесь хозяевами являются «якудза», которые наживаются буквально на всем. Но главный источник их дохода — наркотические средства, в обиходе называемые «маяку».

В Японию наркотики поступают контрабандой из Южной Кореи, Гонконга и с Филиппин. Небольшая доза даже наиболее слабых наркотиков имеет первоначальную стоимость от 50 до 80 тысяч иен. Попав в руки «якудза», цена подсакивает уже в три-четыре раза, так что бизнесмены-перекупщики приобретают «маяку» втридорога, а уж потребитель платит за наркотические средства баснословные суммы. Активно торгуя наркотиками, «якудза» пытаются делать хорошую мину при плохой игре: дескать, они тут ни при чем, они даже категорически против «маяку». Цинизм «якудза» не знает границ: в свое время Таока даже учредил в Иокогаме «Лигу по пресечению торговли наркотиками», в состав которой его усилиями вошли уважаемые в обществе люди — депутаты парламента, писатели, режиссеры, профессора университетов. Поразительно, но приглашение Таоки было всеми ими принято. По-видимому, ни принадлежность к «якудза», ни связь с ними не считается в Японии позором.

Такого рода рекламу «якудза» откровенно поощряют. Но стоит какой-нибудь газете или журналу, набравшись мужества, сообщить об истинных проделках мафии — реакция иная. Как-то один из корреспондентов крупнейшей японской газеты «Иомиури» позволил себе назвать «якудза» ответственными за уголовные преступления в Японии. На следующий день разъяренные защитники «чести якудза» ворвались в редакцию и учинили разгром. Еще до прибытия полиции одиннадцать сотрудников газеты в тяжелом состоянии были срочно доставлены в больницу.

Когда я начал писать о японской мафии, то опасался, что повествование получится схематичным, лишенным живых подробностей: ведь лично мне с представи-

телями «якудза» встречаться не приходилось. К тому же, несмотря на обилие материала, почему-то казалось: «якудза» — что-то нереальное, слишком «детективное». Однако стоило заговорить о «якудза» с японскими коллегами-журналистами, как картина сразу же приобрела, увы, вполне конкретные очертания.

— ...Вы, наверное, неоднократно слышали, что в Японии по сравнению, например, с США очень мало обычных преступлений типа нападения на улице и т. п.? — как-то сказал мне японский корреспондент в Москве. — Действительно, если в Вашингтоне после семи вечера вы вряд ли рискнете выйти и пешком прогуляться по улице (на автомобиле — куда ни шло), то в Токио можно довольно спокойно ходить даже поздно ночью. Так вот, как это ни парадоксально, но этим мы, японцы, в первую очередь обязаны не кому другому, как «якудза». Фактически каждый район, каждая улица, помимо официальных властей и организаций, находятся также в ведении какой-либо из гангстерских шаек. Эти банды заинтересованы в том, чтобы лишний раз не привлекать внимания полиции и общественности к подвластному им району. Поэтому «якудза» жестко контролируют и пресекают попытки не запланированных ими самими, так сказать, стихийных преступлений. Дело иногда доходит до того, что накануне какого-нибудь массового мероприятия — праздничного шествия, приема иностранных гостей и т. п. официальные власти вынуждены на тех или иных условиях договариваться с «якудза», заручаться их обещанием не нарушать в нужное время спокойствия района.

— Вам «якудза» представляется чем-то нереальным, — заметил другой мой японский знакомый. — А вот мне, к сожалению, пришлось почти непосредственно с ними столкнуться. Несколько лет назад мой двоюродный брат организовал коммерческое дело. Взял в банке довольно крупную ссуду и сначала неплохо справлялся. Однако по складу характера он не бизнесмен, так что через год-два дело его лопнуло, фирма пошла с молотка. За несколько дней до аукциона к брату внезапно пришли какие-то неизвестные и без всяких объяснений в угрожающей форме потребовали, чтобы он немедленно вернул ссуду в банк. Брат упирался, но, узнав, что имеет дело с бандой «Ямагути-гуми», конечно, заверил, что постарается сделать все возможное. Такого рода шантаж, использование банками и другим бизнесом в

качестве подставных вымогателей бандитов «якудза» дело обычное. В Японии оно никого не удивит...

Один из руководителей японской полиции, С. Асанума, как-то откровенно сказал: «Японцы никогда не поверят в серьезность намерений полиции истребить банду «Ямагути-гуми», равно как и другие, до тех пор, пока с ней на деле не будет покончено». Но воз и поныне там, и не потому, что японская полиция недействительна. Если наблюдать за операциями стражей порядка во время демонстраций и шествий, то можно заключить, что японские полицейские располагают не только необходимой подготовкой, но и имеют в своем арсенале все современные средства и технические приспособления, чтобы успешно бороться против любых банд и нелегальных организаций преступного мира.

Общий штат полиции в Японии довольно обширен. Только в Токио в полицейских органах насчитывается 44 тысячи человек, 40 процентов которых несут ежедневную службу в маленьких квартальных помещениях. Дежурство в этих отделениях длится по 8 часов, смены чередуются таким образом, чтобы каждый раз сдающие дежурство находились некоторое время с вновь заступившими. Это позволяет не прерывать дежурство и естественным образом, не спеша сообщать о происшедших или же о еще не законченных расследованиях. Как правило, одни и те же полицейские служат пожизненно в одних и тех же районах или кварталах, что позволяет им не только прекрасно освоиться, но и стать своими людьми для жителей участка.

У полицейского в Японии вполне определенная и конкретная задача: наблюдать за жизнью вверенного ему района, отмечать все отклонения от «нормы». Вся жизнь участка фиксируется в журнале дежурств. Полицейские, как правило, по двое на велосипедах или патрульных машинах объезжают свой район. Ежедневно они поддерживают контакты с предприятиями и коммерсантами. В их обязанность также входит посещение престарелых, сбор жалоб и, конечно, опрос осведомителей.

Со времени упомянутого заявления Асанума прошло уже несколько лет, однако банды «якудза» по-прежнему существуют и процветают. Конечно, за это время полиция делала неоднократные попытки по ликвидации японской мафии, была разработана даже специальная операция под многообещающим названием «Бульдозер»,

предусматривающая облавы по всей стране. Но «якудза», как видно, не очень испугались. По этому поводу один из руководителей мафии в Токио цинично заявлял: «Полицейские пытаются нарушить гармонию японского общества».

В чем причина живучести японской мафии? Может быть, «якудза» действительно неистребимы?

Говоря о причинах неуязвимости «якудза», чаще всего указывают на характер японской мафии — ее организационную структуру и жестокость методов, применяемых не только в отношении жертв, посторонних, но и в отношении самих ее членов. Абсолютное послушание старшим по мафии — основной закон гангстерских организаций. Во главе стоит «оябун» — «крестный отец», главный руководитель, который имеет дело со своими ближайшими помощниками, или «директорами». Под ними ходит огромная армия рядовых — рецидивистов, наводчиков, игроков в азартные игры, шулеров, спекулянтов, сутенеров, вымогателей, шантажистов, просто хулиганов и, наконец, «учеников» — кандидатов в полноправные бандиты. Каждый вышестоящий, начиная с «оябуна», употребляет всю свою власть для защиты вассалов, в случае необходимости жертвуя для этого даже частью своего состояния. Этим покупается пожизненная преданность телом и душой — если, конечно, она может существовать у бандита.

Проблем пополнения кадров у «якудза» не существует, их реклама — предоставление «равных возможностей» (откровенно циничное использование главного лозунга капиталистического мира) — действует безотказно. Тем более что, как правило, в других сферах жизни эта реклама себя далеко не оправдывает. Но если уж ты клюнул на посулы «якудза» — держись! Речь идет действительно о «пожизненном найме» (иное дело, сколь долгой окажется твоя жизнь).

Встретив японца без мизинца на левой руке, можете быть уверены, что столкнулись с «провинившимся» «якудза». У японских гангстеров существует железное правило кровью смывать вину перед «оябуном». Совершив серьезный проступок, «равноправный» бандит является к главарю с повинной: упав на колени перед ним, он тут же отрезает себе мизинец левой руки кинжалом и, молча завернув его в шелковый платок, торжественно преподносит хозяину. Если жертва, вернее, приношение принято — виновный прощен, ему разрешено жить.

Члены одного и того же клана «якудза» отмечены одинаковой татуировкой, которая иногда покрывает все тело.

Главари и исполнители настолько изолированы друг от друга, что полиции почти никогда не удается взять заправил, которые зачастую выглядят как честные граждане и ведут внешне примерную семейную жизнь.

О том, чтобы порвать с «якудза», не может быть и речи: вышеописанная экзекуция у всякого отнимет охоту попытаться сделать это.

И все же невозможно одной лишь умело налаженной организацией объяснить тот факт, что многие годы японская полиция проигрывает битву с «якудза». Называют и другую причину живучести японской мафии — ее тесную связь с правыми.

На свадьбе сына Таока присутствовали члены парламента, молодожены получили поздравления от многих известных в Японии лиц, в том числе от бывшего премьер-министра Н. Киси. Покопавшись в прошлом некоторых представителей правого крыла японского политического мира, можно обнаружить, что корни его ведут в «якудза». Бывает и так, что обанкротившиеся в политике правые пополняют собой ряды главарей японской мафии. Как видим, процесс этот взаимнообратимый, недаром японские газеты проводят параллель между Таока и Кодама: если Кодама — истинное лицо правых в Японии, маска с которого была сорвана скандальным «делом Локхид», то Таока — это ужасная гримаса японского преступного мира. Параллель между правыми и «якудза» нередко нарушает закон математики, когда обе опасные линии ради практического смысла частенько пересекаются друг с другом. «Я — «якудза» и горжусь этим» — такими словами миллионер Ямада открыл всеяпонский симпозиум ультраправых политических организаций. Так стоит ли удивляться «непобедимости» «якудза»?!

Примечательно, что представители японской полиции нередко заявляют: «Наши «якудза» необязательно плохие люди. Даже если они нам не нравятся, они — часть нашего, японского общества». Возглавляющий комиссариат квартала развлечений Токийского района Синдзюку С. Нисияма в интервью французскому журналу «Пари матч» сказал: «Наша мафия в своем поведении не имеет ничего общего с тем, что происходит в США или даже в Европе. Здесь, в нашем секторе,

насчитывается от 700 до 800 членов «якудза», но многие из них — серьезные деловые люди, не желающие привлекать к себе внимания полиции».

В официальных полицейских сводках и протоколах все преступники числятся под общей рубрикой «нарушители закона», и здесь грозные «якудза» нередко соседствуют с теми, кто, скажем, в силу своей водительской неопытности нарушил предписания дорожного движения. Однако ни подобное «мирное» соседство, ни прекраснородушные заявления полиции никого, конечно, не обманывают. Не обманывают они и саму японскую полицию, которая вот уже не один десяток лет находится в состоянии, увы, все еще безрезультатной войны с «якудза».

В последние годы представители прогрессивных сил Японии все чаще говорят о кризисе, охватившем японское общество, — кризисе экономическом, политическом и нравственном. «Якудза» предстает лишь крохотной частицей этого кризиса. Однако, может быть, к империи «якудза» стоит присмотреться более пристально: не есть ли ее сравнительно «безобидная» маска лишь временный щит, за которым — боевая готовность встретить «лучшие времена»? И не об этом ли говорят «братские узы» японской мафии с правыми ультра?

КРУГ ГРОЗИТ ЗАМКНУТЬСЯ

Как-то известный американский журналист и политолог Джон Льюис заметил: «Японцы смотрят вперед, оглядываясь назад».

Ну что ж, чтобы понять будущее, оглянись в прошлое, говорит народная мудрость. Без прошлого, без истории, не может быть ни будущего, ни настоящего. Важно только, с какими намерениями человек оглядывается на своем пути: он может искать в прошлом ответы на сложные вопросы текущего дня или подыскивать так называемый «прецедент» для оправдания собственных, уже загодя решенных позиций. Что видят в своем прошлом японцы, когда оглядываются назад?

Древние говорили, что время уносит все, меняя имя, наружность, характер. Если брать одного человека, то, возможно,

это и верно. По-видимому, так нельзя сказать в отношении целой нации, иначе не было бы того, что принято считать национальным характером, национальными особенностями. В потоке времени многое гибнет, но остается корень народа, его, по выражению Белинского, «крепкое зерно жизни». Вот почему каждый, кто пишет о Японии наших дней, о японцах «на рубежах XXI века», вместе с ними оборачивается к их прошлому.

В Токио я застал событие, получившее название «инцидент Мисима Юкио». Кумир правых «романтиков» Мисима тоже «оглянулся» в прошлое, попытавшись повернуть историю вспять. 25 ноября 1970 года глава организации фашистского типа «общество щита» Мисима Юкио выступил перед частями главного штаба сил самообороны в Токийском районе Итигая, призывая поднять мятеж с тем, чтобы вернуть Японии «ее былую чистоту и величие». Когда попытка Мисима потерпела неудачу, обанкротившийся носитель печальной памяти идеи прошлого публично совершил харакири, чтобы доказать «чистоту своих помыслов», воскресить в японцах образ «истинного японца-патриота». После «инцидента Мисима Юкио» в Японии 11 человек покончили с собой, в предсмертных записках выразив согласие с призывом Мисима возродить «бусидо» — «кодекс самураев».

Прошло шесть лет, и вот еще один «романтик» правых «оглянулся назад».

В марте 1976 года 29-летний актер Мицуюсу Маэно направил свой спортивный самолет на дом «вождя» японских ультраправых Ёсио Кодама. Этот инцидент вновь заставил обратить внимание общественности на правые организации, существующие в стране, на их опасную деятельность. Газеты запестрели сенсационными сообщениями. Согласно официальным данным в Японии насчитывается около 120 тысяч человек, входящих в 550 организаций правого толка. Все эти организации зарегистрированы, так что их деятельность более или менее находится в поле зрения органов безопасности. Сложнее дело обстоит с так называемыми скрытыми правыми или правыми «романтиками»-одиночками, которые вынашивают свои планы втайне ото всех и действуют неожиданно, по собственному усмотрению. (Помните зверское убийство лидера Социалистической

партии Японии Асанума?*) Полицейские службы не в состоянии точно определить, сколько правых «романтиков» затаилось в Японии. По некоторым данным, число их составляет от 10 до 30 тысяч человек. Это люди, которые по-прежнему считают императора божественным лицом, втайне ненавидят ныне действующую конституцию, не мысля жизни нации без абсолютной верности «пути воина».

Маэно, спикировавший на дом Кодама, до дела «Локхид» вел ничем не примечательный образ жизни среднего актера, каких немало снимается в затопивших страну порнографических фильмах. Его час пробил, когда в печати появились первые сообщения о деле «Локхид», в частности о том, что один из руководителей ультраправых, Кодама, взял у американской самолетостроительной компании «Локхид» 7 миллионов долларов для подкупа ряда высокопоставленных государственных чиновников. При этом оказалось, что, не будучи «романтиком», Кодама основную долю позаботился опустить в свой собственный карман. Другой лидер правых, Бин Акао, престарелый руководитель антикоммунистической организации «Дай нихон айкокуто» (патриотическая партия великой Японии), в прошлом наставник Кодама, выйдя на улицу, начал вещать в громкоговоритель, что, польстившись на доллары, Кодама предал «святое дело» правых организаций. Если бeрeшь, то так, чтобы комар и носа не подточил. Кодама же распоясался, следовательно, недостойн быть вождем правых... Уподобившись недоброй памяти камикадзе, «романтик» Маэно спикировал на дом Кодама...

Маэно разбился, приняв смерть за свои более чем сомнительные идеалы. А Кодама? Этого голыми руками, на «романтику» не возьмешь, он и тут вывернулся — повезло, остался в живых. Всю жизнь связанный с экстремистскими организациями, Кодама поднаторел в разного рода «делах». В период второй мировой войны был на короткой ноге со многими высокопоставленными военными руководителями. Адмирал Такидзиро Ониси, основатель авиационного полка смертников — камикадзе, числился в его близких друзьях, так что в 1945 году именно Кодама вручил Ониси меч для совершения харакири. Около трех лет назад на японские экраны

* В 1960 году председатель ЦИК СПЯ И. Асанума во время выступления был убит на трибуне ножом в спину ультраправым террористом.

вышел фильм, посвященный Ониси. С тех пор, как утверждают, призрак Ониси по ночам посещал Кодама, и ему не спалось. Ониси «оглядывался назад».

В прошлом можно искать и «зерна», и «плевелы», и те камни, что собраны, и те, что разбросаны. В прошлом можно найти и отточенные временем, покрытые сырým болотным мхом прекрасные камни японского сада, олицетворяющие душу, высокое понимание красоты, добрые традиции японской нации — и «камни Хиросимы». Помните? Женщина держит в руке речные камешки, совсем обычные, мирные камни ее города. Но вот она сжимает их — и на ладони горсточка серого пепла: ведь это камни Хиросимы.

После «инцидента Мисима Юкио» мы, советские журналисты, работавшие тогда в Токио, вопрошающе смотрели на своих японских коллег, ожидая услышать разъяснения. Удивительно, но тогда никто вокруг не отреагировал на это событие серьезно — наши друзья глухо верили, что это «историческая аномалия», «трагический курьез». Однако вскоре по телевидению была организована широкая дискуссия вокруг этого события, к участию в которой были привлечены откровенные сторонники правого «романтизма», и хотя беседа за «круглым столом» не отличалась единодушием взглядов, однако помню, как один из выступавших заметил: мы еще не осознаем всей серьезности того, что с каждым годом выпад Мисимы, окруженный ореолом духа японизма — «ямато дамасий», будет приобретать все большее влияние на определенную часть нашего общества, особенно на не знавшую войны молодежь.

Прошло более десяти лет. В Токио заметны перемены. Нередко можно видеть перегороженные полицейскими кордонами улицы, за которыми с серых, чуть ли не бронированных грузовиков одетые в защитную форму молодчики выкрикивают правые лозунги. Сейчас это уже стало привычным дополнением оживленных токийских кварталов. Выйдя, например, на станции Сибуя, в гулком грохоте пешеходных мостиков-переходов, вибрирующих от движения поездов, и смешавшись с бурным потоком людей и автомобилей, заполняющих улицы, вы рискуете попасть под град бравурных военных маршей и пламенных «патриотических» воплей группы правых экстремистов. Взобравшись на ошетилившиеся императорскими флагами и громкоговорителями автофургоны, эти одетые в форму воинственные молодые

люди, которым грезятся самурайские мечи и кровь, выкрикивают лозунги в поддержку «довооружения» Японии и изрыгают проклятия в адрес коммунизма.

Но правых финансируют хорошо, и они продолжают упорно разъезжать по улицам японских городов под звуки военных маршей былых времен. Не исключено, что в недалеком будущем их станут финансировать еще лучше.

Правящая либерально-демократическая партия приняла еще один шаг на пути к пересмотру конституции Японии. 22 апреля 1982 года состоялось заседание так называемого союза японских парламентариев, выступающего за создание «самостоятельной конституции». Этот союз возглавляет ярый противник нынешнего основного закона Японии — бывший премьер-министр Н. Киси. О «представительности» этого союза свидетельствует то, что в его состав входят также бывшие премьер-министры К. Танака, Т. Фукуда, другие лидеры ЛДП. Участники заседания приняли решение развернуть в стране массовую кампанию за принятие новой конституции.

Японская демократическая общественность расценивает подобные действия как «открытый поход» против закона страны с целью ревизии его мирных положений. В связи с этим влиятельный буржуазный журнал «Джэпан куотерли» назвал конституцию Японии «отжившим мифом». Но, несмотря на это, нынешние положения японской конституции вызывают глубокое раздражение либерал-демократов, поскольку конституция остается формальным препятствием на пути открытого возрождения милитаризма в стране.

Правящие круги Японии на практике давно игнорируют положения существующей конституции. Уже с того момента, когда они только приступили к созданию так называемых «сил самообороны», по существу, девятая статья основного закона Японии ставила под сомнение конституционность создания воинских подразделений. Соответствующая часть девятой статьи гласит: «Никогда не будут созданы сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы, как и никакой другой военный потенциал». Однако те, кто по многим причинам был заинтересован в протаскивании одного за другим решений о постепенном укреплении вооружений, «оглянувшись назад» и, видимо, призвал на помощь выработанный веками традиционный курс правящих сил Японии

на создание «фукоку-кёкай» — «богатой страны, сильной армии». Кое-кто в Японии, ко времени вспомнив также старую японскую мудрость — «тэнка хатто — микка хатто» (законы правительства — на три дня), стал действовать в обход основного закона. Сейчас уже трудно поверить в то, что каких-нибудь тридцать лет назад командующий американскими оккупационными войсками Дуглас Макартур всерьез призывал превратить Японию в «тихоокеанскую Швейцарию». Сами же Соединенные Штаты, подписав в 1951 году японо-американский договор безопасности, пошли на создание уже в 1954 году японских «сил самообороны». С середины 50-х годов военные расходы Японии стали резко возрастать. Но на Западе и в США мало кто обращал на это внимание. Оно и понятно: Соединенным Штатам надо было успеть использовать территорию Японских островов как военно-ремонтную базу для своих войск, сражавшихся в Корее.

И все же правящим силам понадобилось не одно десятилетие, чтобы притушить воспоминания японского народа об ужасах пережитой войны. Недаром 60-е годы были отмечены потрясавшими весь мир сражениями, в которых трудящиеся Японии встали стеной против фактического увековечения военного союза с США. Недаром еще в 1966 году американский посол в Токио Рэйшауэр писал: «договор безопасности — самая острая проблема в политической жизни Японии».

Но усилия тех, кто, находясь у власти, стремится использовать все ее возможности «до конца», не прошли даром: исподволь либо прибиралось к рукам, либо просто подминалось «общественное мнение», исподволь наращивалось вооружение. Уже в октябре 1978 года Япония без всякой «американской помощи», самостоятельно провела самые крупные военно-воздушные и военно-морские учения со времени окончания второй мировой войны. В этих маневрах приняли участие почти 150 японских военных кораблей и 200 боевых современных самолетов, которые обладали такой же огневой мощью, как и все вооруженные силы Японии во время войны на Тихом океане. И при всем этом в Японии не называют свои силы самообороны «вооруженными силами» (ведь создание вооруженных сил в Японии запрещено конституцией).

Некоторые соседние с Японией азиатские страны уже начали задаваться вопросом: что может означать

столь своеобразная трактовка Японией задач своей «обороны»? Но недаром в японских правящих кругах столь осторожны во всех своих высказываниях на военные темы: зачем провоцировать новые дискуссии — как за рубежом, так и у себя в стране? Нарушивший это правило председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Х. Курису немедленно поплатился: ему было предложено подать в отставку в связи с заявлением, сделанным журналистам, о допустимости мер, «выходящих за пределы закона», в случае возникновения «чрезвычайного положения». В то же время высокопоставленные должностные лица не устают повторять, что в Японии существует жесткий гражданский контроль над военными. Совет национальной обороны, гражданский орган на уровне кабинета министров, одобряет все решения в области обороны. Японские офицеры никогда не появляются в парламентских органах в военной форме, что не запрещается в западных странах. Наиболее важные посты в японском Управлении национальной обороны занимают обыкновенно гражданские деятели, выделяемые из своей среды министерством иностранных дел и министерством финансов. На них лежит неофициальная функция постоянно быть в курсе всех аспектов военного планирования и процесса управления войсками, чтобы они могли в любой момент дать ответы даже на самые детальные вопросы парламентариев.

Высокопоставленные деятели не устают повторять, что Япония ратифицировала договор о нераспространении ядерного оружия и неукоснительно ориентируется на «три принципа отказа от ядерного оружия», которые требуют никогда не приступать к производству ядерного оружия, не приобретать и не позволять размещать его на японской территории. Но осознание того факта, что страна и без ядерного оружия может представлять собой серьезную военную силу, ведет к тому, что все заверения Японии о ее пассивности сейчас звучат малоубедительно. То обстоятельство, что Япония является в то же время второй по экономической мощи страной капиталистического мира и занимает шестое место по уровню военных расходов на земном шаре, также подрывает убедительность ее официальных заверений в том, что она проводит скромную оборонную политику.

Японские деятели утверждают, что статья 9 конституции 1947 года запрещает им в принципе приобретать оружие наступательного значения. В этой связи

правлящие круги Японии настойчиво добиваются внесения реакционных поправок в законодательство страны, чтобы «легализовать» проводимую ими политику милитаристских приготовлений. Японская печать сообщает, что с этой целью при поддержке ЛДП многочисленные организации выносят на рассмотрение муниципальных и городских собраний резолюции, призывающие к пересмотру законов о «силах самообороны» Японии. Авторы подобных резолюций рекомендуют депутатам местных органов высказываться за дальнейшее укрепление вооруженных сил, их подготовку к «чрезвычайным обстоятельствам», расширению военного сотрудничества с США. Вся эта кампания направлена на то, чтобы подготовить почву к пересмотру законодательства и в конечном счете аннулировать 9-ю статью японской конституции, запрещающую стране иметь армию и применять силу для разрешения международных споров.

Правительство всегда заверяло, что силам самообороны никогда не будет позволено приобрести наступательный потенциал или возможность проводить операции за пределами района, непосредственно прилегающего к Японским островам и Окинаве. Этот добровольный отказ был явно рассчитан на то, чтобы успокоить тех, кто мог опасаться пробуждения довоенной японской мечты о создании «сферы процветания в Великой Восточной Азии», за которой крылись планы установления экономического господства, опирающегося на угрозу применения военной силы. Зарубежным критикам, которые могли бы обвинить Японию в стремлении превратить и небольшие силы самообороны в средство проведения наступательных операций, можно было тут же ответить, что эти силы не способны удалиться дальше 100 или 200 миль от побережья страны. Можно было сослаться и на то, что японские сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы не способны достаточно эффективно преодолеть даже эти небольшие расстояния.

Но уже в 1978 году началось серьезное обсуждение перспективы приобретения большей части тех средств, которые могли бы составить потенциал для проведения операций на достаточном удалении от самой страны. В результате быстрого прогресса за последние годы в создании новой техники сейчас становится все труднее проводить различие между наступательными и оборонными силами. Особенно в Японии, где для поддержания сил самообороны на уровне современных требований

возникла необходимость пополнить их состав элементами, создающими явно наступательные потенциальные возможности. Будь то американские сверхзвуковые истребители Ф-15, будь то самолеты-заправщики или сверхсовременные боевые корабли, каждый раз наступательные системы оружия преподносятся как законные компоненты укрепления японских сил самообороны.

Тем более, как заявил начальник японского Управления национальной обороны (УНО), «жизнеспособная система обороны обязательно требует и наступательного потенциала». Он публично поставил под сомнение смысл оборонительных сил, которых не опасается «потенциальный противник». Кого же прочат правящие силы Японии в «потенциальные противники»? В 1978 году в Белой книге по вопросам обороны впервые был назван «прямой источник угрозы» — Советский Союз.

Хотя японское правительство, официальные лица неоднократно заявляли о стремлении к дружбе и сотрудничеству с Советским Союзом, в частности о готовности не допускать, чтобы какие бы то ни было японские двусторонние соглашения наносили вред советско-японским отношениям, Япония вот уже не один год фактически втягивается в антисоветскую стратегию. Одна из причин такого курса налицо: нереалистически мыслящие деятели в Токио необоснованно надеются, что подобный «нажим» может повлиять на СССР и заставить его пойти на уступки в так называемом территориальном вопросе.

Пересмотр приоритетов в области внутренней и внешней политики в Японии сопровождается попытками выработать обеспечивающую его новую концептуальную основу. В первую очередь в качестве оправдания увеличения военного потенциала используется антисоветизм, заявление о том, что СССР якобы наиболее реальный противник Японии. По меткому замечанию одного американского журналиста, которое он позволил себе в статье под заголовком «Не приведет ли нас Япония к третьей мировой войне?», опубликованной 8 сентября 1978 года в журнале «Нью стейтсман», «хорошо известно, что японец не проголосует за увеличение военного бюджета, пока не увидит конкретного противника... А ведь чего греха таить, военная промышленность — единственное растущее и бескризисное производство. А 9-я статья конституции не дает японским промышленникам прибыли».

Широкая полемика, периодически организуемая на

страницах японской печати то вокруг проблемы «обеспечения безопасности», то относительно позиции Японии в условиях новой «холодной войны», служит этой цели. Как отметил в связи с этим видный японский политический обозреватель Мацуока, дискуссия вокруг проблемы ремилитаризации постепенно стала приобретать характер кампании, проводимой под лозунгом «Не опоздай на автобус!». Однако, подчеркивает Мацуока, бывают «автобусы», на которые имеет смысл опаздывать. В прошлом Япония уже «села в автобус», который доставил ее прямо в объятия оси Рим — Берлин — Токио. Позиции Японии в этой связи Мацуока противопоставляет осторожную позицию ряда западноевропейских стран, которые делают все возможное в целях сохранения системы мирового хозяйства и защиты международных отношений, несмотря на раздающиеся в их адрес окрики из-за океана и призывы к развязыванию новой «холодной войны».

По мнению Мацуока, Японии, которая не имеет достаточно разработанной внешнеполитической линии разрядки, следует обладать способностью уходить в сторону от международных конфликтных ситуаций, стараясь не сеять семена раздора в международных отношениях. Сохранение такой способности и является главной задачей японской внешней политики. Мацуока решительно выступает против поддержки Японией экономических санкций США в отношении СССР. Границы действий Японии, по его мнению, определяются участием в ООН.

Трезвый голос японского публициста не является одиноким, но не для таких выступлений была организована пропагандистская кампания «подогревания общественного мнения». Причем эта кампания по обработке общественного мнения вышла далеко за рамки японской печати. Самый посещаемый фильм 1981 года «Объединенная эскадра» рассказывает о событиях с момента нападения на Пирл-Харбор до того времени, как закончил свою «славную» историю японский линкор «Ямато». Компания «Тоэй» выпустила фильм о генерале Х. Тодзио — военном преступнике, который в период второй мировой войны был премьер-министром Японии. Тодзио был казнен по приговору международного трибунала, но созданный на экране образ генерала подан так, чтобы вызвать симпатию.

Сейчас в Японии выпускают историю воздушной войны на Тихом океане в двадцати томах. В другом много-

томном издании читателям предлагаются личные воспоминания участников войны, щедро сдобренные страданиями и самопожертвованием.

Прогрессивная общественность Японии крайне озабочена «военным бумом» и тем влиянием, который он может оказать и уже оказывает на японскую молодежь. Профессор социологии Токийского университета Р. Ватанабэ в интервью корреспонденту Ассошиэйтед Пресс выражает свою озабоченность тем, что японскую молодежь абсолютно с неверных позиций знакомят с историей страны периода второй мировой войны. Более того, обучение в школе поставлено таким образом, что наиболее яркие факты, свидетельствующие о жестокости японцев во время войны, стушеваны, о них молодежь порою вообще не знает, а о причинах вступления Японии в войну вообще умалчивается или же они излагаются таким образом, что Япония предстает «жертвой», невольной втянутой в мировую бойню.

Компания «Тохо» выпускает серию фильмов, в которых самые мрачные эпизоды войны подаются зрителям под соусом проявления «высшего национального патриотизма». Речь идет, в частности, о фильме «Башня Химэюри», популярность которого была уже предreshена «букетом» кинозвезд. Если же учесть, что любимые японской молодежью звезды экрана изображали сознательную гибель японских школьниц на Окинаве при высадке американских войск, то результат нетрудно себе представить: ни в чем, конечно, не повинные девочки подорвали себя гранатами под воздействием псевдопатриотического милитаристского угара, но ведь в фильме это действительно имевшее место событие трактуется в духе все того же угара...

По словам профессора Ватанабэ, сегодня молодежь Японии даже не представляет, какую трагедию пережила их страна. Если прогрессивные учителя Японии требуют, чтобы в учебниках правдиво и ярко отражались эпизоды, свидетельствующие об ошибках прошлого, то консерваторы, выступающие в поддержку ремилитаризации Японии, стремятся представить недавнюю историю страны в героическом ореоле. Неудивительно поэтому, что С. Моримура, автор выпущенной недавно книги «Насыщение дьявола», оказался объектом травли со стороны молодежи, которая в многочисленных письмах и телефонных разговорах с писателем называла его «предателем» и «прислужником коммунизма».

Книга С. Моримура «Насыщение дьявола («Акуmano хосёку») была признана бестселлером 1982 года. В ней описываются действия секретного «отряда 731» Квантунской армии. Она построена на документах, которые многие годы были засекречены и лишь теперь стали достоянием общественности. Эти документы раскрывают одну из самых жестоких глав тихоокеанской войны — использование Японией биологического оружия против Советского Союза и Китая. Многие годы японское и американское правительства скрывали эти факты. При этом позиция Вашингтона, как свидетельствует американский журнал «Буллетин оф атомик сайентистс», была продиктована желанием обеспечить монопольное владение японскими материалами об использовании бактерий в качестве смертоносного оружия. США избавили японских военных преступников от судебного преследования, а те, в свою очередь, передали американским представителям из Кэмп-Детрика (ныне Форт-Детрик) свои лабораторные данные.

Япония приступила к разработке биологического оружия в 1931 году, после оккупации северо-восточных провинций Китая. Тогда хирург японской армии Сиро Исии убедил свое руководство в том, что микробы могут стать наиболее дешевым оружием, способным причинять колоссальный ущерб противнику. Исии, которого сделали впоследствии генерал-лейтенантом, возглавил большой центр, размещившийся на захваченной китайской территории. В этом центре выводили бактерий, насекомых, там же находились и тюремные помещения для «подопытных». Постепенно центр приобрел масштабность: его снабдили полигонами, арсеналом для изготовления бактериологических бомб, аэродромом и крематорием. В августе 1945 года, когда советские войска повели наступление на Квантунскую армию и до безоговорочной капитуляции оставались уже считанные дни, японцы поспешили уничтожить свои центры по разработке биологического оружия. Документация и наиболее секретная аппаратура была нелегально вывезена в Японию.

В книге Моримуры подробно рассказывается о том, как в Маньчжурии солдаты подразделения по ведению бактериологической войны вводили подопытным бациллы тифа, холеры, чумы, проводили операции без наркоза, замораживали военнопленных во время специальных экспериментов на выживаемость, проводили на женщи-

нах опыты по изучению венерических заболеваний и так далее. По имеющимся сегодня данным, «отряд 731», ставя свои эксперименты на живых людях, уничтожил около 3 тысяч иностранных граждан, которые были захвачены японцами в плен.

Книга «Насыщение дьявола» вышла в свет в декабре 1981 года, а уже в начале 1982 года было продано около миллиона экземпляров. Такой тираж для Японии, где книги выпускают в количестве 5—10 тысяч экземпляров, — сенсация. Однако одна или даже несколько таких «сенсаций», видимо, не могут остановить джинна милитаризма, которого сознательно выпустили правящие силы страны.

Чтобы прикрыть свои устремления и в какой-то мере стусевать в памяти мировой общественности прошлые деяния милитаристов, правящие круги Японии в июле 1982 года повели кампанию по исправлению некоторых неточностей в историческом прошлом Японии. В частности, в одобренных текстах учебников по истории такие выражения, как «военная агрессия» и «высылка корейцев в трудовые лагеря», были заменены более мягкими и иносказательными формулировками типа — «продвижение вперед» и «распространение на корейцев приказа о национальной мобилизации». Разумеется, подобная акция вызвала резкий отпор мировой общественности.

Весной 1982 года в Гонолулу была проведена пресс-конференция начальника штаба военно-морских сил самообороны Японии адмирала М. Маэды. Он встретил журналистов на борту японского эсминца «Сиранэ», находившегося у причала в Пирл-Харборе после участия в совместных маневрах «Римпак-82». Тоже своего рода сенсация: опять «Жемчужный порт» — Пирл-Харбор, но как многое изменилось. Правда, сенсационность выбора места сейчас же была затушевана сенсационностью сообщения: адмирал Маэда заявил, что отныне японские силы морской самообороны считают своей главной задачей защиту морских путей на расстоянии тысячи миль от берегов Японии. Впервые об этом говорилось во время переговоров бывшего премьер-министра Японии Д. Судзуки с президентом США Р. Рейганом, состоявшихся в 1981 году в Вашингтоне.

Дистанции «огромного размера», естественно, требуют и соответствующих расходов.

В 1982 финансовом году японское правительство

увеличило размеры своего военного бюджета на 7,75 процента, доведя его таким образом до 2,6 триллиона иен (10,6 миллиарда долларов) — цифра беспрецедентная. В связи с этим представители американского правительства выразили своему союзнику удовлетворение, что, однако, не означает, что уже в ближайшее время Вашингтон не потребует от Японии дальнейшего роста военных расходов. В свете новых шагов Японии уже не кажутся столь нереальными некоторые нашумевшие в свое время проекты совместных военных маневров, включая космос.

Сейчас в центре внимания в Японии находится политическая программа по вопросам безопасности страны в 80-е годы. В основе этой программы лежат положения, подготовленные несколько лет назад комитетом министерства иностранных дел по выработке мероприятий для обеспечения безопасности Японии. Программа внешнеполитического ведомства Японии состоит из следующих разделов: 1) современное значение вооруженных сил; 2) усовершенствование системы японо-американского договора безопасности; 3) модернизация сил самообороны; 4) активизация дипломатических усилий.

Ссылаясь на концепцию «комплексного обеспечения безопасности», создатели программы, предназначенной стать основой внешнеполитической стратегии Японии, делают упор на японо-американский договор безопасности как на эффективную силу «сдерживания». Наряду с этим в программе содержится требование модернизации «сил самообороны» и активизации внешней политики Японии, в том числе предусматривается изучение вопросов ее участия в наблюдательных органах ООН в целях якобы разрешения конфликтов, а также включения частей «сил самообороны» Японии в состав войск ООН «по поддержанию мира».

В связи с проблемой модернизации «сил самообороны» Японии в программе подчеркивается необходимость последовательного укрепления обороноспособности с учетом соответствующих требований США. Пока еще окончательно не определены конкретные суммы и их соотношение с валовым национальным продуктом, но МИД и УНО Японии заняли активную позицию в плане поддержки требования США о дальнейшем повышении японских военных расходов.

Значительное место в программе отведено определению роли Японии в системе международных отношений.

Ее авторы рекомендуют, чтобы Япония предпринимала дипломатические усилия в целях предотвращения конфликтов, вносила вклад в дело «мирного» разрешения споров, то есть брала на себя роль посредника. Особо подчеркивается, что Японии необходимо способствовать обеспечению региональной безопасности на основе предоставления экономической помощи Таиланду, Пакистану, Турции и другим государствам, «граничащим с конфликтующими странами».

Становится очевидным, что характерной особенностью программы является квалификация экономической помощи как одного из звеньев «блокирования СССР».

Анализ правительственного документа, призванного определить внешнеполитическую линию Японии на ближайшие годы, свидетельствует о том, что «концептуальная основа» для коренного пересмотра внутри- и внешнеполитических приоритетов в 80-е годы оказалась разработанной: в программе нашли отражение все основные положения полемики по вопросу «национальной безопасности», организованной правящими кругами, — «советская угроза», «эффект экономической помощи» и т. д. Не случайно руководители МИД Японии заявили, что главное не подготовка программы, а дискуссия вокруг нее.

Становится очевидным, что Япония сделала еще один шаг в сторону отказа от соблюдения положений 9-й статьи своей конституции, которая получила у японского народа название «мирной». Монополистический капитал все активнее подчеркивает необходимость усиления военных направлений в развитии экономики, перевода значительной части производства на военные рельсы. Сам же рост этих военных направлений нередко пытаются представить как своего рода единственно реальный путь, позволяющий разрешать социально-экономические проблемы Японии, которые возникают в ходе структурной перестройки хозяйства в масштабах всей страны, что вызвано необходимостью для Японии приспособляться к новым условиям мирового экономического развития. Военное производство таким образом рассматривают как своего рода панацею, способствующую «рассасыванию безработицы», якобы неизбежно возникающую в результате структурных сдвигов в экономике. Такого рода эксперименты уже наблюдались в истории других государств. Хорошо известно, что

Гитлер, укрепляя свое положение в Германии, в 30-е годы действовал приблизительно таким же образом.

Последствия, которые будет иметь для жизни японского народа решение об увеличении ассигнований на военные нужды, очевидны. Ведь бюджет 1982 года, по которому предусмотрен рост военных расходов на 7,6 процента, недаром получил название бюджета «жесткой экономии»: как это ни парадоксально, учитывая рост военных расходов, правительство на этот раз придерживалось так называемого «нулевого варианта», почти не увеличив ассигнований ни по одной другой бюджетной статье. Наиболее серьезно это затронуло интересы рабочего-японца: ассигнования на социальные нужды решено увеличить всего лишь на 2,8 процента. При этом уже сейчас четко вырисовываются перспективы на 1983 год: реализация плана модернизации японской ракетной системы ПВО и улучшения других «оборонительных средств», выдвинутого начальником УНО С. Ито, очевидно, потребует еще больших бюджетных ассигнований. За чей счет?

Выступая в мае 1982 года с комментариями к докладу Японской федерации предпринимателей (Никкэйрээн), председатель этой федерации Б. Оцуки заявил, что в истекшем году в Японии наблюдалось «чрезмерное повышение заработной платы». Однако если на крупных предприятиях средний рост заработной платы составил 7,5 процента, то на средних и небольших (а их в Японии большинство, и именно они сосредоточили основную часть рабочих рук страны) — менее 7 процентов. О каком «чрезмерном росте» идет речь, если даже в предыдущие кризисные годы трудящиеся в ходе «весенних наступлений» неизменно добивались не менее 8-процентной надбавки, и это, с учетом безудержной инфляции, едва обеспечивало им сохранение прежнего уровня реального заработка.

По сообщению газеты «Асахи», УНО Японии изучает вопрос о строительстве крупного эскортного корабля водоизмещением до 6 тысяч тонн, который будет оснащен новейшей системой ПВО, разработанной в США. Новый корабль, строительство которого намечено на 1987 год, обойдется японцам в 100 миллиардов иен. В чей же карман они поступят?

Среди компаний военно-промышленного комплекса наибольшую долю военного пирога из бюджета получает компания «Мицубиси дзюкогё», военные заказы которой

составили в одном лишь 1981 году 105,2 миллиарда иен. За ней следует компания «Кавасаки дзёкогё», «Мицубиси дэнки».

К 1984 году сумма военных заказов японской промышленности перевалил далеко за один триллион иен (в 1979 году — 640 миллиардов иен). В настоящее время военная промышленность Японии уже самостоятельно специализируется на производстве артиллерийского и стрелкового оружия, боевых кораблей и самолетов (по американским лицензиям), бронетанковой техники, ракет и управляемых снарядов, электронной аппаратуры. Быстрыми темпами развиваются военно-научные исследования, в рамках которых большое внимание уделяется проблеме создания сверхсовременных ракет с лазерной системой наведения, разработке электронных средств контроля и управления огнем. Наряду с этим проводятся широкие программы космических исследований и ядерных изысканий.

Чтобы представить себе потенциальные возможности промышленно-производственного и исследовательского комплекса Японии, достаточно вспомнить хотя бы все те же «ЭВМ пятого поколения». В связи с этим привлекает внимание следующее сообщение: 8 января 1982 года в Токио состоялась 18-я сессия японо-американской консультативной комиссии по «договору безопасности», на которой, однако, не были рассмотрены проблемы военно-технического сотрудничества, поскольку японская сторона тогда еще не выработала мнения в отношении передачи США новейшей технологии. Этот вопрос решился в пользу США в начале 1983 года, когда премьер-министр Я. Накасонэ дал согласие на передаче США японской военной технологии, что, по существу, означает экспорт оружия и военной техники. Другое дело — в какой форме Вашингтон сочтет нужным компенсировать старания «младшего партнера». Но со временем и это не будет секретом.

Результаты 18-й сессии консультативной комиссии широко обсуждались в японской печати. Главным итогом сессии стала официальная договоренность сторон приступить к изучению совместных действий Японии и США в случае возникновения «чрезвычайных обстоятельств» на Дальнем Востоке за пределами японской территории. Командующий вооруженными силами США в районе Тихого океана адмирал Р. Лонг, представлявший американскую сторону на переговорах, дал понять,

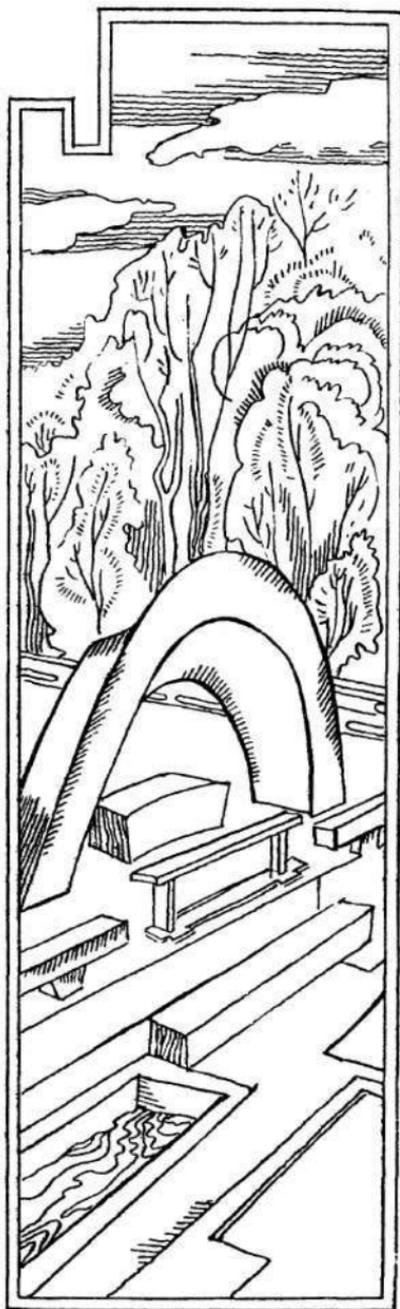
что Японии следует пересмотреть свою оценку Советского Союза лишь как «потенциальной угрозы». Он заявил: «При оценке СССР в первую очередь следует обращать внимание на военные возможности Советского Союза, а не на его намерения».

В связи с этим, комментируя позицию японской стороны, газета «Асахи» писала: «Япония не только не дала должного отпора американским утверждениям о «советской угрозе», но и обещала наращивать военные усилия». Другая газета, «Токио симбун», выражая озабоченность отсутствием самостоятельного курса у Японии, назвала японскую позицию на переговорах «пресмыкательством перед США».

Оценивая итоги 18-й сессии как очередную ступень в укреплении военно-политического союза и расширении сферы действия японо-американского «договора безопасности», крупнейшая японская газета «Асахи» предупреждала: «план совместных действий Японии и США — давний замысел Вашингтона... его «сценарий» предполагает более активную роль Японии в операциях вооруженных сил США. В результате шансы вовлечения нашей страны в вооруженный конфликт возрастают».

Сообщения японской прессы свидетельствуют, что развитие событий идет именно в таком направлении. В июле 1982 года высший совет по разработке политики в области обороны принял план, разработанный УНО, согласно которому предусматривается выделение (от 17,4 до 18,2 миллиарда долларов) на приобретение таких видов вооружений, как танки, корабли и самолеты, в период 1983—1987 годов. Правительственный совет национальной обороны под председательством премьер-министра страны одобрил программу закупок среди прочих вооружений 373 танков, 49 кораблей и подводных лодок (общим тоннажем 97 тысяч тонн), 50 противолодочных самолетов, 75 истребителей. Общие расходы на оборону в Японии в пятилетний период составят от 61,6 до 64,7 миллиарда долларов. Специалисты по вопросам вооружения предполагают, что в 1984 году военные расходы Японии могут превысить один процент от валового национального продукта.

Итак, круг, начавшийся с развязывания Японией войны на Тихом океане, вновь грозит замкнуться. Действительно ли японцы «оглядываются назад, смотря вперед»?

ИЕРОГЛИФЫ НА ХАТИМАКИ

Испокон веков, проводя свою политику, правящие силы в Японии следовали линии, получившей название «кансон-мимпи», что означает «уважай чиновника — презирай народ». 1945 год будто бы разорвал эту протянувшуюся сквозь столетия нить. Согласно новой конституции японский народ стал суверенным своей страны. С тех пор прошло тридцать лет, и вот недавно один из высших государственных чиновников Японии, бывший начальник Управления национальной обороны С. Ито, говоря на встрече японских предпринимателей об отношении японской общественности к проблемам обороны, позволил себе открытое заявление, в точности соответствующее духу «мимпи»: дескать, японский народ только и делает, что вытягивает из

нас деньги, тогда как пора бы ему уже по-иному относиться к государству. Оппозиция потребовала отставки Ито за его слова, оскорбительные для народа Японии, но — дух времени! — премьер-министр отклонил это требование. Дело ограничилось тем, что Ито выступил в парламенте с извинением за свое «спорное» высказывание.

И тем не менее, выступая среди японских предпринимателей, начальник УНО точно охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в стране вокруг проблемы «обеспечения безопасности», как ее формулируют в политических кругах, или вопроса увеличения военных расходов и, следовательно, развертывания военно-промышленного потенциала, как его, несомненно, трактуют промежуточные заинтересованные в военных заказах монополистические круги.

Действительно, народ Японии не стремится «сесть в автобус», двери которого столь «гостеприимно» распахнули перед ним стоящие у власти. Опасные планы правящих кругов Японии, усиление правых тенденций во внутренней жизни страны, раздуваемая определенными силами милитаристская националистическая кампания встречают решительное сопротивление со стороны прогрессивной японской общественности, оппозиционных партий, которые в настоящее время располагают достаточно сильными позициями в парламенте, чтобы, не допустив пересмотра существующей мирной конституции, сорвать замыслы реакции.

Недавно токийское отделение Японской ассоциации юристов-демократов организовало симпозиум по вопросам борьбы за мир и демократию. Эта ассоциация, образованная в 1921 году, является одной из старейших демократических организаций в Японии, объединившей в своих рядах более тысячи прогрессивных юристов страны. Ассоциация борется за соблюдение демократических правовых норм, против вмешательства государства в дела профсоюзов, против войны, за ликвидацию американских военных баз на японской территории. Защищая интересы и права японских трудящихся, члены ассоциации неизменно выступают на судебных процессах по обвинению предпринимателей в загрязнении окружающей среды, недобросовестном «лечении» недозволенными лекарствами и т. п.

На симпозиуме, организованном ассоциацией, выступили не только юристы-демократы, но также акти-

висты и деятели профсоюзного движения, прогрессивные японские журналисты, представители японской литературы и искусства. Во всех выступлениях прежде всего обращалось внимание на те основные направления, по которым в последнее время ведется наступление правых сил: усиление военно-политического союза с США, наращивание боевой мощи сил самообороны под предлогом их «довооружения», подготовка чрезвычайного законодательства на случай войны, стремление к возрождению воинской повинности, пересмотру мирного характера конституции и закона о «силах самообороны».

Материалы симпозиума легли в основу сборника «Нет — подготовке к войне!», который был выпущен в свет Японской ассоциацией юристов-демократов. В послесловии к сборнику председатель токийского отделения ассоциации С. Камидзэ пишет: главная задача нашего сборника — содействовать дальнейшему сплочению рядов борющихся за мир и демократию, за улучшение условий жизни и работы трудящихся.

В своем выступлении на симпозиуме известный японский юрист И. Найто сказал: «Правительство открыто стало на путь усиления военного союза с США на основе договора безопасности, сотрудничества с Соединенными Штатами в деле наращивания военной мощи. Логическим выражением этого курса стали планы руководства правящей либерально-демократической партии изменить нынешнюю конституцию страны, ввести законы на случай чрезвычайной обстановки. Провозглашая так называемую «закономерность» принятия подобного законодательства, руководство ЛДП берет на себя весьма большую ответственность перед страной и народом, поскольку эти законы носят антидемократический характер. Они дают неограниченные полномочия военным, которые получают возможность распоряжаться не только имуществом, но и самой жизнью гражданского населения страны». В заключение Найто обратился с призывом к японскому народу оказать немедленный и решительный отпор планам консервативного правительства, противоречащим основному закону страны.

Большой интерес представляют помещенные в сборнике выступления активистов профсоюзного движения, представляющих рабочих некоторых заводов японской военной промышленности.

«Милитаризация промышленности означает открытое наступление на жизненные права рабочих. Задуманные правительством антидемократические «административные реформы» чреватые новым ухудшением условий жизни трудящихся. Недавно построенный на верфях концерна «Исикавадзима-харима дзюкогё» сторожевой корабль «Курама» обошелся в 65 миллиардов иен. Очевидно, что жертвой милитаризации становятся трудящиеся, поскольку в результате гонки вооружений сокращаются расходы на образование, медицинское обслуживание, социальные нужды», — говорилось в выступлении Д. Окава, одного из руководителей Всеяпонского профсоюза рабочих судостроительной промышленности.

Наступление националистических милитаристских сил идет широким фронтом, оно охватило все сферы общественной жизни — экономику, политику, культуру. На симпозиуме выступил руководитель профсоюза кинокомпаний «Тоэй» Т. Хориз. Он сказал: «Стремясь в нужном для себя духе влиять на сознание подрастающего поколения, милитаристы не гнушаются никакими средствами. Например, зная о популярности у подростков мультипликационных фильмов, они выпустили откровенно националистический мультфильм «Космический линкор Ямато», который просмотрели практически все японские ребята. Руководство фирмы «Тоэй» приняло решение поставить также милитаристский мультфильм «Война будущего», в котором прославляется военный союз Японии с США и провоцируется чувство ненависти к СССР. Мы, активисты профсоюзного движения студии, ознакомили с реваншистским сценарием всех работников. Реакция была одна — негодование и протест. Борьба против решения администрации еще не кончилась: мы организуем митинг, выпускаем листовки, проводим опросы. Объясняя свою твердую позицию, наши коллеги говорят: родители гибли в войне, нельзя допустить, чтобы она повторилась, чтобы ее пережили наши дети». В борьбу против наступления сил милитаризма на умы и души подрастающего поколения включились многие прогрессивные организации Японии — Совет женщин новой Японии, Союз японских кинематографистов, Общество защиты детей и многие, многие другие.

Подобно тому как в 60-е годы все честные, гражданственно мыслящие японцы, повязав на головы хатима-

ки, издавна ставшие в Японии символом труда и борьбы, вышли в поход против укрепления военного союза с американским империализмом, сейчас, в 80-е, они вновь повязывают хатимаки, иероглифы на которых вызывают: «Скажем «нет!» войне!»

Демократические силы Японии оказывают серьезный нажим на правительство либерально-демократической партии, требуя недвусмысленно проявить свои мирные устремления, поддержав в ООН резолюцию о неприменении ядерного оружия.

В Хиросиме, городе, ставшем жертвой первой атомной бомбардировки, проходят многотысячные митинги с требованием не допустить новой ядерной войны.

В Хиросиме, а также в другом городе, испытавшем взрыв американской атомной бомбы, — Нагасаки были открыты отделения международной организации «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Их представители заявили: врачи не могут игнорировать создавшуюся в мире опасную ситуацию, они будут бороться за мир, рассказывая народам всех стран об ужасах атомных бомбардировок и страданиях жертв атомного взрыва и реактивного облучения.

Позиция японского правительства по вопросам ядерного вооружения не отличается последовательностью. Начиная с 1961 года в ООН 10 раз вносился проект резолюции о неприменении ядерного оружия. В первый раз представитель японского правительства проголосовал в поддержку резолюции. Однако со второго по восьмой раз Япония воздерживалась от голосования, а в 1980 и 1981 годах голосовала против этой резолюции. В 1981 году за резолюцию проголосовало 121 государство, 19, в том числе Япония, были против и 6 стран воздержались. Таким образом, единственная в мире страна, пережившая атомные бомбардировки, оказалась в малочисленной группе государств, выступающих против резолюции о неприменении ядерного оружия.

В мае 1982 года нижняя палата японского парламента одобрила резолюцию с требованием ликвидации ядерного оружия, запрещения химического оружия и других видов оружия массового уничтожения. Это решение вызвало широкий отклик в стране. Газета «Токио симбун» в редакционной статье писала, что консервативное правительство должно проявить уважение к этой парламентской резолюции и соответственно выработать

свою позицию на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи по разоружению.

Оппозиционные партии Японии оказывают нажим на консервативное правительство в этом направлении. По инициативе Социалистической партии Японии в мае 1982 года в Токио была проведена конференция против ядерного оружия, за разоружение и безъядерные зоны. В этой конференции принимали участие представители политических партий, демократических движений и общественных организаций 17 стран, в том числе Японии, СССР, ГДР, МНР, КНДР, Франции, ФРГ. Участники этого международного форума обсудили актуальные проблемы обуздания угрозы ядерной войны, прекращения гонки вооружений и упрочения международной безопасности, вопросы активизации движения за ядерное разоружение и укрепление мира.

Конференция была проведена накануне отъезда бывшего премьер-министра Д. Судзуки на встречу «семерки» и затем на II сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. В связи с этим Председатель ЦИК СПЯ И. Асуката, встретившись с премьер-министром, потребовал, чтобы Судзуки проявил инициативу для достижения разоружения. Однако в полном соответствии со своей прежней непоследовательной линией глава правительства отказался дать точный ответ относительно того, какой будет позиция Японии по вопросу о запрещении использования ядерного оружия.

Дело в том, что под нажимом всех оппозиционных партий, которые выступили инициаторами внесения в парламент резолюции с требованием ликвидации ядерного оружия, запрещения химического и других видов оружия массового уничтожения, правительство консерваторов после долгих дискуссий все же вынуждено было с ней согласиться.

Однако, проявив «гибкость» в надежде сбить накал антивоенного движения, грозящего охватить всю страну, консерваторы не могут отказаться от согласования с США своих действий в рамках такого международного органа, каким является ООН. Нетрудно предугадать, что старший партнер вновь вынудит Японию поддержать ядерное оружие как «сдерживающую силу». Тем более что США поспешили проявить жесткость своей позиции еще до открытия сессии, фактически поставив под угрозу поездку представителей японской общественности в Нью-Йорк на II спе-

циальную сессию Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению. Американские власти задержали выдачу виз большой группе из состава делегации.

Решение направить делегацию японской общественности в ООН было принято японскими массовыми организациями, которые поставили перед собой задачу передать непосредственно в штаб-квартиру международной организации многочисленные резолюции с требованиями сторонников мира запретить ядерное оружие, добиваться всеобщего и полного разоружения.

Приезд японской делегации, которая должна была предъявить в ООН многочисленные документы, кинофильмы, рассказывающие о тяжелых последствиях американских атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, оказался явно нежелательным для Вашингтона. В число «нежелательных» лиц вошла большая группа тех, кто перенес на себе атомные бомбардировки, наиболее активные участники движения за запрещение ядерного оружия.

Выступивший в связи с этим на пресс-конференции С. Накабаяси, один из руководителей японского Совета связи народных движений за полное запрещение ядерного оружия и разоружение, заявил: «Администрация Рейгана видит угрозу в растущем в Японии и во всем мире движении за запрещение ядерного оружия, за разоружение. Этим и объясняется задержка виз японским сторонникам мира».

О том, насколько жестким может быть нажим со стороны «союзника», красноречиво говорят хотя бы те печальные последствия, к которым привело согласие японского правительства на экономические «санкции» в отношении Советского Союза: даже такие крупнейшие компании, стоявшие на пороге заключения выгодных контрактов с СССР, как «Мицубиси дзюкогё» и «Кавасаки дзюкогё», вынуждены были уступить заказ на общую сумму в 100 миллиардов иен французским и западногерманским фирмам. Обеспокоенные таким положением, здравомыслящие представители японских деловых кругов в связи с этим предупреждают: «Соблюдение жестких санкций, введенных правительством на кредиты Советскому Союзу, приведет к тому, что советская сторона в своих торговых сделках и впредь будет отдавать все большее предпочтение европейским странам».

Тем временем многое свидетельствует о перспектив-

ности, взаимовыгодности развития торговых и экономических связей между двумя странами-соседями. В июле 1981 года было принято решение о совместной разработке месторождений нефти и природного газа на континентальном шельфе в районе острова Сахалин.

Учитывая, что Япония — второй потребитель нефти в мире после США, на нее приходится около 10 процентов нефти, используемой развитыми капиталистическими странами, значение достигнутой договоренности трудно переоценить. Однако под нажимом своего американского партнера японское правительство идет на эскалацию эмбарго в отношении Советского Союза, так как оно шло на поводу у США в еще более важных, чреватых самыми опасными последствиями вопросах войны и мира.

Правящие силы страны, видимо, рассматривают свои отношения с военным союзником как основное условие сохранения той всерастущей власти, которая позволяет им оказывать нажим на трудящиеся массы во всех сферах жизни — политической, экономической, социальной. Однако трудовой народ Японии еще не сказал своего последнего слова.

...Мне вспоминается одна токийская «история с ремонтом». Корпункт АПН в Токио нуждался в ремонте и обратился в связи с этим к одной японской компании. Прибывшие вскоре специалисты, ознакомившись с состоянием здания, предупредили, что работа предстоит довольно большая. Сделав нужные записи, они простились, обещав через неделю сообщить о сроках и стоимости работ. Ровно через неделю представитель компании заехал в корпункт, чтобы назвать сумму и срок, к которому работы будут закончены. Предполагалось, что все это займет ровно месяц. Прошло десять дней, затем двадцать, и мы начали испытывать беспокойство из-за затянувшегося молчания подрядчика. Но вот через три недели к корпункту подъехало несколько грузовиков, с которых в мгновение ока, тихо и споро сгрузили стройматериалы. Все было аккуратно завернуто в брезент, а скоро и само наше здание огромными брезентовыми полотнищами со всех сторон оказалось скрыто от глаз посторонних. Выведенные на брезенте иероглифы сообщали, что здесь идет ремонт и производящая его компания заранее просит прощения за причиняемое в связи с этим беспокойство. Ремонт закончился ровно

к сроку, и стало ясно, что все основные работы совершались не здесь, на стройплощадке, а где-то в другом, укромном месте, незаметно для непосвященных глаз. Незаметно, но вовремя и споро...

Недавно бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер, стремясь, видимо, успокоить определенные круги США в отношении «слишком медленных темпов» милитаризации Японии, заметил: «Западные страны принимают решения быстро, но им требуется много времени для воплощения их в жизнь, особенно если эти решения спорны... В Японии же подготовительный процесс убеждения предшествует практическому претворению в жизнь той или иной политики. Для принятия решений требуется немалое время, зато реализуется оно быстро и единодушно. Тем быстрее, что люди, которым поручено осуществить его, участвовали в его разработке».

Генеральный консул посольства Японии в Англии Ю. Сато в своей статье «Япония и ее оборона» недавно также «обнадежил» сторонников военизации своей страны, заявив, что для завоевания «надежной поддержки японской общественности в вопросах милитаризации» потребуется от трех до пяти лет...

Действительно, «подготовительные» процессы совершаются в Японии неспешно, однако я позволю себе не согласиться со столь безапелляционной уверенностью этих господ в характере будущего решения. Ведь к нему готовятся не только совершенно определенные круги, заинтересованные в военном курсе политики и экономики, — к нему готовится весь народ Японии. И верится, что решение это, неспешно и продуманно вынашиваемое в различных уголках страны ее честными и трезво мыслящими гражданами, будет однозначно: «Нет» — войне!»

В марте 1982 года большая группа японских писателей накануне широкой кампании по сбору подписей, фактически от имени 80 миллионов японцев подписавшихся под петицией против ядерного оружия, за мир и разоружение, направила обращение главам правительств Советского Союза и Соединенных Штатов Америки.

В настоящее время, говорилось в обращении, в мире накоплено столько ядерного оружия, что его хватило бы для многократного уничтожения всей жизни на Земле. Параллельно с разработкой нейтронной бомбы, но-

вых типов ракет, крылатых ракет и т. п. открыто выражается ужасная мысль о возможности ядерной войны.

Мы — противники подобных идей и действий. Нельзя вести «ограниченную войну» с помощью ядерного оружия... Одновременно мы требуем, чтобы японское правительство неукоснительно придерживалось трех принципов, гласящих, что оно не станет обзаводиться ядерным оружием, не будет производить его и не допустит, чтобы на территорию Японии было ввезено какое-либо ядерное оружие.

Мы, прошедшие через испытание Хиросимой и Нагасаки, считаем своим долгом перед человечеством сделать все, что в наших силах, чтобы не допустить опустошения нашей планеты ядерной войной.

Мы призываем все народы Земли немедленно перейти к действиям в защиту мира. Не следует в отчаянии опускать руки, напротив, мы должны удвоить наши силы, направленные на сохранение мира.

Обращение японских писателей — борцов за мир нашло живой отклик среди самых широких масс советского народа. Это от его имени прозвучали слова в ответе правительства СССР на призыв представителей всех миролюбивых сил Японии не допустить ядерной войны:

«Только наивные, далекие от реальности люди могут полагать, что пламя термоядерной катастрофы не опалит смертоносным огнем их дом, если он находится вдали от источника пожара. Долг каждого, кому дорого будущее жизни на нашей планете, — внести свой вклад в устранение опасности ядерной войны, в поиски путей укрепления мира... мы предлагаем заключить конвенцию об укреплении гарантий безопасности неядерных государств и соглашение о неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время. Советский Союз со всей определенностью заявляет, что никогда не применит ядерное оружие против тех государств, которые отказываются от производства и приобретения этого оружия и не имеют его на своей территории. Более того, Советский Союз готов заключить на этот счет и специальное соглашение с любым из неядерных государств. Мы не видим препятствий к тому, чтобы начать обмен мнениями по этому вопросу и с Японией как в рамках выдвинутого на XXVI съезде КПСС предложения о проведении переговоров о

мерах доверия на Дальнем Востоке, так и в любых других приемлемых для обеих сторон формах».

Хочется надеяться, что мирные предложения, вот уже не один год направляемые Советским Союзом правительству Японии, получат должный ответ. Ведь японцы, мы глубоко в это верим, смотря в будущее, оглядываются назад. Трудовой народ, все прогрессивные силы, каждый честный японец в прошлом видит предостережение грядущему.

Да и как может быть иначе: ведь именно на них, ставших трагическими жертвами Хиросимы и Нагасаки, обрушилось чудовищное решение, принятое в 1945 году жестокой мощью американского империализма. Принятое — без взгляда в будущее.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	4
«УНИКАЛЬНЫЕ ЯПОНЦЫ»?	11
ДИССОНАНСЫ ЯПОНСКОЙ «ГАРМОНИИ».	33
СТРАШНОЕ СЛОВО «РОГАН».	46
«ОТСУТСТВУЮЩЕЕ ПОКОЛЕНИЕ».	62
«ЧЕЛОВЕК ПРЕДПРИЯТИЯ».	82
РОБОТ, МОНОПОЛИИ И ЭКСПАНСИЯ.	97
ИМПЕРИЯ «ЯКУДЗА».	116
КРУГ ГРОЗИТ ЗАМКНУТЬСЯ	129
ИЕРОГЛИФЫ НА ХАТИМАКИ.	147

Дунаев В. И.
Д83 Японцы «на рубежах» / Вступит. слово С. Беглова; Худож. Г. Пондопуло. — М.: Мол. гвардия, 1983. — 158 с, ил.
30 коп. 65 000 экз.

В последние годы в мире возрастает интерес к сегодняшней Японии, к ее экономическим результатам. Но «японское экономическое чудо» служит, как показывает практика, власть имущим. Действительный же создатель этого «чуда» — простой человек труда — остается в стороне. Об этом, а также о других наиболее актуальных проблемах общественной и политической жизни современной Японии рассказывает в книге «Японцы «на рубежах»» журналист-международник Владислав Дунаев.

Книга рассчитана на массового читателя.

Д 0804000000—226 КБ—016—003—83. ББК 66.3(5Я)
078(02)—83 32 И

ИБ № 3636

Владислав Иванович Дунаев
ЯПОНЦЫ «НА РУБЕЖАХ»

Редактор **Л. Левко**
Художественный редактор **Н. Коробейников**
Технический редактор **Н. Якубова**
Корректоры **Т. Пескова, В. Назарова**

Сдано в набор 03.02.83. Подписано в печать 30.08.83. А 05274. Формат 84X108 ¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 8,4+0,42 вкл. Учетно-изд. л. 9,2. Тираж 65 000 экз. Цена 30 коп. Изд. № 2326.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 103030. Москва, К-30, Сушевская, 21.

Полиграфкомбинат ордена «Знак Почета» издательства ЦК ЛКСМУ «Молодь». Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко. 38-44. Заказ 3-222.

Японские трудящиеся защищают свои жизненные права и интересы.

«Долой ядерное оружие!» — требуют участники сидячей демонстрации в Хиросиме.

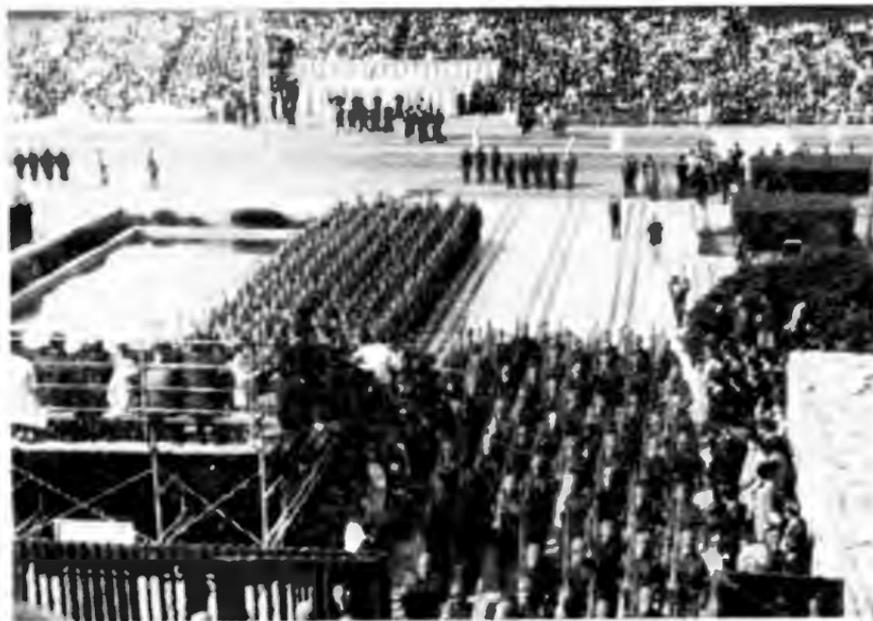
Активист японского антивоенного движения, участник манифестации в Нью-Йорке: на груди — плакат с фотографиями японских борцов за мир, которым американские власти отказали во въезде в США накануне II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению; в руке — фотография жертв ядерного взрыва.

Сидячая демонстрация пожилых японцев перед зданием министерства труда, требующих обеспечить стабильную занятость.

Представитель национального меньшинства Японии — айну, которых считают аборигенами Японских островов.

Подготовка к военному параду в Токио.

Промышленный робот — дитя XX века.

Милитаризация все глубже проникает в японское общество: солдаты сухопутных «сил самообороны» во время учений.

Американские авианосцы — частые гости у берегов Японии.

Многострадальная Хиросима: остатки разрушений после американской атомной бомбардировки — свидетельство акта вандализма.

Юный участник демонстрации за мир, против гонки ядерного вооружения.

Японские школьницы на экскурсии: кимоно соседствует с обычной школьной формой.

За спиной у мамы интересно, тепло, безопасно.

Нагоя — административный центр префектуры Айти, индустриальная столица экономического района Токай.

Гора Фудзи — национальная гордость японцев, символ нации.

Япония — страна гор. Камень широко используется для украшения парков, площадей, внутренних дворов.